

Г. К. Ашин

**КРИТИКА
СОВРЕМЕННЫХ
БУРЖУАЗНЫХ
КОНЦЕПЦИЙ
ЛИДЕРСТВА**

**ПРОТИВ
БУРЖУАЗНОЙ
ИДЕОЛОГИИ**

Издательство «Мысль»

**ПРОТИВ
БУРЖУАЗНОЙ
ИДЕОЛОГИИ**

Г. К. Ашин

**Критика
современных
буржуазных
концепций
лидерства**

**Москва
«Мысль»
1978**

РЕДАКЦИИ
ФИЛОСОФСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Ашин Г. К.

А98 Критика современных буржуазных концепций
лидерства. — М., «Мысль», 1978.

136 с. (Против буржуазной идеологии).

В книге анализируются новейшие буржуазные социологические и социально-психологические теории лидерства, типы лидерства и методы руководства в капиталистическом обществе. Буржуазным теориям лидерства противопоставлена марксистская точка зрения о социальном руководстве при социализме, его действенности, о личности руководителя, его стиле и т. д.

А 10506-135 67-78
004(01)-78

1ФБ

В условиях развитого социализма и строительства коммунизма все большее значение приобретают вопросы научного управления обществом. Соединение достижений научно-технической революции с преимуществами социализма предполагает интенсивное исследование проблем руководства социально-экономическими процессами как в масштабе страны и больших регионов, так и на предприятиях, в учреждениях, колхозах. Повышение производительности труда, эффективность использования новой техники, создание благоприятного психологического климата на предприятии в значительной мере зависят от уровня руководства, его действенности, его стиля, личности руководителя. Не случайно поэтому на XXV съезде КПСС особо подчеркивалось, что повышается роль руководителей различных звеньев народного хозяйства и как следствие повышаются требования к партийному, советскому, хозяйственному руководителю.

Возрастание роли управления в условиях современной научно-технической революции — существенная тенденция общественного развития; тенденция эта принимает в условиях двух существующих антагонистических социально-экономических систем различные и противоположные формы. При капитализме стремление к «оптимальному» управлению не разрешает глубочайших противоречий, разъедающих это общество. В условиях частной собственности на средства производства невозможно планирование, управление в масштабах всего народного хозяйства; поэтому проблема управления ставится заведомо паллиативно как управление на отдельном предприятии, в отдельной корпорации. Но именно потому даже самая лучшая организация производства в отдельной капиталистической фирме лишь еще более подчеркивает и обнажает анархию капиталистического производства в целом. Напротив, в условиях социализма научное управление охватывает все уровни и звенья социального организма. Возрастание роли управления, его глубоко научный характер — необходимое условие гармоничного развития социалистического общества, его постепенного перерастания в коммунистическое.

В. И. Ленин считал важнейшей задачей строительства нового общества организацию научного управления народным хозяйством. Он сформулировал основные принципы научной организации управления — классовость, партийность, объективность, демократический централизм, эффективность, конкретность, нахождение основного звена в цепи управленческих задач и т. д. Под руководством и при непосредственном его участии развернулись в нашей стране первые исследования проблем управления социальными процессами.

Разработка проблем научного руководства обществом отвечает насущным потребностям развитого социалистического общества. Именно на такую интенсивную разработку ориентируют советских исследователей решения XXIII, XXIV, XXV съездов нашей партии. «Совершенствование системы управления, — отмечалось на XXIV съезде КПСС, — не разовое мероприятие, а динамичный процесс решения проблем, выдвигаемых жизнью. Эти проблемы и впредь должны будут находиться в центре нашего внимания» (3, 1, 91)¹. В Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии подчеркивалось, что дальнейшее совершенствование управления становится решающим звеном нашего хозяйственного развития (см. 4, 58). Съезд наметил четкую программу повышения эффективности планирования, умелого использования экономических стимулов и рычагов, совершенствования структуры и методов управления.

Демократический характер управления политической, экономической, культурной жизнью нашей страны нашел отражение в Конституции СССР. В статье 3 Конституции говорится: «Организация и деятельность Советского государства строятся в соответствии с принципом демократического централизма... Демократический централизм сочетает единое руководство с инициативой и творческой активностью на местах, с ответственностью каждого государственного органа и должностного лица за порученное дело».

Проблемы руководства вызывают все усиливающийся интерес советских социологов, экономистов, философов, психологов, юристов. За последнее время появилась значительная литература, в которой раскрыты важные

¹ Цифры в скобках означают: порядковый номер произведения в списке цитируемой литературы, помещенном в конце книги, далее том (если он имеется) и страницу.

аспекты социального руководства (см.: 10, 11, 16, 23, 33, 39, 41, 42, 46, 48, 54). Однако дальнейшая разработка этих проблем остается важной задачей.

При позитивной разработке проблем руководства полезно критически проанализировать имеющиеся по этим вопросам работы буржуазных ученых. В США и западноевропейских странах исследования проблем социального управления ведутся многие десятилетия. Среди них центральное место занимают теории лидерства, посвященные преимущественно социально-психологическим аспектам управления. Необходимо вскрыть ограниченный, апологетический характер этих концепций, вместе с тем критически использовать данные этих исследований.

Замечательный образец принципиальной критики буржуазных теорий управления дал В. И. Ленин. Вскрывая классовое содержание этих теорий, он вместе с тем учил использовать все ценное, что в них содержится. Важнейшее методологическое значение для анализа современных буржуазных теорий управления имеет ленинская критика тейлоризма. В. И. Ленин показал глубокую внутреннюю противоречивость теории Ф. Тейлора, содержащей новаторские, прогрессивные элементы управления крупным общественным производством и в то же время являющейся в условиях капитализма инструментом эксплуатации. В. И. Ленин писал: «...система Тейлора,— как и все прогрессы капитализма,— соединяет в себе утонченное зверство буржуазной эксплуатации и ряд богатейших научных завоеваний в деле анализа механических движений при труде, изгнания лишних и неловких движений, выработки правильнейших приемов работы, введения наилучших систем учета и контроля и т. д. Советская республика во что бы то ни стало должна перенять все ценное из завоеваний науки и техники в этой области. Осуществимость социализма определится именно нашими успехами в сочетании Советской власти и советской организации управления с новейшим прогрессом капитализма. Надо создать в России изучение и преподавание системы Тейлора, систематическое испытание и приспособление ее» (2, 36, 189—190).

Таким образом, Ленин учил использовать все позитивное, что содержалось в этой системе, в то же время беспощадно разоблачать те приемы и методы, которые превращали ее в «научную» систему выжимания пота из

рабочих. Он ставил задачу использовать этот продукт капитализма против капитализма, на благо новой общественно-экономической формации. «Система Тейлора — без ведома и против воли ее авторов — подготавливает то время, когда пролетариат возьмет в свои руки все общественное производство» (2, 24, 371). Ленинское отношение к буржуазным теориям управления не исчерпывается утилитарным подходом. Он учил вскрывать классовую сущность той или иной буржуазной теории, показывать ее апологетическую роль в капиталистическом обществе.

Анализ мероприятий по модернизации методов управления, осуществляемых монополиями, новых механизмов их господства необходим также для прогрессивных сил капиталистических стран, борющихся за радикальные социальные преобразования; он важен для понимания функционирования современного государственно-монополистического капитализма.

Буржуазные теоретики отводят теориям лидерства видное место в идеологической защите капитализма. Отрицая творческую роль народных масс в истории, объявляя творцами социального процесса, как правило, отдельных выдающихся лидеров—представителей господствующего класса, они пытаются оправдать существование эксплуататорских классов. Более того, они стараются замаскировать действительные классовые антагонизмы капиталистического общества, представить эксплуататорские отношения как «вечные» отношения руководителей и руководимых. Они пытаются изобразить социальное управление в капиталистических странах как «демократическое лидерство», отвечающее потребностям современной научно-технической революции. Клевета на социалистическую систему управления — характерная черта писаний антикоммунистов, «советологов» и «кремленологов».

Пристальный интерес к указанной проблеме объясняется объективным возрастанием роли управления в современной социальной и политической жизни общества, а также практическими нуждами монополистической буржуазии в области политического руководства, попытками государственного регулирования экономики, «оптимизации» управления капиталистическими предприятиями.

В последнее время в буржуазной социологии пороки

современного капитализма объясняются случайными, прежде всего субъективными, факторами, преимущественно «неадекватным управлением». Много пишется о том, что уровень управления социальной жизнью отстает от уровня развития и требований современной цивилизации. Совершенствование управления, разумеется, при сохранении капиталистического строя, объявляется буржуазными социологами панацеей от всех бед. Сама проблема социального управления обычно рассматривается ими крайне односторонне, переводится в план социально-психологических проблем лидерства. И вопрос о лечении многочисленных недугов капиталистического общества по сути дела сводится к вопросу о подготовке квалифицированных лидеров, которые смогут «оптимально» решать политические проблемы, не меняя при этом социальную структуру. Они должны обладать качествами, позволяющими им «все спокойно взвесить и утрясти», примирить интересы различных социальных групп так, как опытный руководитель умеет примирить и увязать интересы двух или нескольких несогласных друг с другом индивидов. Буржуазные футурологи рисуют социальную идиллию, к которой придет человечество посредством подбора и специального обучения лидеров.

Подчеркивая, что в условиях современной научно-технической революции общество нуждается в высококвалифицированных лидерах, буржуазные социологи стремятся обойти вопрос о том, представителями каких классов являются эти лидеры, чьи интересы они выражают. Эти теоретики тщетно уповают на то, что классовые антагонизмы, которые разъедают капиталистическое общество, могут быть разрешены без всякой революции с помощью лидеров, овладевших искусством общения с людьми, умением расположить их к себе. В этом субъективно-идеалистическом варианте трактовки проблем управления социальной жизнью язвы капиталистического общества объясняются ошибками отдельных лидеров, неумело руководящих социальной жизнью. Задача состоит в том, чтобы воспитать новых лидеров, вооруженных комплексом знаний, необходимых для эффективного «управления» трудящимися массами, т. е. для их эксплуатации. Эти лидеры, по мнению буржуазных социологов, должны проводить политику монополистического капитала более искусными средствами. Тогда окажутся бессмысленными революционные действия

масс, направленные на ликвидацию капиталистического общества, которое может быть усовершенствовано в результате реформ, проводимых дальновидными лидерами.

Главная цель, которую ставят перед собой буржуазные теоретики, сохранить в неприкосновенности капиталистическую систему и ее основные институты, которые можно модернизировать. Отдельных лидеров можно периодически приносить в жертву во имя сохранения системы. Бюрократы в правительстве и иные лидеры, согласно этим теоретикам, «подвергаются периодическим встряскам... Во всех таких случаях фундаментальных изменений в организациях не происходит. Имеет место разделение функций, систем коммуникаций, иерархии лидерства», но остаются без изменений основные институты, они «невредимы, независимо от персональных изменений» (125, 2). Итак, держитесь не за лидера, а за систему. Король умер, да здравствует король!

Буржуазные идеологи утверждают, что провал лидера — следствие несовершенства не социальной структуры, а его личных качеств (см. 100, 162), стараясь таким образом увести из-под критики капиталистическую систему, переложить ответственность за провал определенной политики прежде всего на личность руководителя.

Попытки объяснить все язвы капитализма ошибками в управлении объективно направлены на то, чтобы отвлечь внимание масс от необходимости коренных изменений капиталистического общества, замаскировать разъедающие его противоречия, неразрешимые в рамках этого строя. Действительное их разрешение возможно лишь на путях социалистического преобразования общества. До сих пор в марксистской литературе не было специальных монографических исследований, посвященных критике буржуазных концепций лидерства; имеются лишь немногочисленные статьи и разделы в монографиях (см.: 12, 13, 14, 19, 24). Предлагаемая книга ставит своей задачей в определенной мере восполнить этот пробел. В ней анализируются новейшие буржуазные социологические и социально-психологические теории лидерства. В книге используется американская, а также английская, западногерманская, французская литература по проблемам лидерства, главным образом 60-х — 70-х годов.

Корни и традиции идеалистических теорий лидерства

Традиции «героической» интерпретации истории. Еще в древнейшей мифологии отдельные вожди наделялись сверхчеловеческими качествами. Вожди совершали подвиги, вели войны, создавали государства. В древнем Египте фараон всегда изображался в несколько раз больше, чем простые воины. Древнегреческий историк Геродот ставил в центр своих исторических повествований действия, стремления, порывы выдающихся личностей — монархов, полководцев. Подобный подход характерен и для других историков античности — Плутарха, Светония, Тита Ливия.

Взаимоотношения руководителя и руководимых, правителя и подданных привлекали пристальное внимание многих поколений мыслителей. Идеологи правящих классов решали его обычно однозначно — именно правителям отводилась решающая роль в историческом процессе. Не случайно, что этот взгляд сложился в период становления классового общества. Идеальный правитель, по Конфуцию, должен управлять добродетельно. Его высокие моральные качества дают право властвовать над народом.

Согласно Конфуцию, правителю следует почитать «пять прекрасных качеств»: «благородный муж в доброту не расточителен; принуждая к труду, не вызывает гнева; в желаниях не алчен; в величии не горд; вызывая почтение, не жесток». И искоренять «четыре отвратительных качества»: «если (народ) не поучать, а убивать, это называется жестокостью. Если (народ) не предупредить, а затем (выразить недовольство), увидев результаты (труда), это называется грубостью. Если настаивать на быстром окончании (работы), прежде дав

указание не спешить, это называется разбоем; если обещать награду, но покуситься ее выдать, это называется жадностью» (цит. по: 15, 360). Если народ «упрямо не желает следовать» правителю, тот должен быть твердым; если же он послушен, правитель должен уметь быть мягким.

По Платону, правитель, получивший специальное воспитание, должен быть мудрым, мудрость необходима для управления людьми. Он рисует образ идеального правителя: «...когда божественная любовь к рассудительным и справедливым нравам зарождается в лицах, облеченных высшей властью... жизнь его блаженна и блаженны люди, внимающие словам, исходящим из его рассудительных уст... если у человека величайшая власть соединяется с разумением и рассудительностью, возникают наилучший государственный строй и наилучшие законы — иного не дано» (37, 3, ч. 2, 183—184). Философия, утверждал Платон, — путь к добродетели; цари должны философствовать, а философы царствовать. Добродетель подданных — в повиновении. «Не дело правителя просить, чтобы подданные ему подчинялись» (37, 3, ч. 1, 292), они сами заинтересованы в правителе, разумеется, в мудром. Трагедия подданных и самого правителя — превращение его в тирана («тираническая душа несчастна»). Кстати, подданные сами несут за это часть ответственности.

Взгляд на историю как на результат действий правителей, военачальников столь же древен, как сама историография. Он достаточно красочно представлен Плутархом в его «Сравнительных жизнеописаниях», Светонием в «Жизнеописаниях двенадцати цезарей». Однако подобный взгляд характерен не только для древних. Его развивали феодальные историографы. Он благополучно дожил до XIX в., поддерживаемый и усиленно пропагандируемый представителями субъективно-идеалистической философии истории.

В средние века учение христианской церкви о небесной и земной иерархии освящало сословно-феодальные порядки. Средневековые богословы, например Фома Аквинский, пытались обосновать власть государя «божьей волей». Подданные призваны подчиняться монарху, сюзерену, «неся свой крест». Аквинат добавлял, что подчиняться, впрочем, следует лишь в телесных действиях; во внутренних же движениях души человек

должен повиноваться лишь богу. Освящалась иерархическая сословная система как предустановленная богом. История творится богом, утверждал Аквинат, прежде всего через действия католических королей. Все это, разумеется, весьма устраивало эксплуататорские классы.

Раннебуржуазные взгляды на роль личности в истории не были свободны от античной традиции культа героев; вместе с тем нельзя не видеть в них значительный шаг вперед в трактовке рассматриваемой проблемы. Из мыслителей Возрождения в этом отношении особенно интересны работы Никколо Макиавелли. Взгляды его глубоко противоречивы. С одной стороны, он выступал против феодального сословия, наличие которого тормозило объединение Италии, с другой — все надежды на объединение Италии связывал с великим государем, который, обладая политическим искусством и выдающимися военными способностями, разобьет своих противников. Макиавелли страстно мечтал о великом преобразователе, дающем новые законы, лидере типа Моисея, Ромула.

Хотя личность политического вождя оказывается в центре внимания Макиавелли, он, в отличие от своих предшественников, не сводит политический процесс только к деянию героев, в его представлениях он многокрасочен. Макиавелли различает активных и пассивных участников исторической драмы: это и монарх, и простолудин, выходящий на городскую площадь и поддерживающий государя или бунтующий против него; офицер, участвующий в военном столкновении; ростовщик, субсидирующий политика; церковный деятель и т. д. Он рисует яркие психологические и политические портреты лидеров; их действия стимулируются главным образом дурными страстями, врожденными, исконно присущими человеку. Люди «неблагодарны, изменчивы, лицемерны, трусливы перед опасностью, жадны до жизни» (29, 283). Он ищет оптимальное соотношение между правителем и народом. Опасаясь бунта толпы, он пишет: «Нет ничего страшнее взволнованной массы без вождя; но нет также ничего слабее ее» (28, 252). Макиавелли осуждает тираническую власть, развращающую и вождя, и массу, которая, привыкнув терпеть тирана, утрачивает драгоценный дар свободы, «становится покорной, холуйской, лицемерной».

Макиавелли оправдывает аморальные средства, с помощью которых талантливый вождь достигает своих политических целей. Утверждая свою единоличную власть, он, по мнению Макиавелли, не должен гнушаться никакими средствами. Личная власть государя для Макиавелли — не благо в себе, а средство достижения определенной политической цели. Правитель должен знать главные стимулы человеческой деятельности (по Макиавелли, это власть и обладание имуществом), он должен изучать и использовать вкусы, наклонности подданных и «благодаря умению отгадывать сокровенные желания человеческой души» господствовать над людьми. Подданные должны бояться правителя, повиноваться ему, платить подати, поставлять солдат.

В XVII—XVIII вв. традиция рассматривать историю как совокупность произвольных действий героев была еще очень сильна. «Если бы нос Клеопатры был короче или длиннее, — писал Паскаль, — весь лик Земли изменился бы». Но в работах идеологов зарождавшейся буржуазии уже пробивала дорогу идея народного суверенитета, договорная теория государства. Так, по Дж. Локку, государство должно действовать по воле большинства (имеется в виду большинство в буржуазном парламенте), а не по произволу правителя¹.

Итальянский мыслитель Дж. Вико пытался представить историю как закономерный процесс, критиковал теологические и волюнтаристские взгляды, согласно которым история есть результат произвольной деятельности героев. Он доказывал, что язык — основа культуры — продукт не отдельного гения, а гения народа, что эпос не только индивидуальное творчество одиночек, а творчество народа. Вико называл «героическим» определенный период истории (период «аристократического государства») в противоположность «человеческому» периоду («демократическому государству»). «Антигероическая» интерпретация истории была направлена против феодальной историографии, считавшей историю творением героических лидеров.

Французские материалисты XVIII в. — Дидро, Гельвеций, Гольбах — считали, что интересы народа попра-

¹ Современные буржуазные исследователи, в частности А. Шлезингер, считают, что от Локка идет демократическая традиция, являющаяся антитезой «героическому лидерству» (132, 4).

ны феодалами, что он обманут правителями, узурпировавшими власть и лишившими народ его естественных прав. «Ни одно общество... не вручало и не могло вручить одному человеку власть распоряжаться по произволу имуществом, жизнью и свободой граждан» (18, 196). Но народ для них не был субъектом истории; они утверждали, что творцы прогресса — мудрые законодатели, мыслители, просвещенные монархи. Их идеализм в понимании общественных явлений обнаруживался именно в вопросе о роли личности в историческом процессе. «Излишек едкости в желчи фанатика, разгоряченность крови в сердце завоевателя, дурное пищеварение у какого-нибудь монарха, прихоть какой-нибудь женщины — являются достаточными причинами, чтобы заставить предпринимать войны, чтобы посылать миллионы людей на бойню, чтобы разрушать крепости, превращать в прах города, чтобы погружать народы в нищету и траур, чтобы вызывать голод и заразные болезни и распространять отчаяние и бедствие на длинный ряд веков.

Страсть одного человека, когда он может распоряжаться страстями огромного множества других людей, способна соединить и сочетать их желания и усилия, решая таким образом судьбу человечества» (20, 147).

Французские историки периода реставрации — О. Тьерри, Ф. Гизо, Ф. Минье — отвергали поверхностный взгляд на историю как на хаос случайностей. Минье в книге «История французской революции» доказывал, что история не биография монархов. «Движения народных масс к свободе и благоденствию нам показались бы более внушительными, чем шествия завоевателей, а их несчастья более трогательными, чем бедствия лишенных владений королей».

Глубокие мысли о роли выдающихся личностей в истории высказаны Гегелем. Он признавал, отмечал Ф. Энгельс, «что как выставленные напоказ, так и действительные побуждения исторических деятелей вовсе не представляют собой конечных причин исторических событий, что за этими побуждениями стоят другие движущие силы, которые и надо изучать. Но философия истории искала эти силы не в самой истории; напротив, она привносила их туда извне, из философской идеологии» (1, 21, 307). Поэтому выдающиеся личности оказываются у Гегеля «доверенными лицами» «мирового

духа», который реализует себя в этих лицах. По Гегелю, история складывается благодаря действиям людей, преследующих личные цели; последние по отношению к исторической необходимости выступают лишь как внешние средства, отсюда действия людей часто приводят к таким результатам, к которым они и не стремились. Это обстоятельство, тонко подмеченное Гегелем, подтверждает объективный характер законов истории, прокладываящих себе дорогу через действия людей, не всегда способных учесть конечные результаты своей деятельности¹. Гегель писал, что цели, которые преследуют великие люди, содержат момент всеобщего; выдающиеся личности выражают субстанциональное, историческую необходимость, «правду своего времени» и вкладывают в ее достижение свою энергию. «Таковы великие люди в истории, личные и частные цели которых содержат в себе тот субстанциональный элемент, который составляет волю мирового духа. Их следует называть героями, поскольку они черпали свои цели и свое призвание не просто из спокойного, упорядоченного, освященного существующею системою хода вещей, а из источника, содержание которого было скрыто и не доразвилось до наличного бытия...» (17, 29) Хотя на первый взгляд, пишет Гегель, кажется, будто исторические события являются продуктом творчества великих людей, однако именно великие люди выражают потребности исторического развития. «Историческими людьми, *всемирно-историческими личностями* являются те, в целях которых содержится. всеобщее» (17, 29).

Гегель высмеивал субъективистский, чисто психологический подход к данной проблеме, ориентированный на то, чтобы «выяснять внутренние мотивы всех поступков и придать им субъективный характер, так что выходит, как будто лица, совершавшие их, делали все под влиянием какой-либо мелкой или сильной страсти» (17, 30—31), представить дело так, будто великие ли-

¹ Американский философ Р. Нибур, «поправляя» Гегеля, пытается доказать, что расхождение между субъективными намерениями лидеров и объективными результатами их действий говорит не об объективном характере законов истории, а о «неисповедимости путей господних» и невозможности предвидения в истории (118). С. Хук, критикуя Гегеля, отвергает то рациональное, что содержится в его учении, а именно великий лидер — выразитель исторической необходимости (98).

деры творят историю по своему произволу, проистекающему из их психологического склада, легкомысленных и злых страстей. «...Эти психологи берутся преимущественно еще и за рассмотрение тех особенностей великих исторических деятелей, которые свойственны им как частным лицам... Плохо приходится в историографии историческим личностям, обслуживаемым такими психологическими камердинерами; они низводятся этими камердинерами до такого же нравственного уровня, на котором стоят подобные тонкие знатоки людей, или, скорее, несколькими ступеньками ниже этого уровня» (17, 31).

Эти высказывания Гегеля метко бьют по современной буржуазной социологии, для которой характерно психологизирование истории. Не потому ли ссылки на Гегеля не характерны для буржуазных исследователей лидерства? Представителям современной буржуазной социологии гораздо ближе субъективистский подход младеггелянцев, ставивших на одну сторону критически мыслящих личностей, героев как активный элемент, а на другую — массу как «неодухотворенный, неисторический, *материальный* элемент истории» (1, 2, 94).

Представители консервативного романтизма XIX в., выступившие с критикой идеалов Просвещения, буржуазной революции, опираясь на идеалистическую и религиозную философию, выдвинули индивидуалистическую трактовку исторического процесса. Волюнтаристское понимание роли личности в истории нашло наиболее крайнее выражение в теории Т. Карлейля. Выдающиеся личности, по Карлейлю, «вожди тупоумной толпы, следующей за ними, точно повинаясь велениям судьбы». И сегодня буржуазные теоретики повторяют мысль Карлейля о том, что «истинная сущность всех социальных процессов состоит в том, чтобы возвести на трон самого способного человека» (73, 351).

Близкие Карлейлю идеи развивал американский философ Р. Эмерсон. По Эмерсону, историю творят избранные лидеры, а «целый народ живет значением и славой этих людей» (82, 8). Массы «питаются гениальным лидером» (82, 31), они лишь фон для лидера; историческая активность всегда исходит от великого лидера, считал он. Против крайностей волюнтаризма в оценке роли личности в истории выступили позитивисты. О. Конт призывал к написанию абстрактной истории, без имен

и лиц. Позитивисты конца XIX в. К. Лампрехт, Л. Бурдо, предлагая искать более глубокие, чем действия отдельных лидеров, причины социального развития, обращаются к коллективной психологии и в целом не выходят за пределы идеалистического понимания истории.

На современную буржуазную социологию особенно сильное влияние оказал Ф. Ницше. Первоосновой мирового процесса он вслед за Шопенгауэром объявлял волю к власти. «Ненасытное стремление к проявлению власти» рассматривается им как «творческий инстинкт» (34, 298). Стремление к власти, утверждает Ницше, — естественное состояние человека, смысл и содержание истории. Помехой этому естественному стремлению, по его мнению, является мораль, которую он называет «оружием слабых». Стремящийся к власти должен презирать мораль, чтобы она не висела у него гирей на ногах, не должен гнушаться средствами, являющимися в глазах «толпы» аморальными. Ибо утверждение лидера, выявление его индивидуальности несравненно важнее, чем судьбы тысяч последователей, людей неполноценных. Откровенно элитарная концепция Ницше основана на делении общества на духовную аристократию (лидеров) и «недочеловеков», судьба которых — быть ведомыми.

Ницше предвосхитил типологию лидерства, созданную современными буржуазными социологами. Он различал лидеров толпы, ее ставленников, и «подлинных героев» — «сверхчеловеков», презирающих толпу и не дающих ей возможности воздействовать на себя. «Толпа, образованные люди и мечтатели очень уважают... великих людей, видя в них чудесных зверей, тех людей, которыми должно гордиться отечество, вся земля. толпа молилась какому-нибудь идолу, а этот «идол» оказывается только бедным жертвенным животным» (35, § 269). Положения Ницше были использованы в модели внешне-ориентированного человека Д. Рисмена (человека толпы) и внутренне-ориентированного, опирающегося на собственные ценности, в типологии лидеров Ю. Дженнингса.

Большое влияние на современные буржуазные теории лидерства оказала концепция подражания французского психолога Г. Тарда. Все достижения цивилизации, утверждал он, — результат деятельности выдающихся личностей; последователи (огромное большинство

во) подражают вождю, творческой личности. Главный закон социальной жизни, писал Тард, подражание последователей лидеру. Великий лидер — «высшая случайность, высший источник социального развития». Он подвергает последователей психическому, гипнотическому воздействию. Последователи третируются Тардом как «толпа». Общественный прогресс обязан лидерам-изобретателям, преодолевающим косность толпы. Социальное движение, согласно Тарду, осуществляется по схеме: 1) лидер-новатор борется с косностью толпы; 2) толпа увлекается нововведением; 3) толпа послушно идет за лидером, подражая ему. Чтобы иметь успех у толпы, лидер должен «бить ее по нервам»; мнимое единодушие толпы — просто слепое подражание лидеру; без лидера толпа — обезглавленное туловище, которое не может самостоятельно действовать; толпу увлекают часто «не избранники, а отбросы», толпа не рассуждает, она верит лидеру, находится под его обаянием, она презирает слабого лидера и «рабски покоряется сильному».

Соотечественник Тарда Г. Лебон несколько иначе расставляет акценты во взаимодействии лидера и масс. Он утверждает, что общество вступило в «век масс», когда главную роль в социальной жизни играет толпа, последователи стали доминировать над лидерами, задавая им программу деятельности. Толпа ниспровергает авторитет «законных» лидеров и идет за теми, кто обещает ей новую иллюзию. Лебон пишет, [а через столетия эти мысли повторяют У. Липпман (114) и С. Хаддлстон (104)], что политические лидеры, вместо того чтобы направлять мнение толпы, стараются за ним следовать. «Они боятся этого мнения, и эта боязнь, иногда доходящая даже до степени ужаса, лишает их устойчивости в поступках» (27, 277).

Лидер рассматривается Лебоном как чисто психологический феномен: его власть зиждется на сознательном или чаще бессознательном использовании законов психологии. «...Все властители мира... всегда были бессознательными психологами, инстинктивно понимающими душу толпы... Именно благодаря этому пониманию они и становились властелинами толпы» (27, 158).

Лебон разрабатывает рецепты, призванные помочь лидерам «овладеть толпой»: нужно «злоупотреблять сильными выражениями. Преувеличивать, утверждать, повторять и никогда не пробовать доказывать что-нибудь

рассуждениями» (27, 187). Еще некоторые советы лидерам: «кто умеет вводить толпу в заблуждение, тот легко становится ее повелителем; кто же стремится образумить ее, тот всегда бывает ее жертвой» (27, 241). Через некоторое время этими рекомендациями воспользуется Гитлер...

Презируя толпу, Лебон нелестно отзывался и о ее лидерах. Толпа, считал он, инстинктивно подчиняется воле своего вождя. Она представляет собой раболепное стадо, которое не может обойтись без властелина. Нередко лидерами оказываются нервно-возбужденные люди, полупомешанные, одаренные сильной волей. Реакционный смысл концепции Лебона состоит в том, что он экстраполирует понятие «толпа» на народные массы. Взгляды Тарда и Лебона оказали большое влияние на психологическую школу в социологии.

Взгляды Тарда и Лебона нашли отражение и во взглядах русских народников. Михайловский также объяснял взаимоотношение лидера и последователей подражанием. При этом он считал необходимым обращать внимание на психологию не только героя, но и его последователей. Герой часто оказывается человеком крайне малого калибра, следовательно, дело не в нем, а в особенностях, настроениях масс, которые за ним идут (см. 31, т. VI, 327). Вождь-гипнотизер превращает толпу в автоматы, готовые идти за героем куда бы то ни было. Социально-классовые аспекты лидерства совершенно выпадают из поля зрения Михайловского; неважно, является ли герой злодеем, полоумным или всемирным гением, лишь бы за ним шла толпа (см. 31, т. VI, 284).

Михайловский антиисторичен в оценках роли личности в истории: с его точки зрения, ставить общественного деятеля в зависимость от необходимости исторического процесса — значит умалять его личную деятельность. В действительности, как писал В. И. Ленин, «идея исторической необходимости ничуть не подрывает роли личности в истории: история вся складывается именно из действий личностей, представляющих из себя несомненно деятелей. Действительный вопрос, возникающий при оценке общественной деятельности личности, состоит в том, при каких условиях этой деятельности обеспечен успех?» (2, 1, 159). В. И. Ленин показал, что марксизм ограничивает не роль личности в истории, а

произвол субъективистов в истолковании этой роли, раскрывает социально-экономическую основу деятельности народных масс, классов, партий, отдельных личностей.

Краткий экскурс в историю рассматриваемой проблемы завершаем взглядами З. Фрейда, оказавшими, пожалуй, наибольшее влияние на современные буржуазные теории лидерства. Как известно, цивилизация, по Фрейду, — сублимация влечений человека, особенно подсознательных, прежде всего сексуальных. Инстинкты подавляются «социокультурной» средой (следствие социализации личности, принятие ею норм морали); импульсам, порожденным инстинктами, преграждается вход в сознание, но заряд «психической энергии» не снимается, он ищет обходных путей для своей реализации, оборачиваясь неврозами. Такими невротиками, полусумасшедшими являются, по Фрейду, великие люди, лидеры. Среди их инстинктов преобладает стремление господствовать над другими. (Фрейд составлял длинный список выдающихся личностей, оказывавшихся маньяками, параноиками, невротиками.) Подавленное либидо сублимируется прежде всего в стремлении к власти, к лидерству. Это стремление в ряде работ Фрейда подводится под Эдипов комплекс, объясняется соперничеством между жестоким, ревнивым отцом и его сыновьями.

Вот как представлял Фрейд происхождение лидерства: «...первобытной формой человеческого общества была орда, над которой неограниченно властвовал сильный самец... Человеческие массы показывают нам опять-таки знакомую картину властного самодержца среди толпы равных между собой товарищей... Психология этой массы... соответствует регрессии до примитивной душевной деятельности, которую можно было бы приписать именно первобытной орде» (52, 70). Фрейд считал, что «только влияние исключительных личностей, которых масса признала своими вождями, может заставить ее обратиться к полезной работе... Но они стоят перед опасностью, из боязни потерять свое влияние, в большей степени подчиняться массам, чем массы подчиняются им; поэтому представляется необходимым, чтобы такие люди были независимы от массы» (87, 9—10).

Согласно Фрейду, исторический процесс развивается под определяющим воздействием великих лидеров. В ду-

хе Лебона (на которого он постоянно ссылается) Фрейд рассматривает лидера как гипнотизера, воздействующего на последователей. «Гипнотизер утверждает, что он обладает таинственной силой, лишаящей субъекта его собственной воли, или, что то же самое, субъект верит в то, что гипнотизер обладает такой силой. Эта таинственная сила — в публике ее часто называют магнетизмом — должна быть той силой, которая являлась для первобытных народов источником табу, т. е. силой, исходящей от начальников, благодаря которой к ним опасно приближаться» (цит. по: 51, 314).

Фрейд утверждал, что массы нуждаются в авторитете лидера, аналогичном авторитету отца семейства. «Огромное большинство людей испытывают жгучую потребность в авторитетах, перед которыми они могли бы преклоняться, которые господствуют над ними, а иногда и дурно обращаются с ними. Из психологии мы узнаем, откуда идет эта потребность масс. Она идет от тоски по отцу, которая живет в каждом из нас с детских лет. . . все черты характера, которыми мы наделяем великую личность, являются отцеподобными чертами, и в этом отцеподобии и заключается до сих пор ускользавшая от нас сущность великой личности» (88, 172—173).

Концепцию Фрейда повторяют современные буржуазные теоретики лидерства Г. Лассуэлл, Э. Эриксон, Р. Холмс. И. Никкербоккер почти текстуально воспроизводит фрейдовскую интерпретацию лидерства: «У каждого из нас был отец, фигура, обладавшая престижем, наделявшаяся магическими качествами. Многие из нас находили безопасность в этой фигуре. И поскольку мы продолжаем нуждаться в безопасности, может быть, продолжаем нести с собой с детства символ отца, Лидера» (цит. по: 112, 26). Феномен лидерства в этих трактовках лишается всякого социально-классового содержания.

Подведем некоторые итоги. На современные буржуазные теории лидерства сильное воздействие оказала философско-историческая традиция «героической» интерпретации истории, игнорирования творческой роли народных масс в социальном процессе. Для идеологов эксплуататорских классов характерно противопоставление лидеров как активной силы ведомым как нетворческому элементу истории. За противопоставлением лидера и

массы просматривается классовая позиция эксплуататоров, пытающихся выдать антагонизм господствующих и эксплуатируемых классов за извечное противоречие между лидерами и ведомыми.

Несомненна преемственность во взглядах буржуазных теоретиков на лидерство. Идеология империалистической буржуазии впитала в себя традиции идеологии эксплуататорских классов прошлого. Американские социологи М. и С. Шериф, прослеживая генеалогию идеалистических интерпретаций лидерства, не без оснований проводят нить от Карлейля, Ницше, Лебона к теоретикам фашизма (128, 39). Но они пытаются создать впечатление, что теории культа героев, вождей, лидеров являются в странах Запада достоянием прошлого, не замечая их современных проповедников. Ведь отказ от некоторых явных нелепостей предыдущих теоретиков культа героев — это не отказ от самих концепций. Купер, Макграф пишут о культе лидеров как о чем-то преодоленном (112). Но это далеко не так. Прав прогрессивный американский социолог Р. Баркли, так представляющий генеалогию этих теорий: от Платона — Ницше — Гитлера к авторитаризму неофашизма и неоконсерватизма (61, 1955, № 2, 97).

Несмотря на бесспорную связь современных буржуазных теорий лидерства с идеалистическими концепциями прошлого, было бы грубой ошибкой считать первые простым повторением вторых. Буржуазные социологи ныне, стремясь более наукообразно формулировать свои концепции, ищут «новую» аргументацию, учитывают определенные стороны капиталистической действительности и тенденциозно их интерпретируют. Для критического анализа современных буржуазных теорий лидерства необходимо видеть не только то, что роднит их с предшествовавшими социологическими концепциями, но и то, что составляет их специфику, особенности.

Исторической, переломной вехой в развитии взглядов на роль народных масс в истории, на роль политического руководителя в социальном процессе явилось возникновение марксизма, благодаря которому «хаос и произвол, царившие до сих пор во взглядах на историю и на политику, сменились поразительно цельной и стройной научной теорией, показывающей, как из одного уклада общественной жизни развивается. другой, более вы-

сокий» (2, 23, 44). В. И. Ленин указал главные недостатки прежних исторических теорий. «Во-1-х, они в лучшем случае рассматривали лишь идейные мотивы исторической деятельности людей, не исследуя того, чем вызываются эти мотивы, не улавливая объективной закономерности в развитии системы общественных отношений, не усматривая корней этих отношений в степени развития материального производства; во-2-х, прежние теории не охватывали как раз действий *масс* населения, тогда как исторический материализм впервые дал возможность с естественноисторической точностью исследовать общественные условия жизни масс и изменения этих условий» (2, 26, 57).

Марксизм, преодолев эти недостатки, раскрыл диалектику объективного и субъективного факторов в истории, структуру субъективного фактора, место и роль руководителя в социальном процессе. В марксизме роль личности рассматривается в неразрывной связи с вопросом о деятельности и роли класса, к которому принадлежит данная личность, и при этом указывается, что вопрос этот по-разному ставится и решается в различных исторических эпохах. Лидерство с этих позиций выступает не как извечный психологический механизм, а как средство решения задач социального процесса, структура и характер лидерства определяются особенностями социально-экономической формации, классовыми отношениями.

Социальные и гносеологические корни буржуазных теорий лидерства. Как видно, в течение многих веков роль выдающейся личности в общественном процессе привлекала к себе внимание исследователей. Почти у большинства этих исследователей действия отдельных личностей, стоящих во главе того или иного движения, неизменно заслоняли действия народных масс, составлявших как бы «фон» для их героических действий. Случайны ли такие взгляды, или они детерминированы определенными социальными и теоретико-познавательными факторами?

Уже то, что эти взгляды последовательно проводились представителями разных эпох, различных теоретических направлений, позволяет исключить элемент случайности. Это не была лишь цепь заблуждений, связанных с субъективным отношением исследователей к проблеме. Это были теории, отражавшие, пусть неадек-

ватно, вполне реальные процессы, некоторые стороны исторического развития общества. Они выполняли конкретные идеологические функции — служили обоснованием и оправданием социальной политики господствующих классов, их определенных устремлений и ценностных ориентаций.

Основой идеалистических интерпретаций роли личности в истории явилось разделение общества на эксплуататоров и эксплуатируемых. Идеологи эксплуататорских классов утверждали, что выдающиеся личности — представители господствующих классов — определяют исторический прогресс, что народные массы неспособны к историческому творчеству. Апологеты господствующих классов изучали прежде всего деятельность представителей этого класса, фетишизировали отдельных государственных деятелей, выразителей воли господствующих классов. Они окружали их ореолом святости, непогрешимости, наделяли незаурядными способностями. «Представление, будто громкие политические деяния есть решающее в истории, является столь же древним, как и сама историография. Это представление было главной причиной того, что у нас сохранилось так мало сведений о развитии народов, которое происходит в тиши, на заднем плане этих шумных выступлений и является действительной движущей силой» (1, 20, 163).

Идеалистические теории о роли личности в истории являются закономерным результатом определенных социальных отношений и в свою очередь сами оказывают влияние на эти отношения. Было бы упрощением считать, что эти теории являются лишь выражением своекорыстных интересов эксплуататорских классов. Дело обстоит сложнее: они выступают как систематизация тех превращенных форм сознания, писал К. Маркс, которые стихийно порождаются эксплуататорскими отношениями. Культ героев — закономерное порождение классово антагонистической общественной системы, в которой творческая деятельность превращена в прерогативу немногих, где народные массы отстранены от управления социальными процессами.

Основная классовая функция идеалистических теорий лидерства направлена на то, чтобы «убедить» трудящихся в их неспособности к самостоятельной жизни без руководства ими со стороны «подготовленных» лидеров из эксплуататорских классов, скрыть реальный

классовый антагонизм между эксплуататорами и эксплуатируемыми, выдать его за «извечное» противоречие между «толпой» и отдельными выдающимися личностями.

Идеологи монополистической буржуазии еще более усугубили антинародный характер этих теорий. Если в прошлом творцами истории объявлялись монархи, военачальники, министры, то теперь эта роль отводится магнатам финансового капитала, менеджерам. Данные теории выступают сейчас как извращенная форма отражения действительного господства финансовой олигархии, они абсолютизируют эти отношения и проецируют их на будущее. В буржуазных теориях лидерства отражаются те социальные процессы, которые характеризуют современный капитализм — углубление его общего кризиса, рост государственно-монополистических тенденций, милитаризация, бюрократизация, наступление на буржуазно-демократические свободы. Происходит разбухание государственного аппарата, социальное управление в государственно-монополистической структуре неизбежно принимает бюрократическую форму¹. Одним из следствий бюрократизации общественной жизни капиталистических стран является обезличивание как служащих внутри бюрократической иерархии, так и объекта управления — населения, ибо бюрократия — наиболее бездушное, имперсональное управление. Огромных размеров достигает аппарат политического контроля над населением и шпионско-осведомительный аппарат.

В период резкого обострения противоречий капитализма буржуазно-демократические методы управления массами перестают удовлетворять монополистическую буржуазию, усиливается тяга к тоталитарным методам руководства, к отказу даже от формального права народа на участие в политической жизни. Целям теоретического обоснования этих тенденций и служат теории «сильной власти», культа «сильного лидера». Именно в этих теориях идеологи ультраправых черпают аргументы для обоснования фашизации политической жизни капиталистических стран. Теории культа «сильной личности» весьма популярны в ультраправых организациях типа

¹ Американский социолог Э. Чинной пишет: «Все большее число людей являются служащими бюрократии, а миллионы других являются объектом бюрократического контроля» (75, 188).

«общества Джона Бёрча» и минитменов в США, неофашистов Италии и ФРГ. Причем и при сохранении традиционных форм правления монополистическая буржуазия отводит праворадикальным силам важную роль в функционировании механизма власти. Наличие праворадикальной оппозиции дает возможность правящей элите рядиться в тогу «умеренной силы», предпочитающей «демократическое лидерство».

С самого своего зарождения буржуазная социология выполняла идеологический заказ господствующего класса, поставляя ему идеи, оправдывающие жестокую эксплуатацию масс. Монополистическая буржуазия ныне ставит перед ней и иной заказ — не только теоретически оправдывать капитализм, но и оказывать помощь в разработке новейших методов эксплуатации трудящихся масс. «Идеальное лидерство», по мнению буржуазных идеологов, должно отвечать двум главным условиям: повышать производительность труда и «минимизировать» социальные конфликты (112, 359—384). Социальный заказ тут просматривается весьма рельефно: целью лидерства оказывается усиление эксплуатации трудящихся масс и ослабление их классовой борьбы.

Буржуазные теоретики рассматривают проблему лидерства на двух уровнях. На первом — преимущественно идеологическом — делаются попытки общетеоретического решения этой проблемы с помощью различных философско-исторических и политологических концепций лидерства; тут нет недостатка в повторении традиционных концепций культа героев¹. Решение проблемы на втором, преимущественно утилитарном, уровне сводится к эмпирическим исследованиям в «малых группах», к выработке практических рекомендаций для руководства бизнесом, армией и т. д. Разумеется, было бы ошибочным полагать, что эмпирические исследования преследуют только утилитарную цель; они выполняют, пусть не столь явно, и идеологическую функцию.

¹ Впрочем, за последние годы эти теории значительно модифицировались: по мере того как все более явной становится зависимость личности (в том числе лидера) от бюрократических организаций, от монополистических гигантов и государственно-монополистических объединений, буржуазные идеологи пишут о том, что «лидер сменился администратором», единоличный лидер уступил место «группе ответственных лиц», что западный мир переживает «кризис лидерства».

Главная задача эмпирических исследований лидерства — сохранение капиталистических производственных отношений.

Буржуазные социологи и социальные психологи интенсивно разрабатывают методы наиболее эффективного лидерства, надеясь, что они послужат стабилизации капитализма; упор при этом делается не на авторитарные методы и открытое насилие, а на «мягкие» средства, особенно идеологические, пропагандистские. Налицо стремление модернизировать лидерство, сделать его более гибким по форме, придать ему видимость демократического.

Теории лидерства, по признанию самих буржуазных социологов, изначально формулируются как мелиористские концепции. Так, структурно-функциональные теории лидерства обычно исследуют роль лидера в сохранении целостности и жизненности социальной системы, способности лидера ликвидировать внутренние и внешние угрозы, «минимизировать конфликты». А. Танненбаум признает, что «большинство теорий лидерства консервативно, направлено на поддержание социальной системы в большей мере, чем на ее изменение» (105, 9, 101). Буржуазные теории лидерства связаны с общими концепциями буржуазной социологии о социальном порядке и стабильности. У Т. Парсонса лидерство — функция группы, направленная на самоподдержание и упрочение ее структуры; он пишет об «общем сопротивлении изменению, которое внутренне присуще институтизации ролей в социальной системе» (119, 492), в том числе и институтизации роли лидера. Концепция Парсонса, оказавшая большое влияние на буржуазных теоретиков лидерства, и исходит из рассмотрения социальных ролей в связи с их значением для сохранения данной социальной системы, данных социальных отношений как неизменных.

Очевидно, что лидерство рассматривается буржуазными теоретиками как важный механизм самоподдержания капиталистической системы, а его совершенствование — как важное средство упрочения этой системы, ее сопротивления революционным изменениям. Все чаще лидерство представляется как инструмент спасения капитализма от разложения и гибели. Известный ультра-реакционер, мракобес Р. Уэлч, глава «общества Джона Бёрча», заявляет, что единственная надежда спасти материальные и духовные ценности Запада от угрозы коммунизма — это «динамичное личное лидерство»

(см. 45, 46), под которым понимается жесткая авторитарная диктатура.

Таким образом, буржуазные теоретики лидерства отстаивают строй эксплуатации и угнетения, стремятся отвлечь внимание масс от необходимости коренных изменений капиталистического общества, замаскировать разъедающие его противоречия, неразрешимые в рамках этого строя. Стремясь сгладить классовую направленность этих теорий, буржуазные исследователи лидерства тщательно маскируют свою партийность. Они ссылаются на то, что их исследования являются по преимуществу эмпирическими, а потому беспристрастными, объективными. Много пишется о «нейтральности» эмпирической социологии.

Идеологическая функция буржуазной эмпирической социологии действительно более опосредована, хотя эта социология служит капиталу эффективнее, чем старая, спекулятивная: последняя главным образом оправдывала капитализм, а эмпирическая социология не ограничивается этим. Незаметно протаскивая мысль о том, что капиталистическое общество — это «естественное», «вечное» общество, представители эмпирической социологии видят свою задачу в укреплении этого строя, в усовершенствовании его, в практической помощи капиталу в его повседневной деятельности. Социальное исследование по заказу бизнеса, государства, армии становится главной формой деятельности буржуазных исследователей лидерства. Получая этот заказ, они отчетливо осознают его конечную цель — укрепление капиталистической системы. Как пишет американский социолог И. Горовиц, бизнес не только стимулировал развитие прикладных исследований, но и более точно определил рамки и проблемы этих исследований (99, 8).

Идеалистические теории лидерства имеют не только социальные, но и гносеологические корни. Наряду с анализом социальных условий возникновения этих теорий марксистская критика предполагает исследование их гносеологических основ. Спекулируя на определенных трудностях познания, авторы этих теорий дают превратное, искаженное представление о социальных процессах. В условиях классово антагонистических формаций трудящиеся массы выступают как исполнители чужой воли. В буржуазном общественном сознании это положение выражается в третировании масс как «не-

творческого элемента», преувеличении роли отдельных личностей, представителей господствующих классов. Эти теории, закрепленные своекорыстными интересами эксплуататорских классов, по словам Ленина,— «негодный продукт негодного общественного строя» (2, 18, 193).

Маркс и Энгельс отмечали, что теория культа героев связана с идеалистическим решением основного вопроса философии, с догмой о противоположности духа и материи. «В пределах истории, в пределах самого человечества этой противоположности придается то выражение, что немногие избранные *индивидуумы*, в качестве *активного* духа, противостоят остальному человечеству как *неодухотворенной массе*, как *материи*» (1, 2, 93). Исходным для любой идеалистической теории является вывод о том, что общественное развитие определяется сознанием и волей отдельных выдающихся личностей (субъективный идеализм), или божественной волей, раскрывающейся в деятельности немногих великих людей — «доверенных лиц» «мирового духа» (объективный идеализм).

Буржуазные идеологи спекулируют на сложности проблемы соотношения субъекта и объекта в общественном развитии. В реальной жизни действуют люди, обладающие сознанием и волей; они ставят перед собой цели и борются за их осуществление. Это обстоятельство в определенных условиях может порождать иллюзию, что сознание является главной силой исторического процесса, а история — реализацией идей, носителями которых выступают великие личности.

Как показал марксизм, историю творят люди, но побудительные мотивы их действий, стремлений имеют свои причины, лежащие в материальной, прежде всего экономической, жизни общества. Осознавая реальные экономические интересы, отдельные личности, социальные группы, классы направляют свою практическую деятельность на их осуществление.

Ошибка идеалистов не в том, что они признают активную роль сознания, выражающуюся в мотивах деятельности людей, а в том, что не раскрывают причин этих мотивов, абсолютизируют их. Научное решение проблемы дал марксизм, открывший законы исторического развития и на их основе объяснивший роль личности и масс в этом развитии.

Большинство современных буржуазных социологов, стоящих на позиции неопозитивизма, пытаются доказать, что их теории не затрагивают общеполитических проблем, не выходят за рамки «чистой социологии». Но, исследуя проблему лидерства, социолог не может избежать философских обобщений. Решение вопроса о роли личности в социальном процессе связано с исходными философскими установками исследователя, в частности с проблемой соотношения свободы и необходимости.

Прежде чем решать проблему лидерства, нужно уяснить более общие вопросы, как-то: существует ли в общественном процессе объективная необходимость и могут ли люди оказывать влияние на нее? Каковы условия и степень такого влияния? Если в общественном развитии господствует необходимость, не значит ли это, что в истории все предопределено и люди, включая выдающихся личностей, не могут воздействовать на ее ход? А если люди совершенно свободны в своих действиях, то можно ли говорить о закономерности исторического процесса?

Еще Спиноза и Гегель выдвинули гениальную догадку о связи необходимости и свободы, о том, что свобода означает познанную необходимость. Как показал марксизм, чем глубже человек постигает объективные законы, тем более осознанной и свободной становится его деятельность. Свобода — творческая активность человека, основанная на знании и практическом использовании законов природы и общества. Субъект — индивидуальный или коллективный — народные массы, классы, партии, отдельные личности и среди них, конечно, лидеры — активно, творчески преобразуют мир согласно своим целям. Познание необходимости — предпосылка и условие свободы. «Не в воображаемой независимости от законов природы заключается свобода, — указывал Ф. Энгельс, — а в познании этих законов и в основанной на этом знании возможности планомерно заставлять законы природы действовать для определенных целей» (1, 20, 116).

Сознание и воля людей определяются объективными условиями материальной жизни общества; категория свободы и означает, что человек — субъект истории, — отображая в своем сознании материальный мир, познавая законы его развития, оказывает на него активное

воздействие в процессе своей производственной и революционно-преобразующей деятельности.

Для буржуазных теорий лидерства наиболее характерна волюнтаристская интерпретация проблемы свободы и необходимости. Утверждая, что ход истории определяется волей отдельных личностей, буржуазные идеологи стремятся доказать, что «великие лидеры» могут повернуть историю вспять, спасти капитализм от гибели. Но если поступки лидера диктуются его свободной волей, которая и определяет ход истории, то общественный процесс приобретает мистический характер и зависит от случайного появления великой личности, действия которой обусловлены не объективными факторами, а субъективными мотивами — желанием прославиться, честолюбием лидера, его темпераментом, сексуальной неудовлетворенностью, воинственностью и т. д.

Связь теорий культа лидеров с общими идеалистическими установками можно проследить на примере прагматизма. Тезис этой теории о примате волевого начала тесно связан с культом «сильной личности». У. Джемс писал, что «общество не может сдвинуться с места без великого лидера», оно «костенеет без импульсов, идущих от выдающихся личностей» (106, 232). Герой — это «инфрасоциальное», божья благодать для человечества. По его мнению, такая личность определяет исторические события. Не удивительно, что исторический процесс принимает у него мистический характер¹.

Видный теоретик прагматизма Дж. Дьюи, выступая против представлений о закономерности исторического процесса, утверждал, что развитие общества происходит случайно «от ситуации к ситуации» на основе импульсов, получаемых от великих лидеров. «Небольшое число людей, которые знают, чего они хотят, ведут за собой толпу» (78, 18). Дьюи выдвигал на авансцену истории «суперменов», противопоставляя их «пассив-

¹ Так, агрессивность германского империализма он объяснял деятельностью Бисмарка, утверждая, что, если бы тот умер в колыбели, немцы «продолжали бы считаться нацией очкастых ученых и французы продолжали бы называть их милыми, наивными немцами... Воля Бисмарка показала им, к их собственному удивлению, что они могут играть роль более значительную» (106, 228—229).

ной массе», делил людей на призванных повелевать и призванных повиноваться. По его мнению, реакции «толпы» стереотипны, она слепо следует за образцами поведения, которые вводят лидеры.

С. Хук, называвший свой вариант прагматизма «экспериментальным натурализмом», посвятил проблеме лидерства монографию «Герой в истории». Согласно Хуку, история есть творение великих людей и только лидеры могут влиять на развитие человечества. Он старался доказать, что если капитализм сумеет выдвинуть «сильных» и «умелых» лидеров, то таким образом будет снят вопрос о замене его социализмом. Хук фетишизировал роль политического лидера, считая его независимым от народа, от класса. Вторая мировая война явилась не результатом общего кризиса капитализма, а следствием злой воли Гитлера (98, XII). Теоретические установки Хука призваны обелить капитализм, объяснить его пороки не природой антагонистических отношений, а недостатками отдельных лидеров.

Говоря о качествах, которыми должен обладать «великий лидер», Хук не называл такое качество, как высокая нравственность. Герои его опуса — это жестокие и беспринципные «фюеры», вопреки народу «делающие историю». «Кульг героя вырабатывается с детства», — повторял он фрейдистский тезис. Люди в массе «никогда не освобождаются от зависимости: сначала они зависят от своих родителей, затем учителей или кого-либо еще, кто играет определяющую роль в удовлетворении их нужд и кто дает ответ на их вопросы». Поэтому «толпа ищет себе вождя, который играл бы в обществе роль, аналогичную роли отца в семействе» (98, 20—21). Хук утверждал, что «в наши дни... влияние лидеров непрерывно возрастает. Важнейшие вопросы политики, экономики, международных отношений, военных операций, образования, религии, искусства, науки решаются кучкой национальных лидеров и часто — одной фигурой» (98, 4).

Влияние лидера, по Хуку, в значительной мере основывается на насилии. «Каждый кандидат в лидеры может рассчитывать в значительной степени на индифферентность народа. После того как он добьется успеха, народ будет платить ему дань уважения; он имеет средства заставить народ платить себе эту дань» (98, 25). Вера в героев и повиновение им порождаются

«отчаянием и нуждой масс и поддерживаются неограниченными обещаниями со стороны вождя» (98, 11).

Крайний волюнтаризм Хука проявляется в абсолютизации роли случайности в истории, как об этом свидетельствует его книга «Герой в истории». Одобряя позицию группы буржуазных историков, выпустивших книгу «Если, или переписанная история», содержащую статьи, названия которых говорят сами за себя («Если бы Наполеон бежал в Америку», «Если бы было успешным бегство Людовика XVI из Парижа» и др.), Хук вместе с этими авторами считает, что история каждый раз шла бы в иных направлениях. Он дополняет эти «если» и своими примерами — «что было бы, если бы Наполеон высадил десант в Англии» и т. д. (98, 119—124). Эти упражнения можно, разумеется, продолжить, но из приведенных уже видно, что метафизики неспособны разграничить случайное и необходимое в истории.

Центральное место в книге Хука «Герой в истории» занимают попытки «критики» марксизма, которому он приписывает фатализм, механистическое понимание детерминизма. Хук стремился представить марксизм как результат умственной деятельности Маркса; не будь его, утверждал он, не было бы и научного коммунизма. Хук не понимал, что марксизм явился закономерным продуктом развития рабочего движения, научной теорией, отразившей закономерности общественного развития вообще и капиталистического общества в частности. То, что именно К. Маркс создал революционную идеологию пролетариата, является случайностью. Кстати, доказательством того, что выдающийся человек появляется тогда, когда в нем ощущается историческая потребность, является тот факт, что К. Маркс и Ф. Энгельс одновременно самостоятельно, независимо друг от друга, пришли к сходным выводам.

Хук ставит перед марксистами «ядовитый», по его мнению, вопрос: ведь была нужда в великом лидере в Германии, который помешал бы Гитлеру прийти к власти. Да, приход фашизма к власти в Германии не был неизбежен. Он явился результатом поддержки Гитлера не только немецкими, но и иностранными монополиями, заинтересованными в милитаристской политике Гитлера, раскола германского рабочего класса вследствие оппортунистической политики лидеров социал-демократии. Таким образом, приход Гитлера к власти объ-

ясняется исторически сложившимися в стране и в мире реальными условиями.

Марксизм всегда выступал против недооценки субъективного фактора в истории, роли сознательности и организованности народных масс, роли партий, направляющих их борьбу. Хук полагал, что причина прихода фашизма к власти — отсутствие вождя, «достаточно великого», для того чтобы противостоять Гитлеру. Предотвратить приход фашизма мог, конечно, не великий лидер, а трудящиеся массы, объединенные в народном фронте во главе с рабочим классом и его революционным авангардом — коммунистической партией.

Хук тщится опровергнуть положение марксизма о том, что политический лидер является выразителем интересов определенного класса. Для Хука это — «упрощенная концепция»; согласно его собственной, «более сложной» концепции, лидер представляет прежде всего себя и группу «почитателей таланта», идущих за ним. Хук готов допустить определенную зависимость политического лидера от класса, однако как только лидер приходит к власти, он становится независимым от какого-либо класса и действует, исходя лишь из собственных интересов сохранения власти. Хук абсолютизировал опыт буржуазных политиков, которые во время избирательных кампаний демагогически обращаются с широковещательной программой «ко всем классам», а когда приходят к власти, преспокойно забывают о своих обещаниях, действуя в угоду монополиям, финансировавшим избирательную кампанию.

Хук понимает, что одному человеку не под силу «творить историю»; он советует лидерам опираться в своей деятельности не на класс, а на аппарат, на «машину», с помощью которых он будет управлять. Герой, по его утверждению, зависит главным образом не от класса, а от созданной им самим машины — политической партии, военной камарильи и т. д. Люди, на которых опираются герои, должны быть лично преданы лидеру, которому надо доказать, что его падение — это и их падение.

Хук, считающийся на Западе влиятельным «советологом», клеветает на Октябрьскую революцию, представляет ее результатом деятельности отдельных личностей. Победу Февральской революции в России он объясняет нерешительностью Николая II; причину победы англий-

ской и французской буржуазных революций он видит в бездарности Карла I и Людовика XVI. Существование глубоких социально-экономических и политических причин социальной революции отвергается Хуком. «Бесполезно говорить,— утверждает он,— что революция — результат предшествовавшей истории» (98, 219). В период революций, пишет Хук, судьба народов зависит от лидеров. Подобный взгляд опровергается самой жизнью. Именно в периоды революций обнаруживается решающая роль народных масс в истории, именно в эти периоды просыпаются огромные творческие силы народа, которые веками глушились эксплуататорскими классами. Именно от степени участия в революции масс, от их организованности и сознательности зависит размах революции, ее успех, глубина ее преобразований.

Идеалистически решают вопрос о роли личности в истории представители и других направлений буржуазной философии, в частности таких, как неотомизм и персонализм. Во взглядах персоналистов по этому вопросу волюнтаризм переплетается с фатализмом. Воля бога реализуется, по Р. Флюэллингу, в индивидуальной воле творческой личности, мир можно сделать таким, каким пожелает «избранная личность» (85, 234). Лишь немногие личности можно считать творческими, утверждал Р. Флюэллинг. Великая личность — величайший подарок обществу. Социальный порядок полностью зависит от лидеров, обладающих проницательностью, моральной силой и социальным воображением (86, 291). Отрицая творческую роль народных масс, он писал: «Изучение истории показывает с замечательным постоянством, что движение вперед в обществе почти всегда обязано личностям великих лидеров» (86, 292). Он мечтает о «гениальных лидерах» и сомневается только, готово ли для этого человечество и способно ли оно заплатить великим лидерам достаточную цену (85, 235).

Если персонализм тяготеет к протестантизму, то другое религиозное течение — неотомизм — официальная философия католической церкви. Неотомист М. Хейс видел «естественную необходимость» в подчинении власти лидера. Лидера он рассматривает как силу, «цементирующую общество», ссылаясь при этом на «святого» Фому, считавшего властителя «в его королевстве тем, чем душа является в теле, чем Бог являет-

ся в мире» (97, 134). Для неотомистки Т. Корбетт массы — «бесформенное множество», которое приводится в движение лидерами, «эксплуатирующими инстинкты и наклонности масс» (76, 96).

Как показал марксизм, основополагающими принципами научного решения вопроса о роли личности в истории должны быть: материалистическое решение основного вопроса философии, раскрытие объективного характера законов общественного развития и активного воздействия субъективного фактора на исторический процесс, учение о классах и классовой борьбе. Марксизм, совершив революционный переворот во взглядах на общество, обнаружил полную несостоятельность идеалистического подхода к решению вопроса о роли личности в истории, вооружил исследователей методологией, позволяющей видеть за действиями отдельных личностей, социальных групп, классов реальный исторический процесс, закономерности его развития.

Выступая против сведения истории к хаосу случайностей, марксисты отнюдь не считают, что история — фатальный, не зависящий от людей процесс.

Классики марксизма-ленинизма требовали на основе законов развития общества исследовать исторический процесс, его особенности и специфику на разных этапах. Случайность в истории, являясь формой проявления необходимости, оказывает определенное воздействие на объективный исторический процесс, становясь подчас существенным моментом необходимости. Если необходимость вытекает из сущности, из внутренней природы того или иного явления, то случайность выражает взаимодействие разносистемных явлений. Так, закономерности социального, психологического, биологического развития имеют свои сферы действия, но, сосуществуя, они пересекаются, образуя поле для случайностей (причем эти случайности вследствие их периодической возобновляемости сами могут быть описаны определенными статистическими законами).

Раскрывая роль выдающихся личностей в истории, нельзя игнорировать их психические качества — явления, случайные по отношению к закономерному историческому процессу; но нельзя на основе только этих случайностей объяснять причины тех или иных исторических событий. Случайностью нельзя объяснить сложность такого явления, как выдающаяся личность. По-

явление выдающейся личности — процесс диалектический. Он и закономерен и случаен. «То обстоятельство, что такой и именно вот этот великий человек появляется в определенное время в данной стране, конечно, есть чистая случайность. Но если этого человека устранить, то появляется спрос на его замену, и такая замена находится — более или менее удачная, но с течением времени находится» (1, 39, 175). Появление выдающейся личности — это ответ на определенную социальную потребность; даже черты ее характера находятся в определенном соответствии с нуждами эпохи, класса, выдвинувшего данного деятеля. К. Маркс отмечал, что среди случайностей, играющих большую роль в историческом процессе, «фигурирует также и такой «случай», как характер людей, стоящих вначале во главе движения» (1, 33, 175).

В центре исторических исследований буржуазных авторов оказываются отдельные личности. И сегодня биографии политических лидеров — наиболее распространенный жанр буржуазной исторической литературы. Нет сомнения в том, что биографии выдающихся личностей важны, что они помогают понять исторические события в их жизненной полноте и конкретности. Но одно дело — признать закономерность этого жанра, и совсем другое — сводить историю к сумме биографий. В буржуазной историографии доказывается, что, поскольку история складывается из действий отдельных людей, она не может быть ничем иным, как жизнеописанием этих людей. Поскольку воспроизвести биографии всех людей невозможно, утверждают буржуазные идеологи, историк ограничивается описанием деятельности лидеров. Это свидетельствует о глубоком кризисе буржуазной историографии, крайнем проявлении идеографического подхода, берущего начало в неокантианской философии истории, сторонники которой представляют историю как ряд единичных, неповторимых ситуаций, каждая из которых определяется той или иной исторической личностью.

Марксизм доказал, что главная причина исторического развития — это изменения в способе производства материальных благ; определенное влияние на ход истории оказывают действия единичных причин, например индивидуальные особенности той или иной выдающейся личности. Эти единичные причины определяют, по вы-

ражению Г. В. Плеханова, «индивидуальную физиономию» исторических событий. Если бы вместо одних личностей действовали другие, конкретный ход событий был бы несколько иным; но единичные явления не могут коренным образом изменить действия общих закономерностей, которые ставят предел их влиянию.

Буржуазные идеологи, изучающие проблему личности в истории, используют не только идеалистическую философию, но и социологию. Как известно, буржуазные социологи исключают из социологического анализа исследования классовых отношений, отношений собственности, переводят эти проблемы в русло частных эмпирических исследований, объектом которых являются «микроотношения» в группах. Тем самым закрывается путь решения проблемы роли личности в социальном процессе, ибо решить ее на примере небольшой, как правило случайной, группы невозможно. Более того, невозможно решение проблемы лидерства в «малой группе» при игнорировании классовых отношений общества, ибо они существенным образом влияют на отношения внутри этих групп и между ними, на их структуру, поведение лидера и ведомых. Эта проблема рассматривается буржуазными теоретиками не как социально-классовая, а как психологическая. Они пытаются искать причины социальных действий не в объективных условиях общественного развития, а в сознании, в типах характера. Не случайно буржуазный социолог П. Сорокин писал о психологическом редукционизме как черте западной, особенно американской, социологии.

Характерной методологической установкой современной буржуазной социологии является антиисторизм. Ее представителям чужд исторический подход к изучению общественных явлений, согласно которому социальные процессы необходимо рассматривать в связи с конкретными условиями. Буржуазные социологи представляют капиталистическую систему не как исторически преходящую ступень общественного развития, а как «естественную» и вечную. Такой «вечной» оказывается для них и проблема лидерства, которую они пытаются решить на материалах небольших групп — религиозной конгрегации, профсоюза или бандитской шайки. Выводы, сделанные на основе подобных микроисследований, буржуазные идеологи экстраполируют на «общество вообще». Они утверждают, что «микроструктура» об-

щества (уровень интерперсональных отношений в «малых группах») подобна его «макроструктуре».

Большинство буржуазных социологов пишут о лидерстве «вообще», хотя исследуют ту или иную группу в США или западноевропейских странах, отношения в которой во многом обусловлены социальной структурой капиталистического общества. Можно понять в этой связи Р. Миллса, задавшего вопрос: какой смысл имеют поиски черт (черт лидерства.— Г. А.)? Что дает такой анализ, лишенный конкретного содержания?

Из сотен буржуазных социологов, занимающихся проблемой лидерства, лишь немногие пытаются охватить ее в широком теоретическом плане. Как правило, социологи-эмпирики откровенно избегают теоретических обобщений, философского осмысления социальных проблем, ставя себе в заслугу отказ от любых «априорных» и «метафизических» концепций. Стоять на точке зрения факта, ограничиваться констатацией данных непосредственно чувственного опыта — вот лозунг эмпирической социологии. Это приводит к тому, что исследователь как бы «прилипает» к факту, фетишизирует его, трактует проблему крайне односторонне.

Сама по себе попытка избегать теоретических обобщений и «любого априоризма» в исследовании ненаучна. Выбор объекта эмпирического исследования, формулировка проблемы и задач исследования вытекают из определенной теоретической позиции. Именно в рамках теории вырабатывается и понятийный аппарат, используемый в процессе эмпирического исследования, и принципы классификации и отбора фактов. Эмпирики усиленно заботятся о том, чтобы не «скомпрометировать» себя связью с какой-либо идеологической концепцией, широко рекламируя свою «независимость» от политики, «беспристрастность». Но «идеологический груз» явно обнаруживается в их исследованиях. Он проявляется и в определенных методологических установках, как, например, в делении общества на элиту и массу, в самом выборе объекта исследования (предпочтение всегда отдается выдающейся личности, и игнорируется роль народных масс в историческом процессе).

Недооценку социологической теории эмпирики пытаются в какой-то мере компенсировать интересом к методологии, который правильнее назвать уходом в методологию (методологией американские и английские

социологи называют систему средств и приемов познания социальных явлений, которую точнее называть методикой). Именно методика исследований лидерства разработана ими весьма скрупулезно. Однако сама по себе методика не гарантирует правильности выводов исследования: она «работает» только в рамках научной теории, когда же ее нет — даже самая хорошая методика оказывается либо бесполезной, либо лишь научно-образным прикрытием апологетических установок. Р. Миллс отмечал, что чем более зашифрованным становится ритуал исследовательской процедуры, тем более уходит из-под контроля степень связи ритуала с действительностью.

Уход социологов-эмпириков в узкие области исследования создает иллюзию их объективности, свободы от идеологии, иллюзию, которую они охотно эксплуатируют. «Объективность» в частных вопросах весьма относительна, ибо позволяет буржуазным социологам маскировать классовую сущность своих исследований, принципиальное принятие ими капиталистических производственных отношений и стремление укрепить, «усовершенствовать» их. Социологи-эмпирики с готовностью выполняют социальный заказ монополий и буржуазного государства (которым необходима информация о методах руководства массами, разработка средств социального контроля и т. д.). В этом заключается идеологическая функция буржуазных социологических концепций.

Поскольку эмпирические исследования, в том числе исследования лидерства, являются дорогостоящими, их субсидируют монополии и государственные учреждения (среди последних особое место занимает армия). В списках заказчиков социологических институтов можно найти практически все крупнейшие монополии, банки, ведущие федеральные агентства США. Не случайно Р. Миллс писал о бюрократизации «абстрактного эмпиризма»: социологи-эмпирики молчаливо принимают политические цели своих бюрократических клиентов, т. е. полностью превратились в инструменты монополий. «Кто платит, сколько, за что?» — вот что выражает господствующий в эмпирической социологии мотив, признает И. Горовиц (см. 99).

Как видно, буржуазная социология вполне «вписалась» в мир монополистического капитализма.

Глава 2

Эмпирические исследования лидерства в буржуазной социологии

Лидерство занимает центральное место в буржуазных исследованиях по проблемам социального управления. Многие буржуазные социологи даже отождествляют понятия «социальное управление», «руководство», «лидерство», а зачастую и «авторитет»¹. Попытаемся определить это понятие, помня мысль Спинозы о том, что всякое определение есть ограничение.

Прежде всего отметим, что существуют различные уровни решения проблемы лидерства: философско-исторический (на котором она во многом сливается с проблемой роли выдающейся личности, зачинателя исторического движения); социологический, где выявляется связь лидерства с социальной структурой, место и роль его в функционировании общественного организма; социально-психологический, анализирующий лидерство как элемент межличностных отношений в соци-

¹ «Управление», «руководство», «лидерство» — перекрещивающиеся, но не совпадающие понятия. Управление в широком смысле — процесс упорядочения системы, обеспечение ее функционирования; объектом управления могут быть и люди, и машины, и производственные процессы. Понятие руководства включает социальный аспект управления, именно управление людьми. Лидерство в понимании буржуазных социологов предполагает особое положение одного человека или меньшинства (элиты) по отношению к большинству. Это такой тип взаимоотношений в группе, при котором координация, планирование ее деятельности являются прерогативой одного или нескольких лидеров.

Неправомерно отождествление понятий «лидерство» и «авторитет»: лидер может быть авторитетным и неавторитетным, а авторитет не обязательно связывать с лидерством (например, авторитет общественного мнения, авторитетность мнения эксперта, подчиненного лидеру, и т. д.).

альных группах; психологический, рассматривающий особенности личности лидера. Таким образом, проблема лидерства является комплексной и решается с помощью ряда наук.

В буржуазном обществоведении проблема лидерства оказывается предметом рассмотрения нескольких дисциплин — философии истории, социологии, менеджмента (ищущего оптимальные методы управления промышленным предприятием и другими организациями), политической экономии и экономической истории, исследующей роль лидерства в истории бизнеса, политологии, в которой важное место занимает проблема политического лидерства. Формальный характер подобного членения связан с тем, что, хотя в буржуазной литературе нет недостатка в признании необходимости изучения проблемы лидерства средствами различных наук, огромное большинство подобных исследований — это социально-психологические (105, 9, 91—111). Во всех перечисленных дисциплинах при выявлении феномена лидерства используются понятия и теории, выработанные социальной психологией.

Подавляющее большинство исследований этой проблемы американскими и западноевропейскими учеными носит социально-психологический характер, трактуется в плане интерперсональных отношений и влияний в «малой группе». Чтобы убедиться в этом, достаточно сослаться на дефиниции лидерства в буржуазной социологической литературе. Р. Стогдилл приводит десятки этих определений. Лидерство как функция личности, обладающей определенными чертами (Бингхэм), как следствие силы личности (Боуден), как фокус группового процесса (Кули), как искусство установления согласия между людьми (Мэнсон), как личный социальный контроль (Оллпорт), как осуществление влияния (Тед), как поведение индивидуума, включенного в управление групповой деятельностью (Хэмфил), как способность влиять на людей путем скорее эмоциональных призывов, чем использования авторитета (Клитон), и т. д. и т. п. (133).

Рассмотрим наиболее распространенное в буржуазной социологии определение лидерства, предложенное Б. Бассом. Он рассматривает лидерство как влияние, точнее, «позитивное» влияние. «Когда цель члена (группы) *A* — в том, чтобы изменить члена *B*, то уси-

лия *А* есть попытка лидерства. *В* может действительно изменить свое поведение в результате усилий *А*; это успешное лидерство. Изменение *В* может принести *В* удовлетворение, награду, достижение цели; это — эффективное лидерство» (66, 89—90). Под это определение подойдут весьма различные по своей природе явления: и усилия составителя рекламы побудить публику покупать определенную зубную пасту, и поведение главаря преступной шайки, и деятельность главы государства. Нарочито широкая трактовка лидерства позволяет выхолостить из него социальное содержание, перевести проблему в план социально-психологических отношений¹. Стогдилл считает, что «новейшие исследователи лидерства направляют свои усилия на эмпирические исследования, обнаруживая неверие в теоретический подход» (133, 5).

Постановка вопроса о роли лидера в историческом процессе представляется этим исследователям слишком теоретичной, зачастую они классифицируют ее как псевдопроблему, не поддающуюся проверке и, следовательно, находящуюся за пределами научно-достоверного знания. Традиционный идеалистический подход к проблеме (Платон, Карлейль) отвергается ими как спекулятивный. Лебон, Тард, даже Кули, которые «злоупотребляли интуицией и дедукцией» (66, 9), также подвергаются критике эмпирическими исследователями лидерства — Морено, Дойчем, Бассом. «Реальной» оказывается проблема лидерства в эмпирически обозримой группе; далее предполагается, что любая более широкая форма лидерства может и должна быть сведена к этой модели (если сведение невозможно, анализ признается не вполне «прецизным» со «строго социологической точки зрения»).

В основе этого «чистого эмпиризма» лежит определенное абстрактно-теоретическое допущение: если существует группа людей, отношения между которыми предполагают управление, то о ней можно говорить как о «группе, нуждающейся в лидерстве». Материальные

¹ Определение лидерства как влияния, как взаимодействия настолько широко, что по существу совпадает с предметом социальной психологии в определении ее буржуазными социологами («исследование поведенческой зависимости и взаимозависимости индивидуумов», 140, 1).

отношения, на основе и по поводу которых складываются определенные коллективы, остаются за пределами анализа; в поле зрения буржуазного социолога попадают лишь сами группы, характеризующиеся определенными типами межличностных отношений, влияний и т. д.¹

Ограничение проблемы лидерства исследованиями «малых групп» представляется эмпирикам подкупающе «научным» подходом, основывающимся на том, что, прежде чем решать проблему лидерства в глобальном масштабе, ее нужно всесторонне исследовать на уровне «малых групп»; далее, накопив опыт, опробовав методику, можно перейти к более широким обобщениям². Но до сих пор уход в микропроблематику не столько помогал буржуазным социологам решать макропроблемы, сколько отвлекал от их решения; этот подход — лишь иллюзия научного подхода.

Существуют проблемы, которые вообще нельзя решать на микроуровне; именно к ним относится проблема взаимоотношения народных масс, классов, партий, лидеров. Важнейшей чертой буржуазных эмпирических исследований лидерства является ограничение их уровнем межличностных отношений, т. е. отношений, которые являются лишь внешним выражением и проявлением определенных материальных, прежде всего экономических, отношений, складывающихся и существующих

¹ Попытки теоретиков лидерства исключить из своих построений «всякий априоризм» и связать их только с эмпирическими наблюдениями не выдерживают критики. «Беспристрастные эмпирики» на деле повторяют и разделяют буржуазные предрассудки об извечном делении человечества на элиту и массу, о вечности социального неравенства и т. д. Это и есть худший вид априоризма. Тот же Басс признает, что исследователи лидерства черпают свои гипотезы из политической философии, антропологии, истории, психологии (66, XI). Ниже мы увидим связь теорий культа героев с теорией «черт лидерства», связь ситуационистской интерпретации лидерства со взглядами Спенсера, бихевиоризмом и т. д.

² Основывая этот подход, Дж. Морено писал: «Это отход от социальной вселенной к ее атомарной структуре. С течением времени путем совместных усилий многих исследователей будет снова получена тотальная картина человеческого общества, но она будет лучше обоснована» (32, 60). Отсюда его призыв к отказу «давать бесполезные ответы на важные вопросы: скорее нужно с полным смирением, сознавая, что мы знаем очень мало, заняться сперва изучением простых социальных систем и понять ту истину, что это может помочь нам при решении важных проблем» (32, 31).

независимо от сознания людей; именно эти отношения и воздействуют определяющим образом на интерперсональные отношения¹.

Ряд исследователей², развивающих социально-психологический подход при изучении лидерства, определяет последнее как такой тип взаимоотношений в группе, который не связан с формальным статусом и основывается на моральном авторитете, компетентности или эмоциональном воздействии лидера, в противоположность влиянию формально назначенного руководителя, который осуществляет свои функции *ex officio* (по положению). Подобное определение представляется нам уязвимым. При таком подходе гармонист является лидером компании, собирающейся вечером на окраине деревни, а вот, скажем, Петр I не является лидером, в силу того что был формально государем. На наш взгляд, лидерство имеет место в обоих случаях, но в первом — оно неформально, во втором — формально. Таким образом, мы будем говорить о двух видах лидерства — формальном и неформальном.

Психологический редукционизм — характерная черта буржуазной социологии, источник многих ее методологических пороков. Настойчивое стремление уйти от анализа классовых отношений ведет к односторонности, к теоретическим перекосам: проблема утрачивает социально-классовый характер, превращаясь в исследования «вечного» феномена лидерства, вытекающего из самой «при-

¹ Нельзя сказать, что проблема лидерства не должна решаться на уровне групп — проблему, сформулированную как лидерство в группе, невозможно решить на другом уровне. Отметим лишь, что проблему лидерства нельзя до конца решить, отвлекаясь от социальной структуры, в которой функционирует социальная группа. В этом случае можно вскрыть только самые общие и лежащие на поверхности интерперсональные отношения. Сущность лидерства можно понять только при изучении макроструктуры общества. Ограничение исследования рамками «малой группы» не может дать решение проблемы, поскольку без связи со структурой общества невозможно раскрыть сущность лидерства — ведь цели группы, как правило, лежат за пределами самой группы; если анализировать структуру капиталистических предприятий в терминах межличностных отношений, симпатий и антипатий рабочих и администрации, то существо вопроса останется за пределами анализа.

² Пигорс, Гибб употребляют термин «лидерство» лишь по отношению к группе, члены которой добровольно признают лидера. Если же руководитель назначен вышестоящей организацией, они употребляют термин «главенство» (*headship*) (105, 9, 92).

роды» человека, т. е. носит внеисторический характер. А суть вопроса как раз в том, что лидерство по-разному проявляется и функционирует в различных социальных системах, наполняется различным социальным содержанием. Так, в условиях социализма коренным образом изменяется содержание лидерства: из инструмента защиты эксплуататорских отношений оно превращается в механизм, работающий на пользу миллионных масс трудящихся.

Теория «черт лидера». Несмотря на уверения буржуазных социологов-эмпириков в том, что их исследования не связаны ни с какими теоретическими установками, обнаружить эту связь не составляет большого труда. Наиболее ярко связь эмпирических исследований лидерства с традиционной «героической» интерпретацией истории можно проследить на так называемой теории «черт лидера», которую правильнее было бы назвать методикой эмпирического изучения лидерства в капиталистическом обществе. Сторонники ее уделяли основное внимание личным качествам лидера. Разработанная ими методика, получившая широкое распространение в 30-е — 50-е годы XX в. (Смит, Богардус), используется буржуазными социологами и сегодня. Согласно этой теории, необходимо изучить лидеров в различных (добавим, случайных) социальных группах, выявить, какие психологические характеристики им присущи, составить соответствующие таблицы (впоследствии эта процедура усложнилась). В итоге лидерство объясняется как социально-психологический феномен, как совокупность определенных психических черт личности.

Примером исследования, базирующегося в основном на этой методике, может служить монография известного американского социолога Э. Богардуса «Лидеры и лидерство». Богардус перечисляет десятки качеств, которыми должен обладать лидер,— чувство юмора, такт, умение предвидеть, способность привлекать к себе внимание и т. д.

«Превосходящие интеллектуальные дарования обеспечивают личности выдающееся положение, которое рано или поздно приводит к духовному лидерству» (72, 138). По Богардусу, лидером делают человека прежде всего такие качества, как «энергия, ум и характер». Он видит свою задачу в отыскании черт, делающих

человека лидером, не понимая, что любая личность превратится в Дон Кихота, если будет действовать на основании своей фантазии, не сообразуясь с объективным ходом истории.

Социальные проблемы лидерства он ограничивает микросоциальными вопросами — влиянием родителей, знакомых (72, 63). Под видом освещения вопроса «со всех сторон» сущность проблемы заменяется множеством частных случаев.

Подвергая скрупулезному анализу психологические характеристики, он не видит главного: лидер, вождь является выразителем интересов определенного класса, и поэтому его деятельность необходимо рассматривать в связи с конкретными историческими условиями. Богардус утверждает, что лидер лишь раскрывает способности, заложенные в нем от рождения, что еще в детстве можно предсказать, что данный человек будет великим лидером (72, 95). Отвлекаясь от классового анализа организации и ее лидера, Богардус считает, что лидером может быть любая личность, получившая господство над другими. Он стремится найти общие черты, свойственные руководителям политических партий, вожакам преступного мира, предводителям бойскаутов. Он пытается доказать, что способность быть лидером является не только врожденной, но и свойственной ограниченному кругу людей, которые определяют исторический процесс. Итак, лидер — не продукт конкретных социальных отношений, а человек, обладающий врожденным биопсихическим комплексом, обеспечивающим ему власть.

Несомненно, политический лидер должен обладать определенными биопсихическими качествами и социальный психолог не может их игнорировать. Наличие таких качеств у данной личности означает лишь, что она может сыграть ту или иную роль в социальном движении. Ведь для того, чтобы проявились даже гениальные задатки, необходимы благоприятные социальные условия. Известно, что при капитализме одаренному человеку из народа крайне редко удается развить свой талант и способности. Только социалистический строй создает самые благоприятные возможности для расцвета дарований каждого члена общества.

Классово-апологетический смысл теории «черт лидера» не вызывает сомнения. Она принижает роль народ-

ных масс, пытается обосновать их зависимость от отдельных личностей из привилегированных классов, призванных якобы «самой природой» повелевать.

В 30-х годах количество исследований, основанных на «теории черт», быстро росло. В 1940 г. К. Бирд, обобщив 20 подобных исследований, составил список, в котором указывалось 79 черт, необходимых для лидера. И сразу же возникли непреодолимые трудности, связанные с разнобразием в данных этих исследований. Бирд писал, что из 79 черт, отмеченных в эмпирических исследованиях, 65% были упомянуты только однажды, около 20% — дважды, около 5% — трижды. Многие из приведенных черт были взаимно исключаящими.

В 1948 г. Р. Стогдилл обобщил данные уже 124 исследований черт лидерства и столкнулся с еще большей неразберихой, заставившей его усомниться в самой «теории черт». Дело в том, что данные одного исследователя перечеркивали данные другого. Любопытно, что в конце концов не осталось практически ни одной черты лидера, с которой были бы согласны все авторы подобных исследований. Оспаривались даже такие, на первый взгляд, необходимые черты для лидера, как сила воли и ум. Некоторые исследователи, например, писали, что многие волевые люди, способные противостоять «массовым предрассудкам», превращаются в изгоев, а лидерами становятся те, кто угождает «массовым вкусам», идет на поводу у групповых «экспектаций» (ожиданий), уступает желанию большинства.

Стогдилл пытался доказать, что лидер должен обладать большим интеллектом, чем члены его группы. В ответ посыпались опровержения. Так, исследователи лидерства в бизнесе нашли, что нет большой разницы в уме между лидерами и нелидерами. «Исследования не доказывают, — утверждал Ю. Дженнингс, — что превосходящий ум желателен или необходим для лидерства в бизнесе», а также в бюрократических организациях, где карьеру делают не самые умные, а самые изворотливые, беспринципные, умеющие приспосабливаться к вкусам начальства. Он отмечал, что «во многих исследованиях обнаружено много нелидеров, превосходящих по уму лидеров. Иначе говоря, ум может быть фактором, способствующим лидерству, но взятый сам по себе, не может объяснить лидерства» (107, 150). Это в еще большей степени относится к другим чертам лидерства.

В итоге дело дошло до конфуза: был описан ряд лидеров «без черт», т. е. людей, выдвинувшихся в руководители в силу абсолютной безличности.

Столкнувшись с тем фактом, что обезличенный лидер, делающий то, «что требуется», человек-функция наиболее соответствует бюрократической организации, Ю. Дженнингс сокрушенно писал: «Никто не может быть удовлетворенным и сказать, что тайна лидерства раскрыта. Частные исследования складываются в тома; одни черты выдвигаются, чтобы доказать неправильность черт, выявленных другими исследователями. Из перечисляемых черт, таких, как рост, физические данные, энергия, лишь немногие коррелируются с лидерством, ничего не давая для его объяснения» (107, 161). Как считает Оллпорт, из 17 000 определений, используемых в английском языке для описания индивида, почти каждое может быть использовано для характеристики лидера. Ю. Дженнингс, признавая крайний субъективизм «теории черт», отмечал, что «подобные эмпирические исследования более правильны для характеристики доминирующих черт экспериментаторов, чем исследуемых лидеров».

Не следует думать, что «теория черт» стала достоянием прошлого. В настоящее время исследования, основанные на этой методике, продолжаются. Однако в последние годы эта методика обычно сочетается с другими методиками.

«Теория черт» метафизична в своей основе. Она рассматривает лидерство как изолированный феномен, который можно объяснить из него самого. Однако различные социальные эпохи, разные классы и социальные группы требуют лидеров, обладающих совершенно различными качествами. Одни качества требуются для капитана футбольной команды, а иные — для руководителя научного коллектива. Лидерство оказывается функцией социальных и психологических отношений в группе. Главные пороки «теории черт» связаны с тем, что ее сторонники игнорируют социальную природу лидерства, полагая, что определенные черты индивида «срабатывают» автоматически и делают определенных индивидуумов лидерами.

В действительности черты лидера необходимо рассматривать не изолированно от социальных условий, а в связи с ними, и не в статике, а в динамике. Тогда мы

обнаружим, что эти черты в основном складываются, формируются в системе конкретных социальных отношений. Периоды народных восстаний, революций, периоды коренной ломки общественных отношений, когда к историческому творчеству приобщаются большие массы людей, раскрывают яркие дарования, таившиеся в народе. Революционные преобразования, освобождающие трудящихся от эксплуатации, нужды и невежества, пробуждают их творческие силы, позволяют им проявить себя в самых разнообразных сферах общественной жизни, выдвигают из их среды замечательных руководителей. Сошлемся на такие яркие организаторские таланты людей из народа, рожденные революцией, воспитанные Коммунистической партией, как М. И. Калинин, В. И. Чапаев, С. М. Буденный, Г. И. Котовский и многие другие.

«Теория черт» не учитывает то важное обстоятельство, что само выполнение функций лидера способствует развитию необходимых для этого качеств. Человек, который в течение продолжительного времени оказывается лидером, как говорят психологи, «интериоризирует» свою роль, привыкает к ней, в нем формируются и закрепляются черты, которые требуются для выполнения этой роли (например, появляется чувство ответственности за других, которого могло не быть ранее, властность, уверенность в себе и т. д.). Иначе говоря, то, что было его социальной ролью, становится частью его «Я».

Ситуационизм. Бросающиеся в глаза недостатки методики, используемой в «теории черт», стали очевидны и для многих буржуазных социологов. Поскольку исследования различных групп не давали одинаковых результатов о чертах лидера, можно было предположить, что и характер лидеров таких социальных групп не может быть одним и тем же. Лидерство все чаще начинает рассматриваться как функция ситуации. «Поведение лидера, которое вполне подходит для одной ситуации, может быть полностью непригодно в другой. Поведение бригадира на сталелитейном заводе весьма отличается от поведения руководителя исследовательской лаборатории. И хотя это не столь очевидно, то же самое относится к различному психологическому климату в эквивалентных физических ситуациях» (79, 227). Эта точка зрения становится преобладающей в иссле-

дованиях лидерства¹. Большинство буржуазных социологов-эмпириков стало считать, что после публикации в 1948 г. обзора Стогдилла «теория черт» «была по крайней мере частично опровергнута» (59, 1965, т. 33, № 1, 60).

Ситуационное направление в социальной психологии, первоначально развивавшееся бихевиористами, было подхвачено и неофрейдистами, и сторонниками теории «социального действия». Например, Т. Парсонс, критикуя «примитивный, устаревший психологизм» (хотя сам он находится в плену психологизма новейшего и утонченного), пишет, что объяснение социальных отношений ссылками на черты личности несостоятельно (119, 593). Однако, когда Парсонс сводит элементы социального действия к «актеру» (действующему лицу) и ситуации, это отнюдь не значит, что ситуация рассматривается им как нечто объективное, находящееся вне сознания человека, она выступает как «значение» его сознания, т. е. как феномен сознания. Такая постановка вопроса не выводит Парсонса за пределы критикуемого им психологизма.

В эмпирических исследованиях буржуазных социологов лидер все более начинает оцениваться с точки зрения роли, которую он играет в группе. Дж. Симпсон и Дж. Ингер, отвергая «теорию черт», пишут: «Нужна более соответствующая истине теория личности, которая полностью охватила бы влияние ситуации. коллективное поведение в системе внутригрупповых отношений нельзя объяснять тем, что заключено «внутри» индивида. Люди — существа, играющие роль; в значительной степени они ведут себя в соответствии со своими обязанностями и интересами, определяемыми групповой принадлежностью» (47, 420).

¹ Т. Хейман пишет: «Главная слабость теории черт в том, что она не принимает во внимание факторов ситуации» (96, 442—443). Гибб отмечает, что попытки свести лидерство к каким-то специфическим качествам должны быть оставлены; сущность лидера «не в индивиде, а в роли, в которой нуждается определенная группа». Поэтому личность «становится лидером не столько благодаря личным качествам», сколько благодаря ситуации и детерминированной оценке другими членами группы. Элементами ситуации он считает: 1) структуру интерперсональных отношений в группе; 2) характеристику группы; 3) характеристику культуры, в которой существует группа; 4) физические условия, в которых действует группа; 5) представление членов группы о своей группе (105, 9, 93).

Нельзя сказать, что ситуационизм полностью исключает «теорию черт». Некоторые его сторонники полагают, что те или иные черты лидера просто варьируются в зависимости от ситуации. По А. Голднеру, ситуационизм не отрицает, что качества личности играют большую роль, но он считает, что лидерство «является продуктом ситуации в отдельных группах». Ситуационисты указывают, что лидерство в группе будет различным в каждой ситуации, что в определенной ситуации один человек может стать лидером, в другой ситуации — кто-либо другой. Пиаже также замечает, что ситуационизм рассматривает индивид как пустой ящик, заполняемый обществом, игнорирует активность личности.

Человек, являющийся всего лишь функцией ситуации, своего рода флюгером, действующим «по обстоятельствам», — наиболее часто встречающийся тип современного буржуазного лидера, как это видно из исследований Фромма, Рисмена. Это человек с «рыночной ориентацией» (Фромм), или «внешне-ориентированный» индивид (Рисмен). Первый относится к себе как к товару, который необходимо продать подороже, и вырабатывает в себе качества, соответствующие конъюнктуре или «ситуационному спросу»; это ловкий приспособленец, конформист, заботящийся прежде всего о своей карьере. Второй — «производительный человек», независимый, реализующий свои внутренние потенции, изменяющий действительность.

Некоторые буржуазные социологи отмечают, что ситуационизм в целом принижает активность лидера, считая его инструментом ситуации. Ситуационисты, по их мнению, упускают из виду, что лидер и сам может оказывать влияние на ситуацию. Дженнингс подчеркивает момент активности лидера по отношению к ситуации. «Нет сомнения, что если ситуация созрела для Наполеона, то Наполеон созрел для ситуации. Великие события всегда свадьба между человеком и временем. Великий лидер «чувствует» ситуацию и знает, как позволить ей развиваться до точки, когда он ее может использовать. Величайшие лидеры обладали способностью обратить ситуацию в свой актив. Ситуации могут быть созданы силой великого лидера в той же степени, в какой слабый лидер может быть создан силой ситуации» (107, 15). Дженнингс опирается на теорию

Хука, согласно которой герой, лидер, не зависит от условий, наоборот, он сам творит эти условия. По Хуку, «герой велик не тем, что он сделал, а тем, что он есть» (98, 156). Хук впадает в крайний субъективизм, а вместе с ним и Дженнингс, который, критикуя ситуационизм, пишет: «Лидер ситуационно уместен, но не детерминирован ситуацией» (107, 91). А если в наше время «бюрократическая ситуация» в капиталистических странах диктует лидеру его поведение, жестко регламентируя его, то это, считает Дженнингс и занимающий близкую позицию А. Шлезингер, одно из «несчастий века», которое ведет к утрате веры в «героическое лидерство», к засилью слабых лидеров.

Итак, ситуационизм обнаруживает свою односторонность и неспособность раскрыть всю сложность феномена лидерства. Его основная слабость связана с тем, что он впадает в фатализм, игнорирует относительную самостоятельность личности, растворяет личность в «обстоятельствах», обрекает ее на пассивность. В действительности процесс становления личности — не пассивное отражение человеком социальной среды, а активное усвоение им социального опыта, активное формирование себя как личности. Процесс общения, в котором человек обретает свою социальную сущность, — это одновременно и процесс обособления личности, формирования особенной личностной структуры.

Теория определяющей роли последователей. «Теория черт» не удовлетворяет и другую группу социальных психологов. Они считают, что эта теория, фокусируя внимание на личности лидера, игнорирует вторую, по их мнению, более важную сторону отношений «лидер — ведомые». Группа сама выбирает лидера, который удовлетворяет ее интересы, лидер в сущности не более, чем инструмент группы, утверждают они¹. Поэтому «тайна

¹ Сэкфорд и Бэкман пишут, что все больше психологов считают, что лидерство скорее характеристика группы, чем индивидов (127). Шибутани отмечает: «Хотя мы склонны думать о лидере как о человеке с какими-то особыми качествами, такими, как смелость, сила, интеллект, следует помнить, что лидерство — это в сущности процесс социальный. Лидер — это человек, который имеет последователей. Каким бы блестящим человеком он ни был, он не сможет изменить ход истории до тех пор (Шибутани не отказался полностью от «героической» интерпретации истории. — Г. А.), пока другие не откажутся от некоторых из своих привилегий. Лидеры — это люди, способные выразить интересы своих последователей» (55, 248).

лидера» не в нем самом, а в психологии и запросах его последователей. «Следующим шагом в более разумной концепции лидерства было включение в нее личности последователя и нужд группы» (96, 445). Социологи-эмпирики начинают исследовать лидерство в плане способности лидера удовлетворять нужды последователя. Именно последователь воспринимает лидера, ситуацию «и в конечном итоге принимает или отвергает лидерство», — замечает Ф. Сэнфорд.

Как видно, данный подход весьма близок ситуационизму, в нем настроения, интересы, потребности членов группы рассматриваются как важнейшие элементы ситуации, которая трактуется буржуазными социологами идеалистически — как сумма психических состояний группы, прежде всего ее ожиданий. В соответствии с этим и лидер ориентируется на ожидания, принимает их в расчет, старается выполнить требования группы. Заметим, что необходимость учитывать психологию последователей отнюдь не открытие эмпирической социологии; эта точка зрения получила распространение еще в XIX в. (А. Жоли, Л. Бурдо, Н. Михайловский)¹. Лебон писал, что масса все чаще диктует лидеру его поведение. У Жоли лидер «создает сотрудников», его отличают такие качества, как умение распознавать стремления последователей.

Эмпирические исследования, основанные на этом подходе, объективно подтверждают марксистское положение о том, что социальный процесс — продукт творчества не отдельных личностей, а народных масс, классов; однако эти исследования не выходят за рамки психологического объяснения социальных отношений, они не могут вскрыть причин самих групповых ожиданий, которые изменяются вслед за изменением материальных условий.

Эмпирические исследования буржуазных социологов подтвердили, что традиционная для метафизиков абсолютизация отношений «лидер—ведомые» неверна; возникли трудности в проведении, по выражению Танненбаума, «демаркационной линии между лидером и ведо-

¹ Михайловский писал в этой связи: «Поскольку герой часто оказывается человеком крайне малого масштаба, дело не в нем, а в особенностях психологии масс, которые за ним следуют» (31, VI, 327).

мыми»¹. И это не удивительно. Лидерство связывается эмпириками с влиянием. Но поскольку все члены группы в той или иной мере влияют друг на друга, термины «лидер», «ведомые» оказываются в значительной мере условными.

Обычно социологи, принимающие «теорию определяющей роли последователей», считают влияние ведомых на лидера негативным (эта традиция идет от Лебона). Именно в этом они видят причину ослабления лидерства в настоящее время, превращения лидеров в марионеток, принимающих критерии «толпы» и действующих ей на потребу. По их представлению, лидер большей частью стремится удовлетворить низменные страсти толпы, чтобы удержаться у власти; он ведет массы лишь в той мере, в какой сам идет на поводу массовых предрассудков. Подобное лидерство Дженнингс именует «атмосферным»: «член группы, стремящийся в лидеры, прежде всего пытается почувствовать «дух» или «моду», ориентация на которые позволила бы ему достичь цели без особого проявления инициативы и без большого риска» (107, 14). Он и его коллеги описывают отношения, типичные для современного капитализма, отношения рафинированного манипулирования (они или апологетизируют их, или критикуют с позиций буржуазного индивидуализма)². По их мнению, на помощь

¹ Танненбаум пишет: «Традиционно считалось, что процесс лидерства альтернативен: некто либо лидирует, либо является ведомым... Ныне обычно рассматривается и влияние лидера на последователей, и обратное влияние» (105, т. 9, 104). Еще Зиммель заметил, что лидеры являются также и ведомыми; в бесчисленных случаях господа — рабы своих рабов. Лидер и последователь могут меняться местами.

Сложность рассматриваемого отношения подчеркивал советский историк Б. Ф. Поршнев: «...не надо представлять себе авторитет только как власть одного или нескольких индивидов над коллективом. Если заглянуть еще глубже, то ведь это в известном смысле и обратная зависимость... Звучит парадоксально, но лидер, авторитет — сам раб коллектива. И поистине те окруженные сложным церемониалом царьки древнейших обществ, которым поклонялись, но личная свобода и воля которых были близки к нулю, настолько их подавлял культ, были не личностями, а манекенами, исполнявшими волю обычая и приближенных» (40, 149).

² Западногерманский социолог В. Хагеман так описывает характер взаимодействия между лидером и массой: «Вождь-демагог... стремится создать видимость того, что он является частью множества, исполнителем его требований... Вождь фактически ничто без руководимых, его высказывания и действия нуждаются в воспроиз-

беспринципным карьеристам, жаждущим лидерства, приходят социальные метеорологи, которые запускают свои шары-зонды, чтобы установить, какой сейчас климат — авторитарный или демократический. Этими шарами-зондами являются обзоры, вопросники, интервью. Так что сами социологи оказываются ассистентами стремящихся к лидерству.

Дженнингс разделяет мнение Рисмена о том, что для США характерен тип людей, «направляемых другими». Современный американец, писал Рисмен в книге «Одинокая толпа», живет так, будто управляется радаром, вмонтированным в его голову и сообщаящим ему об ожиданиях окружающих. Из таких «внешне ориентированных» людей формируется, по его мнению, большинство лидеров западного мира. Дженнингс упрекает американских лидеров в том, что им «не хватает воли к власти» (хотя это вовсе не означает, что они не желают власти). Эти лидеры могут быть высокомерными, жаждать господства, стремиться к высокому положению, но неспособны выработать самостоятельный курс. В несамостоятельности лидера Дженнингс видит причину упадка лидерства в современном капиталистическом обществе.

Признание решающего влияния последователей на характер лидерства привело социологов-эмпириков к поискам «черт последователя»; в 50-х—70-х годах эти поиски стали обычно связываться с теорией авторитарной и демократической личности, разработанной Т. Адорно и его группой. Авторитарные личности — сторонники сильного, недвусмысленного лидерства; если они сами становятся лидерами, то требуют беспрекословного подчинения себе (65, 380). Противоположностью авторитарной считается «демократическая» личность (ее называют также эквалитарной). Авторитарные личности — «более твердые, конформные, стереотипные в мышлении, не-

ведении, для того чтобы его существование было осмысленным и обещающим успех. Нередко кажется, что руководимые превосходят вождя и навязывают ему действия, но обычно они — лишь исполнители его воли. Высказывания и действия демагога так отражаются на настроениях и страстях множества, так систематически пробуждают одни и те же желания и цели, что они увлекают вождя за пределы его собственных целей. Вождь становится пленником множества» (92, 63).

примиримые к двусмысленности, чем неавторитарные» (60, т. 68, ч. 2, 1966, 291). Авторы подобных исследований обычно приходят к выводу, что поведение лидера зависит от того, являются ли его последователи высокоавторитарными или низкоавторитарными людьми: «...лидер группы, члены которой высокоавторитарны, имеют тенденцию к авторитарному поведению, независимо от своих личных качеств. Лидер гомогенной низкоавторитарной группы имеет тенденцию вести себя демократично» (там же).

У Адорно и других буржуазных социологов тонкие психологические наблюдения соседствуют с принципиально ошибочными теоретическими положениями. Они постоянно путают причину и следствие — социальные условия и психические особенности людей. Социальная среда оказывается производной от изначальных психических особенностей людей, тогда как на деле именно социальная среда определяющим образом воздействует на формирование человеческой психики. Да, фашизм требует авторитарных личностей (в этом Адорно прав), но это не значит, что фашизм — следствие психологической «авторитарности» якобы от природы, свойственной немцам. Государственно-монополистический капитализм порождает авторитарные личности и ставит их себе на службу, появление таких личностей не причина, а следствие этой социальной структуры.

Реляционная теория и «синтетический» подход к лидерству. Хотя в современной эмпирической социологии сохранилось значительное число приверженцев «теории черт», ситуационистов, социологов, делающих упор на психологию ведомых, однако в последнее время появилась и получила наибольшее распространение так называемая реляционная теория, сторонники которой пытаются объединить, синтезировать указанные выше подходы, преодолеть их ограниченный характер. По мнению сторонников реляционной теории, главным недостатком всех предшествующих теорий лидерства является то, что их авторы «просмотрели эффект взаимодействия индивидуальных и ситуационных факторов» (133, 18). Согласно реляционной теории, при исследовании лидерства необходимо учитывать целый комплекс вопросов, а именно черты индивидуума, специфические условия, в которых он действует, характер группы и ее членов, проблемы, стоящие перед группой.

Подобная эволюция во взглядах типична для современных буржуазных социологов и социальных психологов: Ж. Пиаже перечисляет три основных метода анализа групповых отношений. Первый — атомистический: любая инициатива исходит от индивида, группа — лишь сумма индивидов и их действий. Для второго метода характерна трактовка социального как реальности, возникающей из объединения индивидов. Третий метод — реляционный: социальное есть система взаимодействий, совершающихся на всех уровнях (см. 9, 1966, № 12, 66).

Лидер или ситуация — так ставился вопрос в традиционной социологии, пишет Басс. Создание реляционной теории, по его мнению, делает его псевдовопросом: «каждый источник вариаций может быть усилен или уменьшен» (66, 17); можно больше подчеркивать роль ситуации, а можно — роль лидера. Подобной точки зрения придерживается большинство буржуазных специалистов по менеджменту: «Не отрицая важности ситуационного подхода и принимая во внимание, что обладание определенными чертами усиливает для данной личности возможность стать лидером. в концепции лидерства к этим двум факторам следует прибавить черты и нужды последователей» (96, 445) и учитывать взаимодействие всех факторов¹.

Реляционисты считают свой подход свободным от односторонности, снимающим противоречия между «теорией черт», ситуационизмом и теорией, подчеркивающей внутригрупповые отношения. Реляционная концепция объявляется буржуазными теоретиками крупнейшим достижением американской социологии в вопросе о лидерстве. Однако это — всего лишь иллюзия решения проблемы; эклектизм, стремление учесть все точки зрения, выдается за научное решение проблемы, которая практически остается нерешенной.

Мы рассмотрели преимущественно эволюцию подходов к лидерству в американской социологии. Но анало-

¹ Пиаже пишет, что нельзя замыкаться на альтернативе «индивид или общество», забывая о реляционной перспективе, «согласно которой существуют только взаимодействия» (9, 1966, № 12, 67). Концепция корреляции индивидуальных черт и требований ситуации прочно утвердилась в буржуазной социологии. У. Реклесс отмечает: ««С» (ситуация) нуждается в «И» («индивиде»), а «И» нуждается в «С»... В сущности говоря, мы не знаем, что представляет собой в действительности «И» без «С», как не знаем, что означает «С» без «И»» (47, 596).

гичные тенденции — от «теории черт» к ситуационизму и реляционному подходу — отмечаются и в социологии ФРГ, Англии, Франции. Так, западногерманский социолог Борнеман считает, что исследования лидерства нужно проводить с позиций «теории черт», ситуации, их взаимодействия (64, 1962, Heft 1, 105). Его соотечественник Т. Тайгер утверждает, что «лидерство обусловлено групповым взаимодействием. Поскольку цели и задачи, стоящие перед группой, меняются, члены группы избирают нового лидера, подобно тому, как выбирают актера на новую роль» (94, 139).

Итак, констатация взаимодействия между лидерами, ситуацией, требованиями группы — последнее слово эмпирической социологии в проблеме лидерства. Но подобная констатация в сущности — трюизм, мало что дающий науке. Известно, что все элементы социальной системы взаимодействуют друг с другом. Однако при анализе тех или иных явлений нельзя ограничиваться лишь констатацией этого факта. Необходимо выяснить, на какой основе происходит взаимодействие, вскрыть его генезис. Признавая значение определенных черт лидера, влияние ситуации и внутригрупповых отношений равнозначными факторами, социолог впадает в эклектизм, смазывает диалектику объективного и субъективного факторов в социальном процессе.

В действительности в обществе существует сложное взаимодействие субъективных и объективных факторов: между ситуацией, требованиями, предъявляемыми группой лидеру, и чертами лидера (тот или иной лидер может по-разному играть свою роль), но эти взаимодействующие факторы не равнозначны. Каждый из них должен оцениваться по той объективной роли, которую он играет в развитии социальных процессов.

Прослеженная нами эволюция подходов к лидерству в современной буржуазной социологии весьма симптоматична. Она показывает, что при отсутствии научной теории эмпирическая социология вынуждена блуждать в потемках, ощупью искать решения возникающих вопросов. Данная эволюция показывает также, что у социологов-эмпириков нет единой позиции. Одни пропагандируют культ героев, другие стоят на имперсональной точке зрения. Иными словами, одни социологи принимают за первичное волю и сознание лидера, другие — групповую психологию. Нельзя игнорировать

этот факт, равным образом нельзя его и переоценивать. Это разные позиции внутри идеалистической социологии, которая едина в отрицании роли народных масс как определяющей силы общественного прогресса.

Лидер обычно представляется буржуазными социологами как волеопределяющая фигура, вносящая активность в пассивную группу (спонтанные действия группы если и принимаются во внимание, то лишь в качестве привходящего момента). Лидер рассматривается как ключевая фигура социального процесса. Методологическая несостоятельность подобного подхода состоит в том, что все отношения между людьми сводятся лишь к психологическим, игнорируются объективные, материальные отношения, они растворяются в психологических механизмах. Все чаще буржуазные социологи вынуждены ставить сакраментальный для них вопрос: можно ли раскрыть сущность группы (или даже дать ее адекватное феноменологическое описание) с помощью только межличностных, социально-психологических отношений, или для этого необходимы другие, более широкие понятия?

Структура группы определяется не только социально-психологическими взаимоотношениями «лидер—ведомые», не только межличностными отношениями (если это, разумеется, не специально подобранная экспериментальная группа для исследований лидерства), но и внешними по отношению к лидерству условиями (само лидерство выступает как средство их решения). Так, если группа — производственная ячейка, ее структура складывается прежде всего на основе определенных отношений в области разделения труда, на основе существующих социальных отношений.

В условиях современного капитализма цели «эмпирически обозримых групп» задаются корпорацией, и эффективность лидера измеряется тем, в какой мере его методы руководства группой обеспечивают наибольшую прибыль, наилучшее использование производственных фондов и т. д. Эти зависимости несводимы к межличностным отношениям в «малых группах». «Большой мир» властно стучится в узкие рамки «эмпирически обозримой группы», определяя ее структуру, функции ее членов и сам характер лидерства. Принципиально важно, что лидер в подобной группе назначается корпорацией, а не выбирается ее членами.

«Менеджер назначается на свой пост в организации бизнеса, — пишет Хейман, — и назначение обычно не производится подчиненными или группой, которой он руководит, но менеджером, стоящим над ним в менеджерской организации. Вся его власть, необходимая для выполнения его работы, дается ему сверху» (96, 440—441). За отношением «лидер—ведомые», таким образом, скрываются социальные отношения «большого мира», прежде всего отношения между классами. Но эти отношения — «табу» для буржуазных социологов-эмпириков.

Тоска по «большой теории», стремление вырваться за узкие рамки «малой группы» наблюдается ныне у многих буржуазных исследователей лидерства. Буржуазные социологи хотят найти выход, перебросить мост в «большой мир», покинуть пределы «эмпирически обозримой» группы. Но всякий раз, когда они переходят к более широким обобщениям, решение проблемы получает паллиативный характер. Невозможно дать «чисто психологический» анализ таким социальным образованиям, как народные массы, классы, социальные слои. Отсюда — порочность методологии эмпирической социологии, считающей, что социально-психологическим характеристикам лидерства, наблюдаемым в пределах «обозримой» группы, можно придать общесоциологическое значение. При подобном подходе социальное, классовое содержание проблемы руководства игнорируется, сводится к формальной характеристике межличностных отношений.

Ошибочным был бы вывод, что исследования, раскрывающие социально-психологические отношения руководителя и членов определенных коллективов, не нужны. Однако при этом следует учитывать, что исследуемые социальные группы являются элементами более широких социальных структур. Игнорирование этого обстоятельства обрекает социолога на поверхностное описательство. Частные социологические исследования «работают» только в рамках широкой научной теории, иначе они превращаются в социографию. Нет «лидерства вообще», и описываемые буржуазными социологами механизмы лидерства фиксируют весьма общие формы интерперсональных отношений, которые в различных классовых структурах действуют по-разному, наполняются различным социальным содержанием.

Проблема руководства в условиях классово антагонистических формаций не может быть решена на уровне микроколлективов: такое псевдорешение только затемняет классовый характер данной проблемы. Саму структуру социальных групп нельзя до конца понять, отвлекаясь от сущности производственных отношений, в условиях которых функционируют рассматриваемые группы. Говоря о связи лидерства с социальной структурой, Танненбаум пишет: «Социальная система. программируется лидерством» (105, 9, 102). Реальная действительность опровергает этот тезис, ибо лидерство «программируется» социальной системой. Абстрактный, вневременной подход к проблеме лидерства, ищущий объяснения в «психологических ожиданиях», «перцепционных стандартах», замыкает исследование в узкие границы первичной группы, внутри которой эта проблема не может быть решена адекватно.

Говоря о «лидерстве вообще», буржуазные социологи исследуют группы, отношения в которых во многом обусловлены социальной средой, капиталистическими производственными отношениями. Нельзя не согласиться с Р. Миллсом, назвавшим подобный подход «абстрактным эмпиризмом». Роль лидера определенных социальных групп в антагонистическом обществе обусловлена принадлежностью его к классу (сословию), и само лидерство выступает как классовое отношение. Это значит, что данное отношение основано не просто на личных чертах индивидов, отношениях симпатии или антипатии, в нем личность выступает по преимуществу как представитель определенного класса.

Вопрос о руководстве, руководителях стоит по-разному в различных классовых обществах. В условиях капитализма за ним скрываются отношения господства и подчинения (господствующий класс монополизирует управление социальным процессом); при социализме он базируется на отношениях товарищеского сотрудничества и взаимопомощи.

Научное объяснение лидерства предполагает понимание его исторически преходящего характера, изменения его содержания на различных этапах развития общества. Характер лидерства определяется структурой общественно-экономической формации, политическим строем, господствующей идеологией. Лидерство как вид человеческой коммуникативной деятельности — категория,

подчиненная производственным, социально-политическим отношениям; это один из механизмов реализации этих отношений. Характер лидерства меняется даже в процессе развития одной и той же формации (например, на стадии монополистического капитализма по сравнению с капитализмом периода свободной конкуренции).

Лидерство — элемент структурализации группы, связанный с определенным уровнем общественного разделения труда. Его существование и функционирование определяются объективными потребностями организации общественного производства и социальной жизни в целом. В этих потребностях, в особенностях социальной и политической организаций общества, в структуре коллективов следует искать объяснения характера лидерства. Лидерство необходимо анализировать с точки зрения потребностей и целой группы; отсюда и определенные требования, предъявляемые группой к лидеру и направленные на оптимизацию групповой деятельности. Эти требования порождают нормативно регулируемое поведение лидера, определяют формы и методы его взаимоотношений с другими членами коллектива.

Личность, становящаяся (в соответствии с потребностями группы) лидером, должна обладать определенными социально-значимыми чертами, которые формируются в процессе ее социального взаимодействия с другими людьми. Нельзя рассматривать личность в статике. Уже то, что она становится лидером, принимает на себя ответственность, само по себе приводит к определенным изменениям в ее поведении, индивидуальных характеристиках. Она может лучше или хуже выполнять свои функции, в большей или меньшей мере соответствовать своей роли, в силу своих индивидуальных особенностей оказывать воздействие на развитие группы. Детерминация поведения лидера общественными отношениями отнюдь не лишает его индивидуальности и активности (индивид потому и выступает как личность, что не остается пассивным продуктом общественных отношений, а сам с различной степенью активности воздействует на эти отношения).

Теоретической основой решения проблемы социального руководства является вопрос о роли народных масс, классов, партий, их руководителей в общественном процессе, поставленный и решенный марксизмом.

Это общий методологический подход, которым должен руководствоваться социолог в своих исследованиях. Для конкретных социологических исследований лидерства, как нам представляется, целесообразно разработать на основе исторического материализма более частную методику (назовем ее теорией промежуточного уровня), которая давала бы возможность исследовать проблему лидерства, руководства средствами социологии и социальной психологии. Задача этих исследований — изучение и определение прав и обязанностей руководителя, необходимых и достаточных для координации деятельности группы; анализ «технологического» аспекта руководства деятельностью группы, направленного на достижение научно обоснованных целей с наименьшими затратами труда; анализ научной организации управленческого труда, организация подготовки и повышения квалификации управленческих кадров, разработка научной методики определения пригодности тех или иных руководителей к их должности и выдвижение кандидатов на эти должности; установление правильных взаимоотношений между руководителями и членами коллектива для достижения наивысшей производительности труда, стимулирования развития творческой активности и самодеятельности членов коллектива.

Способы обоснования лидерства и его типология в буржуазной социологии

Характерная черта всех буржуазных исследований лидерства — утверждение вечности и неизменности этого явления. Причем положение о вечности лидерства используется буржуазными социологами для доказательства вечности социального неравенства. Эти теоретики не связывают характер, структуру лидерства с типом производственных отношений, господствующих в обществе. Буржуазные социологи, исследуя отношения лидерства, сложившиеся и функционирующие в рамках современного капитализма, анализируют их, считая, что они присущи любому обществу. «Лидерство — универсальное человеческое явление»¹, — пишет Басс, ссылаясь на антропологические исследования примитивных племен Австралии, Конго, островов Фиджи.

Сторонники натуралистических направлений в социологии идут еще дальше, прямо по стопам щедринского

¹ Это утверждение опровергается исследованиями ряда ученых. Например, американский антрополог Э. Сервис показал, что в примитивных охотничьих племенах отсутствует формальное лидерство, нет постоянного вождя. Лидирующая роль переходит от одного человека к другому в зависимости от типа деятельности (во время ритуальной церемонии им становится старец, наиболее сведущий в ней, во время охоты — более молодой человек, удачливый охотник). По данным М. Маггита, это характерно и для австралийских аборигенов (см.: 89, 141—142). Исследование жизни пигмеев шведским антропологом К. Тэрнбулом показало, что у ряда племен нет ни вождей, ни даже совета старейшин. Однако всегда находится один-два человека более авторитетных, чем другие. Обычно авторитет у пигмеев основывается на компетентности в конкретных практических делах. Можно согласиться с Б. Ф. Поршневым, что далеко не всякая общность имеет лидера, что наименее организованные общности скорее олицетворяют первоначально в ком-нибудь свой негативизм, чем имеют признанного руководителя (см. 40, 143).

летописца, который утверждал: «Не только страна, но и град всякий, и даже всякая малая весь,— и та своих доблестью сияющих и от начальства поставленных Ахиллов имеет и не иметь не может. Взгляни на первую лужу — и в ней найдешь гада, который иройством своим всех прочих гадов превосходит и затемняет. Взгляни на дерево — и там усмотришь некоторый сук, больший и против других крепчайший, а следовательно, и доблестнейший» (43, 20).

Лидерство объявляется универсальным отношением, существующим не только в обществе, но и в природе. Французский исследователь П. Шошар находит эти отношения у животных, отчасти у растений (74).

Буржуазные социологи и психологи от Фрейда до Пиаже, отмечает английский социолог Холмс, считают, что «общество, основанное на социальной дистанции (имеется в виду в первую очередь дистанция между лидером и ведомыми.— Г. А.),— это естественное общество. Основывается ли эта дистанция на рождении или заслугах— это другой вопрос» (56, 1965, № 2, 135). И. Никкербоккер обосновывает необходимость лидерства тем, что если все будут говорить разом, никто никого не услышит. По его мнению, лидер необходим даже для небольшой компании (112, 32). Подобные рассуждения, естественно, не позволяют увидеть социальное содержание лидерства в условиях современного капитализма¹, не объясняют, почему оно используется как инструмент эксплуатации человека человеком.

Многие буржуазные теоретики отстаивают «принципальный антиисторизм» в вопросе о лидерстве, утверждая при этом, что «исторический аспект не является определяющим: лидерство — сквозная линия в истории человечества» (100, 78).

Конкретно-историческая социальная сущность лидерства постоянно ускользает от внимания буржуазных социологов; ими фиксируется поверхностный, эмпирически наблюдаемый феномен. Не случайно многочисленные определения лидерства (о чем мы говорили) оказываются малосодержательными и сводятся к констатации

¹ С буржуазными социологами солидаризируются буржуазные политики. Небезынтересно мнение генерала де Голля: «Люди не могут обходиться без лидерства, как без пищи и воды. Эти политические животные нуждаются в организации, то есть в порядке и лидерах» (77, 66).

того бесспорного положения, что лидер влияет на последователя (что, впрочем, не более верно, чем то, что последователь влияет на лидера). В силу своей банальности положение это не нуждается в тысячах экспериментальных подтверждений, которые с готовностью предоставляют буржуазные социологи.

Как показал марксизм, управление, как и лидерство, его цели, принципы носят конкретно-исторический характер, зависят от господствующих в обществе социально-экономических отношений. В классово антагонистических обществах управление противостоит большинству людей как враждебная сила, как власть чужой воли, подчиняющая их деятельность своим целям. Это является отражением объективных отношений между собственниками средств производства и производителями материальных благ. «Управление капиталиста,— отмечал в этой связи К. Маркс,— есть не только особая функция, возникающая из самой природы общественного процесса труда и относящаяся к этому последнему, оно есть в то же время функция эксплуатации общественного процесса труда и, как таковая, обусловлено неизбежным антагонизмом между эксплуататором и сырым материалом его эксплуатации» (1, 23, 343). Управление при капитализме принимает антагонистический характер и является прерогативой эксплуататорского меньшинства.

В коммунистическом обществе система социальных отношений, в том числе отношений в области управления, будет столь высоко развитой, что исключит возможность волюнтаристских решений лидеров; уровень информации всех членов общества будет настолько высок (причем доступ к ней будет иметь каждый), аппарат принятия решений настолько разработан (а управление можно рассматривать как решение проблем), что любой человек может проверить, оптимально ли принятое решение. «На место управления лицами,— подчеркивает Ф. Энгельс,— становится управление вещами и руководство производственными процессами» (1, 20, 292). При коммунизме человек, наиболее компетентный в том или ином вопросе, раньше других находящий решение в определенной ситуации, и будет лидером. В иной ситуации лидером станет другой человек, более компетентный в новой проблеме. И, разумеется, исчезнут такие атрибуты формального лидерства, как мате-

риальные блага, особое положение, престиж, ибо деятельность по управлению станет не более престижной, чем любая иная деятельность. Все виды человеческой деятельности будут носить творческий характер.

В условиях классово антагонистических формаций управление имеет целью обеспечить господство меньшинства над большинством; в условиях коммунистической формации оно реализует волю всего общества. Тип управления, таким образом, исторически обусловлен. С ним органически связаны и типы лидерства, методы и средства его осуществления. Поскольку процесс управления происходит в конкретной социально-экономической системе, постольку технические средства и методы управления всегда подчинены ее целям. При капитализме тип управления, противоречащий интересам масс, порождает соответствующие присмы и методы. Необходимыми моментами управления там становятся организованное насилие над массами, манипулирование их сознанием в целях навязывания им воли господствующего класса.

Таким образом, «принципиальный антиисторизм» буржуазной социологии выливается в заурядную апологику существующих капиталистических отношений, в попытки увековечить отношения господства и подчинения, институт государства, формального лидерства.

Натуралистические обоснования лидерства. Наиболее древнее «обоснование» вечности лидерства дала религия. Известно, что монархи рабовладельческого, феодального государства объявляли себя заместителями бога на Земле и часто происхождение своей родословной непосредственно связывали с богом. Они усиленно пропагандировали идею о неземных, сверхъестественных способностях монарха. Пережитки этих взглядов до сих пор сохранились в рецидивах «харизматического лидерства». Однако в наш «просвещенный век» более частыми стали ссылки на «природу» человека. Сторонники этих взглядов отождествляют социальные и биологические закономерности. По их мнению, в «извечной» борьбе за существование побеждают немногие, наиболее биологически совершенные индивиды, которые и становятся лидерами. Порабощение народных масс горсткой наиболее «сильных», «приспособленных» объявляется естественным процессом. Американский социолог Р. Уильямс считает, что различие «между творческими

лидерами» и «нетворческим большинством» носит биологический характер, что в великих исторических событиях решающую роль играют сильные личности, имеющие врожденные способности к лидерству (137). Лидеры — люди «с лучшим» наследственным веществом; законы генетики создают лидеров, «выдающиеся генотипы» самой природой рождены повелевать¹.

Среди буржуазных социологов этого направления широко распространены ссылки на евгенику, призывы к «улучшению человеческой природы», к контролю над наследственностью в целях увеличения гениальных лидеров на одном полюсе и послушных и безропотных исполнителей — на другом². Знакомый нам Э. Богардус пытался представить проблему лидерства как биологическую. Будет ли человек лидером или рядовым исполнителем, зависит в основном от того, какие гены он унаследовал от родителей (72, 34). А тот факт, что дети гениев далеко не всегда оказываются гениями, он объяснял влиянием генов второго родителя. Богардуса больше всего занимал вопрос, могут ли комбинации генов быть управляемыми, можно ли искусственно создавать лидеров. Кроме наследственности, по Богардусу, важна еще деятельность желез внутренней секреции (72, 48). Для повышения лидерских способностей Богардус советовал принимать инсулин и адреналин. Он избегает социального анализа такого явления, как лидерство. Рассматривая социальное явление на физиологическом и психологическом уровнях, он скрыто протаскивал мысль о том, что лидеры — наследственная

¹ Значительное воздействие на буржуазную науку оказало учение Ламброзо о биологической обусловленности гениальности. В. Ляпуж также утверждал генетическую детерминированность лидерства: лидеры у него рекрутируются из «долищехвалов» — духовной аристократии с удлиненной формой головы. Биологическая интерпретация лидерства, от которой попахивает расизмом, встречает возражение даже со стороны многих либеральных социологов.

² Для натуралистических обоснований лидерства в последнее время помимо ссылок на биологию характерны обращения к кибернетике. Французский социолог Ю. Юан утверждает, что социальное неравенство и социальный отбор выдающихся лидеров создают в обществе необходимую «разность потенциалов», благоприятствуя обмену информации. Устранение же социального неравенства якобы означает возрастание энтропии и затухание информации. «Человеческий гений» — это прежде всего гений нескольких лидеров, пишет он, обосновывая принцип биологического аристократизма (103).

каста. Тем самым он «обосновывал» господство эксплуататоров как «избранных» личностей.

Он писал о «фокусизации психической энергии» лидером, о его «магнетизме». Лидер должен обладать сильным характером, аналитическим умом. Эти констатации весьма тривиальны. Следуя метафизическому методу, Богардус полагал, что этих качеств достаточно, для того чтобы обладающая ими личность стала лидером. Социальные условия, в которых она действует, им в расчет не принимались.

Биологическое обоснование лидерства давно уже не является доминирующим в буржуазной социологии. Многие буржуазные социологи критикуют его как устаревшее, свойственное позитивизму XIX в. Взамен они предлагают «более современное», психологическое обоснование, которое, впрочем, сочетает и биологическую и психологическую интерпретацию проблемы лидерства¹.

Психологические интерпретации лидерства. Сведение лидерства к психологическим отношениям характерно прежде всего для психологической школы в буржуазной социологии. Ее сторонники считают, что в основе общественной жизни лежит человеческая психика, которая и объясняет все поступки людей. Она объявляется первичной, определяющей по отношению к явлениям социальной действительности. Эти социологи игнорируют объективную основу деятельности людей — изменения в экономическом строе общества и поэтому оказываются бессильными объяснить те или иные явления в общественной психологии. Человек рассматривается ими не как социальное существо, а как абстрактный «психологический» индивид. Утверждается, что человек по природе своей индивидуалист и собственник, одержим волей к власти. Согласно воззрению этих теоретиков, коренные изменения социальной структуры невозможны. Психоло-

¹ Сочетание психологизма и биологизма характерно, в частности, для фрейдизма. Известно, что Фрейд пытался представить лидерство как результат сублимирования анальной эротики. «Субъекты, страдавшие недержанием мочи, отличаются непомерным, пламенным честолюбием» (53, 23) и якобы особым стремлением к лидерству. Весьма распространено обоснование лидерства ссылками на индивидуальные различия людей. «Уже в частной встрече двух или немногих людей обнаруживаются различия между ними ...один получает перевес в уме, воле ...лидерство попадает в руки более сильного» (92, 56).

социологи не могут понять, что движущей силой социального прогресса являются не «извечные» свойства человека, а условия материальной жизни общества, которые оказывают решающее влияние на формирование тех или иных психических качеств людей.

В психологической интерпретации лидерства можно выделить два главных направления — бихевиористское и фрейдистское. Бихевиористы (Л. Бернард, Б. Скиннер и др.) рассматривают человеческое поведение как реакцию на внешние стимулы; связь между стимулами и ответными реакциями закрепляется импульсами; среди последних особое место отводится стремлению к власти, к признанию, которые и выступают стимуляторами в борьбе за лидерство. Они вытаскивают на свет теорию Тарда о стремлении массы к подражанию лидерам. Л. Бернард писал, что масса подражает сильным лидерам, добившимся власти, успеха (71, 641—642). Гипертрофирование роли лидера приводит к приписыванию ему решающей роли в социальном процессе¹.

Наиболее широкое распространение и признание в буржуазной социологии получила фрейдистская трактовка лидерства. По Фрейду, либидо сублимируется в стремление к власти, в лидерство, которое выражает садистские влечения; напротив, стремление к покорности рассматривается как выражение пассивной гомосексуальности и мазохизма. Потребность в авторитете, согласно фрейдистам, живет в «массовом» человеке как выражение тоски по отцу; великие лидеры стараются использовать эту потребность, чтобы вести за собой массы. Механизм принятия ведомыми сильного лидера

¹ Так, Г. Джильберт, один из представителей этого направления, в монографии «Психология диктатуры» утверждает, что навязчивая идея лидера может определить ход всемирной истории. Доказывая, что «лидерство может быть решающим фактором в определении хода исторических событий» (90, 303), он говорит об «исключительной роли» Гитлера в истории, пытается доказать, что второй мировой войны не было бы, будь в Германии другой лидер (90, 299). По его мнению, развязывание войны было «следствием иррационального решения диктатора» (90, 300); он признает определенное значение экономических и иных факторов, но считает, что «психодинамика личности Гитлера играла преобладающую роль» (90, 301). Агрессия изображается им как следствие «героической фантазии» Гитлера, мобилизация ресурсов Германии для войны — результатом «организаторской деятельности Гитлера». Таким образом, по существу Джильберт пытается обелить сам фашистский режим, а причины второй мировой войны объяснить злой волей фюрера.

описывается фрейдистами так: ребенок, живший под гнетом отца-тирана, защищает себя, развив механизм повиновения, становящийся источником мазохистского удовлетворения. Жизнь взрослого человека продолжает определяться защитными механизмами, сформированными в детстве в результате реакций на отца, выступавшего по отношению к ребенку как враждебный социальный агент¹. Став взрослым, человек получает удовлетворение, подчиняясь начальнику, политическому лидеру, становится конформистом, винтиком бюрократической машины².

Среди аргументов «от психологии» отметим также традицию считать лидерство (как и гениальность) определенным видом помешательства. Эта традиция идет от Ч. Ламброзо, автора книги «Гений и помешательство», и проходит через многие сочинения фрейдистов, да и не только фрейдистов. Лидерство рассматривается как следствие невроза, маниакальной паранойи и т. п. Сторонники этой теории составляют длинные списки выдающихся личностей с их «диагносцированием». Действительно, ряд политических лидеров и вообще великих преобразователей, творческих личностей были невротиками (Наполеон и Линкольн, Робеспьер и Рузвельт, Кафка и Ван Гог, Ницше и Пуанкаре); но отнюдь не неврозами объясняется их роль в политике или культуре; эта роль реализовывалась скорее вопреки неврозу, чем благодаря ему.

Последователи Фрейда также делят общество на психически нормальных людей, неспособных к творчеству, и на лидеров, являющихся, по их мнению, маньяка-

¹ Сам Фрейд считал, что людей в обществе удерживают либидозные стремления по отношению, с одной стороны, к вождю, выполняющему функции отца, и, с другой стороны, к остальным членам группы, выступающим в роли родственников. «Организованная масса», по Фрейду, — это «большая семья», и этим объясняется роль лидера и «любовные» отношения между ним и массой (см. 52).

² Английский фрейдист Р. Холмс объявляет «законным» такое лидерство, которое базируется на этических нормах: «Сын пытается узурпировать место отца, избегая мести со стороны отца и братьев» (56, 1965, № 2, 138). Если он незаконно узурпирует лидерство, его может в будущем постигнуть та же судьба, поэтому он идет на принятие определенных «правил игры» в борьбе за лидерство, подчиняет себя групповым нормам морали. Холмс, как видно, исходит из «эдипова комплекса», хотя и делает вывод, что отношения «лидер — масса» могут регулироваться законом, религией или общественным мнением.

ми, психопатами (60, 1950, 299)¹. Попытку обоснования лидерства с позиций психоанализа предпринял и Г. Лассуэлл. «Может показаться странной мысль о применении психоанализа к исследованию политики,— пишет Лассуэлл.— Психоанализ возник как отрасль психиатрии и был первоначально ориентирован на терапию душевнобольных. Специалисты политической науки только случайно интересовались психопатологией политических лидеров. Они всегда разделяли равнодушие историков к наличию или отсутствию психических болезней или дефектов у власть имущих» (111, 270). Однако по мере роста популярности психоанализа «новые категории были довольно быстро применены к симптомам исторических персонажей» (111, 271).

Лассуэлл пытается объяснить типы лидеров, исходя из особенностей их психики, без всяких, как он считает, «лишних» обращений к классовым интересам. По его мнению, «вождями-агитаторами» движет чувство вины, они «ищут облегчения посредством таких механизмов, как обличение других» (111, 280). Лидеры-идеологи — это «индивидуумы, которые пережили в детстве крушение многих надежд». Психопатологическая личность, обуреваемая страстью к лидерству, утверждает Лассуэлл, часто подвизается на политическом поприще; «отвергнутые искатели власти имеют возможность выхода в бизнес, профсоюзы, организованную преступность, где они могут надеяться... господствовать над другими» (111, 303). Им безразлично, где утвердиться, лишь бы обладать властью над людьми.

Подчеркивая важность биографических сведений о том или ином лидере, он считает, что эти сведения необходимо дополнять психоанализом личности лидера, выявлять его психопатологию. Совокупность этих данных и объяснит, по его мнению, роль лидера в политическом процессе.

В «классическом» фрейдизме человек выступает как продукт врожденных бессознательных стремлений, инстинктов; понятие личности лишается в нем социального

¹ У параноиков, считают отдельные буржуазные социологи, ряд несомненных преимуществ в борьбе за лидерство: в экстремальных ситуациях, где нормальный человек обнаруживает естественные колебания, а порой впадает в отчаяние, психопатические личности чувствуют себя привычно; они лишены колебаний, у них на все есть готовый ответ.

содержания. В отличие от Фрейда неопрейдисты обращаются к социальной среде, отмечая ее роль в формировании личности. Однако это отнюдь не отказ от идеалистической концепции Фрейда, а лишь модификация ее. Критикуя Фрейда за биологизм, неопрейдисты высказывают аналогичные идеи, но в более смягченной форме. Психические нормы трактуются ими как успешная адаптация личности к социальной среде. Конфликт между человеком и социальной средой ведет, по утверждению неопрейдистов, к болезням личности, неврозам, в числе которых Хорни отмечает «невроз власти», всепоглощающую охоту за лидерством, стремление к господству над другими людьми (102).

Фромм, отвергая «некоторые увлечения» Фрейда, стремится спасти его концепцию в целом. Оспаривая мнение фрейдистов, что организация людей, выдвигающая лидера, возникает из стремления к безопасности, из «страха перед кастрацией», он утверждает, что «индивидуально и социально человек больше всего опасается полной изоляции» и поэтому готов раствориться в толпе последователей, предпочитая изоляции «суровый комфорт» диктатуры тоталитарного лидера. Пытаясь преодолеть невыносимое чувство отчуждения, человек стремится либо к лидерству, либо к подчинению. Несмотря на различия в частностях, фрейдистов и неопрейдистов объединяет идеалистическая методология и психологический редукционизм.

В буржуазной социологии большое влияние на объяснение механизма лидерства оказала теория А. Адлера, одного из последователей и реформаторов фрейдизма. Согласно этой теории, ориентированные на лидерство люди компенсируют комплекс неполноценности (хотя обычно они не догадываются об этом) тем, что ведут ожесточенную борьбу за власть. Это — основное содержание их жизни¹. Ряд буржуазных психосоциологов

¹ Подобные люди, замечает Т. Шибутани, «никогда недовольны своей судьбой, независимо от того, насколько благосклонна к ним фортуна. ...Тот факт, что высокий социальный статус не умиротворяет их, показывает, что в действительности они не довольны собой как человеческие существа» (55, 370); многие из них открыто признают, что они несчастны, страдают психическими расстройствами. «Ориентированные на власть люди обычно страдают идеализированной Я-концепцией; они хотели бы выделяться во всем и расстраиваются всякий раз, когда их талантов оказывается недостаточно.

считает, что эти характеристики присущи не только людям, «ориентированным на власть», во многих случаях либидо сублимируется и в желании внести вклад в культуру, спорт и т. д. Другие полагают, что ориентация на лидерство присуща в большей или меньшей мере всем людям, и они различаются лишь тем, насколько активно они ищут признания и власти.

Стремление к власти над другими людьми, к лидерству, которое сотни буржуазных социологов и психологов обнаруживают у людей в капиталистических странах, объявляется ими «свойством человеческой натуры», т. е. берется за данное как аксиоматическое положение, которое не объясняется, а, напротив, с его помощью объясняются другие общественные явления, в частности и сам феномен лидерства. Патологическое стремление людей к власти они рассматривают как сущность человека. На самом деле это качество возникает у людей под влиянием социальных условий классово антагонистического общества, в частности капитализма, в котором действует закон «или сам грызи, или лежи в грязи». Таким образом, положение, описываемое буржуазными социологами,— продукт антагонистических формаций, свидетельство ущербности человека, живущего в условиях общественных отношений, основанных на социальном неравенстве и эксплуатации. Это — один из результатов губительного воздействия на личность отношений господства и подчинения.

В подлинно человеческом обществе если один индивид умнее, компетентнее другого индивида, то ему незачем формализовать свое лидирующее положение. Естественная человеческая потребность состоит в уважении, в социальном признании, а отнюдь не в командовании себе подобными. Напротив, в обществе, где человеческие ценности смещены губительным воздействием социального неравенства, один индивид будет стремиться занять формальное положение лидера, чтобы «*ex officio*» быть «умнее» другого, иметь возможность

Они пытаются господствовать над другими; оказавшись в подчиненном положении, они становятся повышенно чувствительными к ошибкам вышестоящих и извлекают из этого большое удовольствие. Они чувствительны к неуважению и невниманию, проявляют большой интерес к символам статуса, внешним признакам успеха и постоянно озабочены тем, какое впечатление они производят на окружающих» (55, 366).

говорить с ним в приказном порядке; в этих условиях решающее значение имеет не ум, не компетентность, а именно формальное положение того или иного человека в системе казарменной иерархии бюрократизированного общества.

Среди психологических механизмов, связанных с феноменом лидерства, буржуазными психосоциологами отмечается механизм идентификации, при котором последователь отождествляет себя с лидером, перенимает его черты, часто невольно. У Фрейда идентификация означает отождествление себя с объектом любви. Впрочем, еще до Фрейда Тард писал: «Когда толпа любит своего вождем... она любит сама собой». Ряд фрейдистов считает, что в этом заключается ответ на вопрос, почему чаще лидером становится такой человек, с которым «средний член» группы может идентифицировать себя; ведь к человеку, намного превосходящему группу, относятся недоверчиво, утверждают они. Лидер — это идеализированный Я-портрет; психологические потребности личности побуждают ее искать лидера, способного заменить идеал Я.

Для буржуазных психологов традиционные объяснения лидерства через механизмы коллективного внушения, даже гипноза. Лидерство оказывается следствием внушаемости (опять-таки якобы вечного качества человека)¹. Итак, невротичный лидер, гипнотически воздей-

¹ В. Хагеман объясняет лидерство способностью личности к «психическому заражению» ведомых. «В приспособлении руководимых к вождю при помощи личного заражения и внушения заключается одна из тайн фюрерства. Не тот может привлечь, кто умеет логически мыслить и ясно говорить, но тот, кто обладает способностями «сомнамбулы», умеет вызвать волнение в соучастниках и овладеть, действуя на глубины психики, всем человеком... Самым удачливым вождем является не самый умный или сильный, но обладающий силой внушения вождь... ясность мышления является препятствием для подстегивания страстей и инстинктов руководимых». Это происходит вследствие того, что «большинство людей слишком лениво умственно и просто не в состоянии критически оценить высказывания и действия вождя... Корни лидерства — в силе и воле и превосходстве вождя над средними индивидами» (92, 13). Близкую позицию занимает К. Башвиц: «Большая часть вожди не являются мыслителями, но людьми действия. Они обладают малой проницательностью, так как проницательность приводит к сомнениям и бездействию. Вожди рекрутируются из нервных, возбудимых, полусумасшедших, стоящих на грани безумия» (67, 13). Описывая со знанием дела тип вождей, выдвигающихся в период общего кризиса

ствующий на последователей, и суггестивная толпа, с готовностью дающая демагогу увлечь себя,— такова «психологическая анатомия» лидерства. Следует отметить, что ряд психологических черт лидерства правильно угадан буржуазными исследователями, например подражание последователей лидеру, идентификация. Но психосоциологи совершают ошибку не тогда, когда они описывают эти черты, а когда абсолютизируют их, объявляя их причиной и сущностью лидерства.

Весьма распространена функционально-технологическая интерпретация лидерства, которой обычно придерживаются социологи, занимающиеся вопросами лидерства в организациях. Эти технократические и неотехнократические обоснования лидерства будут рассмотрены ниже, в связи с лидерством в формальных организациях. Сейчас же нам предстоит обратиться к одному из центральных вопросов лидерства — его типологии.

Типология лидерства. Быстрый количественный рост исследований лидерства, пестрота интерпретаций этого феномена породили настоятельную потребность у буржуазных социологов как-то упорядочить, систематизировать эти исследования. В этой связи предпринимаются попытки создать типологию лидерства. Одна из первых типологий была предложена М. Вебером; в ее основе лежала классификация авторитета лиц, осуществляющих власть. Понимая под лидерством способность «отдавать приказы и вызывать повиновение» (135, 150), Вебер различал: 1) традиционное лидерство, основанное на вере в святость традиций (например, управление в патриархальном обществе¹); 2) рационально-легальное лидерство, основанное на вере в законность существующего порядка и его «разумность» (такое лидерство Вебер называл бюрократическим). В нем лидер-чиновник выступает не как индивид, от которого исходит власть,

капитализма, Башвиц опять-таки абсолютизирует его, утверждая, что «большинство» готово подчиняться тому, кто обладает сильной, импонирующей массам волей.

¹ Первой формой традиционной власти, по Веберу, была геронтократия (власть старейших) и патриархализм, где влияние вождя значительно и власть переходит по наследству. С возникновением административного аппарата, зависимого от вождя, возникает патримониализм. Усиление произвола вождя, когда последний имеет личную гвардию и правит через своих фаворитов, ведет к «султанизму».

а как агент определенной государственной функции, рациональной с точки зрения целостной системы; 3) харизматическое лидерство, основанное на вере в сверхъестественные способности вождя, культе его личности; подобный лидер обладает в глазах последователей экстраординарной, подчас магической силой. Харизматическое лидерство, по Веберу, возникает в критических ситуациях; со стабилизацией социальной системы оно трансформируется в традиционное или бюрократическое; происходит «рутинизация харизмы».

Авторитет традиционного лидера, согласно Веберу, опирается на многолетний обычай. Человек обладает «правом на лидерство», благодаря происхождению — принадлежности к элите. Такой тип лидерства характерен для «доиндустриального» общества (в этом понятии буржуазные социологи эклектически объединяют все докапиталистические формации). Рационально-легальное, или бюрократическое, лидерство, согласно Веберу, присуще «индустриальному обществу»; оно возникает в том случае, когда лидером становятся не в силу каких-либо личных качеств (хотя лидер должен продемонстрировать определенный уровень компетентности), а с помощью «законных» бюрократических процедур. По Веберу, лидерство в «идеальной» бюрократии имперсонально, оно действует как инструмент закона. Если харизматического лидера можно заменить лишь с трудом (или вообще нельзя этого сделать) то, напротив, тех, кто достиг положения лидера благодаря институциональным процедурам, замещают без особого труда.

Итак, утверждает Вебер, рационально-легальное лидерство обезличено, традиционное основано на пиэте, харизматическое — на вере в исключительность лидера. Вебер отмечал, что он оперирует с «идеальными типами» лидерства, которые практически невозможно встретить в чистом виде в исторической действительности¹.

Существует много других попыток классифицировать лидерство. Например, В. Хагеман выделяет консервативный и «революционный» тип лидера. «Консервативный» лидер обладает, независимо от своих личных ка-

¹ Ряд буржуазных социологов считает, что более корректно разделять лидерство на два типа: традиционное и бюрократическое, ибо харизматический тип лидера является, по их мнению, переходным, он в высшей степени нестабилен.

честв, самыми сильными союзниками в лице поддерживающих его установлений и норм... Несравненно большие требования предъявляются к личным качествам лидера, если он стоит не за существующие установления, а против них. Революционный лидер может только тогда справиться с препятствиями, если он является величиной выше средней» (92, 63—64). Можно согласиться с тем, что задачи буржуазных консервативных лидеров, выполняющих функции поддержания существующей системы, несравненно легче, чем лидеров — радикальных преобразователей. Но «парадокс» заключается в том, что чем более кастовым является положение правящего класса, поставляющего лидеров, тем более это лидерство ритуализировано и снабжено внешними атрибутами власти, тем больше внешняя дистанция между монархом, сатрапом — и массами. Холмс пишет, что «там, где лидером может быть любой, лидерство наиболее иррационально» (56, 1965, № 2, 126). Но, во-первых, стремление представить управление как сверхъестественный процесс, недоступный массам, выгодно эксплуататорским классам, узурпировавшим власть; во-вторых, лидерство в бюрократической системе, которое Холмс противопоставляет традиционному, лишь на первый взгляд сокращает дистанцию между лидером и массой, на самом деле под ним скрываются острое социальное неравенство, ибо деперсонализированные отношения бюрократического буржуазного общества скрывают пропасть, отделяющую капиталистическую элиту от трудящихся масс. Как традиционное, так и бюрократическое лидерство оказываются на деле глубоко антинародными, представляющими интересы эксплуататорского меньшинства.

В типологии лидерства, предложенной Дженнингсом, выделяются «супермены», «герои» и «принцы». «Великие люди, ломающие (старые) порядки и создающие ценности, называются сверхчеловеками; люди, посвятившие себя великим и благородным делам, называются героями, люди, деятельность которых мотивируется главным образом стремлением господствовать над другими, называются принцами» (107, 1). Как и представители традиционной буржуазной социологии, Дженнингс считает, что стремление господствовать над другими людьми — в крови у всех, но для принцев это характерно в наибольшей степени.

«Принцы» (термин заимствован у Макиавелли) были всегда, пишет он, но в современном западном обществе — это преобладающий, если не единственный, тип лидера. Причем нынешние «принцы» явно измелечали: их стремление к власти обычно прикрито высокими лозунгами, но в действительности это псевдогерои. Эти лидеры манипулируют, маневрируют, хитрят, «добродетельные, к сожалению, редко побеждают» (107, 108). Утверждение себя как лидера достаточно для «принца», но недостаточно для героя, для которого лидерство — средство к достижению высокой и благородной цели. «Идеальным» лидером для Дженнингса является «сверхчеловек», преодолевающий конформизм «толпы». Но именно таких лидеров Дженнингс и не находит среди современной капиталистической элиты.

«Течение сегодняшнего дня учит действовать в соответствии с ожиданиями других». Так поступают слабые личности, из них получаются и слабые лидеры. Большинство людей так и не становятся самостоятельными личностями. «Супермен — это лидер, могущий противостоять нажиму других, действующий в силу уникальности своей личности».

Дженнингс исходит из идеалистической трактовки исторического процесса как результата действий великих лидеров. Он целиком опирается на Ницше, писавшего, что мир ждет человека, который уничтожит тысячелетние обычаи и заменит их новыми, человека с «внутренней волей к власти».

Типичным лидером современного капитализма, по Дженнингсу, является бюрократический конформист; Дженнингс пишет о бегстве от героического лидерства, о все большей утрате лидером суверенитета, считая настоящее время не только «не героическим, но антигероическим». Современному лидеру не хватает качеств супермена для восстановления «утраченной воли к руководству» (107, 170). Идеальный лидер «твердо верит в собственные ценности», имеет «достаточную силу выбрать цель волевым актом» (107, 144)¹. Дженнингс

¹ Дженнингс признает, что фашизм использовал принципы ницшеанства. Фюрер правит, попирая волю большинства и систему парламентаризма, которые выступают как «символы слабости». Такова эволюция ницшеанского сверхчеловека. Правда, Дженнингс считает Гитлера «вульгарной версией» его (107, 133), но примеров рафинированного «юберменша» не приводит.

сомневается в том, что «вера в героическое лидерство» в буржуазном обществе возродится. Но Дженнингс зря сетует на «наше время». Оно дает самый широкий простор для героических действий на благо народа. Другое дело, что интересы монополистической буржуазии глубоко антинародны, поэтому этот класс не выдвигает героических вождей.

Большое влияние на типологию лидерства, предложенную буржуазными социологами, оказали и взгляды С. Хука. Он различает лидеров, «подверженных обстоятельствам», и лидеров — «творцов исторических событий». Первые стали лидерами благодаря случаю, воспользовавшись благоприятными обстоятельствами. Это — герои второго сорта, они выходят на историческую арену, когда лидеры, «не зависящие от обстоятельств», подготовили им условия. Эти герои должны следить за конъюнктурой, чтобы не прозевать свой шанс. В качестве примера «eventful man» Хук приводит голландского мальчика, заткнувшего отверстие в дамбе и предотвратившего наводнение. Другой пример — император Константин, который, «руководствуясь идеей христианства, уничтожил рабство». Причины гибели рабовладельческого строя Хук видит в субъективной деятельности императора Константина, признавшего христианство официальной религией. Рабовладельческий строй рухнул в результате разрешения конфликта между выросшими производительными силами и старыми производственными отношениями. Этот конфликт нашел свое проявление в борьбе рабов и колонов против рабовладельцев. «Успех» героя является критерием оценки самого героя. Как видно, Хук распространяет на лидерство прагматистскую субъективно-идеалистическую методологию, открывающую возможность самого широкого произвола в оценке роли лидера в истории.

Представитель второй, высшей категории лидеров для Хука — это герой, «действия которого являются следствием его выдающихся умственных способностей» (98, 154). Хук утверждает, что такой лидер не зависит от условий, он сам создает эти условия, он велик тем, что обладает выдающимися способностями, которые проявят себя, независимо от условий. Хук благополучно забывает, что эксплуататорские формации задавили сотни тысяч человеческих талантов, которые в условиях эксплуатации не смогли проявиться.

Можно согласиться с Хуком в том, что выдающиеся лидеры появляются на поворотных пунктах истории. Но эти поворотные пункты для него не результат объективного развития, а продукт творчества самого лидера, которому они нужны, чтобы создать себе условия для «героической деятельности»¹. Таким образом, перед нами типично волюнтаристский подход к типологии лидерства, целиком игнорирующий объективную реальность общественного развития, влияние конкретных социальных условий, в которых живут и действуют люди.

Исследователь культа героев в США О. Клэпп предлагает следующую классификацию «лидеров-героев»: «герой-завоеватель», обладающий действительной или мнимой сверхчеловеческой силой, например чемпион мира по боксу Джек Дэмпси. «Неожиданный герой» — летчик Ч. Линдберг, который до его трансатлантического перелета был неизвестен. «Умный герой», побеждающий противника умом, неожиданными ходами (к примеру, А. Линкольн). «Герой-благотворитель», например Дж. Рокфеллер, престиж которого, как считает Клэпп, возрос, когда он начал раздавать детям десятицентовые монеты. «Герой-мученик» — Ганди.

Едва ли не каждый исследователь лидерства спешит внести свой вклад в коллекцию типологий лидерства. Эти типологии сплошь и рядом оказываются перекрещивающимися. Систематизируя предложения по типологии лидерства, Л. Фишер составил длинный список, который мы частично воспроизводим. Лидер: физический — интеллектуальный; статичный — динамичный; временный — постоянный; профессионал — «любитель»;

¹ Про «героев» Хука можно сказать, что они готовы разжечь пожар войны, чтобы зажарить в нем себе яичницу. Героями исторических событий кануна второй мировой войны, по Хуку, являются Чемберлен и Даладье. Их мюнхенский сговор с Гитлером он считает случайностью, недоучетом некоторых обстоятельств. Если бы Чемберлен и Даладье вместо того, чтобы лететь в Мюнхен, предъявили Гитлеру ультиматум, от которого изменилась бы вся последующая история, они вершили бы судьбой века (98, 171).

В действительности мюнхенское предательство отнюдь не было случайностью. Напротив, это было логическим завершением империалистической политики, проводимой правящими кругами капиталистических стран, рассчитанной на возрождение германского милитаризма и патравливания его на СССР. Отвергая принцип коллективной безопасности, поборником которого был СССР, они проводили политику «умиротворения» агрессора, а точнее, сговора с ним.

сознательный — бессознательный; аристократический — патерналистский — демократичный и т. д.

Как видно, основания и принципы типологии лидерства самые различные¹.

Поэтому попытки буржуазных социологов привести многочисленные типологии лидерства к общему знаменателю кончились неудачей.

Среди отмеченных выше типов лидеров наибольший интерес в современной буржуазной социологии вызывает «харизматический» тип, который, по мнению ряда буржуазных социологов, претендует на то, чтобы быть эвристическим не только для понимания феномена лидерства, но и всей динамики социального процесса, поэтому на характеристике этого типа лидерства мы остановимся подробнее.

*Харизматическое лидерство*². Понятие «харизма» заимствовано Вебером из раннехристианской литературы и означает «боговдохновенность». «Термин «харизма», — писал Вебер, — будет применяться к определенному качеству индивида, благодаря которому он выделяется из среды обыкновенных людей и считается наделенным сверхъестественными, сверхчеловеческими или, по меньшей мере, исключительными способностями и качествами. Они недоступны обыкновенному человеку, рассматриваются как исходящие от божества или образцовые, и на их основе данный индивид считается лидером» (134, 358—359). Харизматические личности — это люди, наделенные исключительной военной отвагой, шаманы и т. п.

По мысли Вебера, не так уж важно, в чем состоит «харизма» лидера сама по себе. Решающее значение

¹ Р. Стогдилл проанализировал типологии 16 авторов, признающих два и более типов лидерства, и получил следующие результаты:

Тип лидерства	Количество авторов, признающих его
авторитарный (господствующий)	7
убеждающий (возбудитель толпы)	8
демократический (активизирующий)	7
интеллектуальный (выдающиеся люди)	6
исполнитель (администратор)	6 (133, 27).

² Параграф «Харизматическое лидерство» написан совместно с Н. И. Бирюковым.

имеет то, как к ней относятся потенциальные последователи. Если они признают данное качество харизматическим, то его обладатель оказывается харизматическим лидером. Однако это признание не безусловно: лидер должен доказать свою харизматическую миссию, вызвав какое-либо «знамение», «чудо». В конечном счете лучшим доказательством является успех харизматического движения. Если лидер долгое время терпит неудачи, его авторитет может исчезнуть.

По Веберу, харизматический лидер должен рассматривать свою миссию как «призвание свыше». Для этого типа лидерства характерна фанатичная преданность последователей лидеру, всякое сомнение в его харизматических качествах рассматривается как святотатство. В этом Вебер усматривает одно из важнейших отличий этого типа лидерства от лидерства традиционного или рационально-легального. Последние имеют более или менее объективное основание (традиции, закон), харизматическое лидерство носит сугубо личностный характер.

Существенное отличие харизматического лидерства от других типов лидерства, по Веберу, состоит в том, что традиционное и бюрократическое лидерство функционируют в стабильных социальных структурах и приспособлены к решению прежде всего повседневных задач (почему Вебер и называет эти два типа «рутинными»), тогда как харизматическое лидерство, как говорилось, возникает на крупных поворотах истории. Вебер утверждал, что «харизматический авторитет отвергает прошлое и в этом смысле является специфически революционной силой» (134, 361—362).

Харизматическое лидерство, по Веберу, первоначально вообще чуждо какой бы то ни было организации. Ближайшие соратники лидера действуют исключительно от его имени и опираются на его авторитет. Вебер писал, что в чистом виде харизматическое лидерство существует лишь в момент возникновения. Но «чтобы не остаться чисто преходящим явлением, а принять характер постоянного отношения, образующего стабильную группу учеников или последователей... харизматический лидер должен радикально изменить свой характер» (134, 364), приспособиться к повседневной жизни и ее задачам, т. е. «рутинизироваться». Причины этой трансформации харизматического лидерства в традици-

онное или рационально-легальное Вебер усматривает в заинтересованности последователей харизматического лидера, и особенно его ближайшего окружения в сохранении и упрочении своих завоеваний.

В процессе «рутинизации» Вебер выделяет наследование харизматического лидерства и переход от харизматических принципов управления к таким, которые приспособлены к повседневным условиям. Он перечисляет возможные варианты решения проблемы наследования: поиски нового харизматического лидера, назначение преемника первоначальным харизматическим лидером, назначение преемника харизматическим административным аппаратом, передача власти по наследству, передача харизмы от одного лица к другому или создание ее в другом человеке посредством определенного ритуала. По завершении процесса «рутинизации» харизматическое лидерство сохраняет, однако, отпечаток своего происхождения — в идеологическом обосновании власти лидера, «в харизматических стандартах почета» (134, 369) и т. п. В предисловии к американскому изданию книги Вебера Т. Парсонс пишет: «В процессе рутинизации харизматический элемент... отделяется от личности индивидуального лидера и воплощается в объективной институциональной структуре» (134, 67).

В веберовской концепции харизматического лидерства много неясностей и противоречий. Ее недостатки — это недостатки прежде всего самой типологии буржуазного авторитета, которая носит откровенно идеалистический характер. Вебер исходит из психологической трактовки типов лидерства (в их основе лежит «вера в законность» данной власти), но в дальнейшем он склонен рассматривать их как объективные общественные структуры и даже связывать с определенным экономическим строем (134, 338—339; 354—355). Первичным оказывается не сам тип общественных отношений, а его осознание участниками этих отношений. Таким образом, Вебер сплошь и рядом подменяет изучение объективных общественных явлений социальным психологизированием.

В веберовской типологии лидерства отсутствуют четкие границы между типами лидеров. Вебер постоянно подчеркивает, что эти типы в чистом виде не встречаются и являются лишь «идеальными», а всякое реальное лидерство представляет собой их сочетание. Однако

в любом случае теоретические понятия этих типов, их аналитические модели не должны смешиваться. Между тем оказывается, что рационально-легальный авторитет немалым сам по себе. Закон, на котором он основан, должен иметь традиционное или харизматическое обоснование. Рационально-легальный лидер содержит традиционный элемент в том смысле, что нарушение традиции может иметь для него «роковые последствия» (134, 382), и харизматический элемент — «по меньшей мере в том отрицательном смысле, что постоянное и наглядное отсутствие успеха может оказаться достаточным, чтобы развалить любое правительство, подорвать его престиж и проложить путь харизматической революции» (134, 382).

Историзм в общем чужд теории Вебера: все типы лидерства рассматриваются им как принципиально возможные в любых исторических условиях. Правда, Вебер постоянно подчеркивает «современность» рационально-легального и «архаичность» традиционного лидерства, но это лишь свидетельствует о том, что сама противоположность этих типов попросту воспроизводит обычную для буржуазного сознания дихотомию «традиционного» и «современного» (т. е. капиталистического) общества. Поскольку харизматическому лидерству в этой дихотомии нет места, Вебер постоянно подменяет трехчленную типологию лидерства (рационально-легальное, традиционное, харизматическое) двучленной («рутинное» и харизматическое). Из этого следует, что деление лидерства на типы проведено Вебером по разным основаниям, хотя это и маскируется ссылкой на «однородные» субъективные мотивы признания власти (привычка, рассудок, эмоции). Понятие харизматического лидерства фигурирует в неадекватном контексте.

Веберовскую концепцию харизматического лидерства нельзя признать научной. Во-первых, из работ Вебера не ясно, считает ли он харизму реальным качеством лидера, или это просто идеологическая фикция, служащая оправданию его власти. Во-вторых, непонятно, какие качества можно и должно признать «харизматическими». На эти и многие другие вопросы Вебер не дает четкого ответа, или его ответы оказываются противоречивыми.

Вряд ли Вебер всерьез полагал, что харизма — это «дар божий», а харизматический лидер «ниспослан свы-

ше». Но если харизма — фикция, почему данный тип лидерства называется харизматическим? В этом случае сама концепция харизматического лидерства оказывается не более, чем теоретической фикцией, которая не только не помогает исследователю в решении проблем, а, напротив, отвлекает его от рассмотрения реальных причин, обусловивших успех данного лидера.

Столь же непоследователен и веберовский анализ отношений лидера и ведомых. Остается не ясным, появляется ли харизматический лидер в результате определенного социального конфликта, или он сам порождает его? В концепции Вебера содержится крайне абстрактное понимание революционности. Революционным оказывается всякий лидер, который предлагает нечто новое безотносительно к тому, укрепляет ли это «новое» существующий общественный строй или направлено на его уничтожение. Такая трактовка революционности не случайна. Она продиктована нежеланием видеть противоречия буржуазного общества, острые классовые конфликты, в которых на одной стороне стоит реакционная буржуазия, на другой — революционный рабочий класс. Она вытекает также из отрицания закономерностей общественного развития: история рассматривается не как объективный процесс, а как продукт деятельности отдельных личностей, в данном случае харизматических лидеров.

После Вебера разработка теории харизматического лидерства велась буржуазными социологами по двум основным направлениям. Одни из них стремились устранить присущие ей противоречия, выдвигая на первый план один какой-либо признак харизматического лидерства и пренебрегая или отрицая другие. Так, Э. Шилз подчеркивает, что всякая власть претендует на «трансцендентное» обоснование своего существования и в этом смысле является харизматической. Он отверг веберовскую типологию лидерства и объявил всякое лидерство харизматическим. Политическая борьба рассматривается Шилзом как «бесконечный конфликт конкурирующих концепций о конечном местонахождении харизмы» (130, 213).

Шилз использует понятие харизмы для построения идеалистической теории социального конфликта, в которой на место реальных классовых сил, участвующих в борьбе, поставлены мнения и представления людей —

участников «исторической драмы». В обществе, утверждает он, идет борьба за реальные блага, но это не борьба классов, а борьба между людьми различных профессий за престиж и связанные с ним материальные выгоды, имеющие «трансцендентное» обоснование. Здесь снова четко проявляется апологетический, реакционный характер теории Вебера: современное буржуазное общество оказывается у него лишенным классовых антагонизмов.

Особую популярность в последние годы приобрело использование харизматической теории лидерства для объяснения политических процессов в развивающихся странах. Для подобных исследований характерна тенденция уложить реальные социальные процессы в узкологические рамки веберовской типологии лидерства и обосновать харизматический характер политического лидерства в развивающихся странах. Именно так поступают А. и Д. Вильнер. В доколониальном обществе, считают они, господствовало традиционное лидерство, колониальные же державы принесли характерный для буржуазных стран рационально-легальный тип. После победы национально-освободительных революций, уничтоживших колониальный строй, образовался политический вакуум; он был заполнен единственным, пока еще не скомпрометированным типом лидерства — харизматическим, которое и взяло на себя миссию интеграции и модернизации общества.

А. и Д. Вильнер выдвигают гипотезу, описывающую механизм образования харизмы. Успех харизматического лидера зависит от того, утверждают они, в какой степени он сумеет добиться отождествления в глазах народа собственной личности с традиционными национальными героями. Перспективы «модернизации» развивающихся стран Вильнер обосновывают не объективными социальными закономерностями и потребностями развития, а способностью политических лидеров манипулировать национальной мифологией и сознанием последователей (138). Если первоначально понятие харизмы буржуазные социологи использовали для объяснения фундаментальных социально-политических процессов, то теперь — для описания менее значительных явлений. Это означает, что понятие харизмы не имеет того эвристического значения, которое ему обыкновенно приписывают буржуазные социологи.

Харизматическому лидерству в развивающихся странах посвятил свою книгу «Полубоги» французский исследователь Лякутюр. В отличие от Вильнер он скептически относится к перспективам модернизации стран, возглавляемых «харизматиками». Не отрицая прогрессивного характера политики Г. А. Насера, К. Нкрумы, Х. Бургибы, Н. Сианука, он считает, что обожествление лидеров национально-освободительных движений, превращение их в «постоянных полубогов» препятствует успешному решению стоящих перед их странами задач. Внешне харизматическая власть производит впечатление высокой эффективности, рассуждает Лякутюр: лидер одним махом решает сложные задачи, дает необходимый первый толчок, без которого дело не может сдвинуться с мертвой точки. Но именем вождя нередко прикрывается расколотое на фракции, пораженное коррупцией и соперничеством окружение, в котором и распыляется внешне столь сильная и единая власть. Поэтому харизматическое лидерство и не предлагает развивающемуся обществу достойной альтернативы. Режим персонифицированной власти оказывается недолговечным, на смену герою приходит его антипод — бюрократ — таков ход рассуждений Лякутюра (109).

Советский исследователь И. А. Симония пишет о том, что в развивающихся странах после завоевания ими политической власти возникают сравнительно широкие связи между вождями и массами, для разрыва которых требуется радикальное вмешательство. «Такое вмешательство имело место обычно в тех случаях, когда явственно обнаруживалась тенденция эволюции революционных лидеров в диктаторы... Революционный лидер все больше и глубже входит в роль харизматического лидера, сверхъестественной личности, настолько уверовавшей в незыблемость связи «вождь — масса», базирующейся на власти личного обаяния, что всякая действительно авангардная организационная сила ему уже кажется ненужной. И действительность показывает нам стремление таких лидеров «подмять под себя», растворить в классово-аморфных массовых организациях уже существующие авангардные политические силы («Единый национальный фронт» Сукарно), либо вообще ликвидировать их (Касем), либо не допустить превращения имеющихся массовых организаций в действительно авангардные партии (Кейта, Нкрума)» (44, 341).

Можно понять Х. Бумедьена, писавшего: «То, что произошло в Гане, должно... стать уроком для всех наших стран. Когда не создаются настоящие политические кадры, когда не опираются в достаточной мере на крестьян и рабочих, на активистов и революционеров, когда поощряют культ личности и прославляют режим личной власти,— все это ведет к отчуждению режима от народных масс» (цит. по: 44, 341).

Буржуазные социологи всеми средствами пытаются доказать, что для освободившихся стран единственный путь развития — «модернизация по западному образцу». Альтернативой выступают лишь диктаторский и буржуазно-демократический пути развития. Однако реальный выбор существует прежде всего между социалистическим и капиталистическим путями развития. Но буржуазные авторы попросту игнорируют это.

«Стили» лидерства. В качестве одного из оснований типологии лидерства выступают «стили» лидерства. Обычно выделяются «авторитарный» (или автократический), «демократический» и «невмешивающийся» стили.

Буржуазные исследователи в последние десятилетия пишут о переориентации теоретиков лидерства с авторитарного на демократическое. Если в начале века Вебер делал упор на исключительную прерогативу лидеров командовать и беспрекословную обязанность подчиненных повиноваться, то в наш век, пишет А. Танненбаум, эти концепции во многом устарели. Научно-техническая революция, возрастающее количество и сложность организаций требуют все больше людей на роли лидеров. Эксперты вытесняют тех, чье положение основывается на социальном статусе и семейных связях, утверждает он (105, 9, 103). Нетрудно заметить тут явное стремление апологетизировать современное лидерство в буржуазном обществе как более просвещенное и демократическое. Американский политолог Л. Селигмен объясняет «моду на демократическое лидерство» общей деперсонализацией власти («власть вручена учреждениям, а не лицам» (105, 9, 108).

«Демократическое лидерство» представляется буржуазными социологами как новый подход к проблемам руководства, который учитывает возросшую роль народных масс, необходимость интенсивной идеологической обработки, более демократичных по форме отношений между лидерами и массами («сильная рука админист-

ратора» возможно чаще должна облекаться в бархатную перчатку). Манипулирование сознанием масс элита, по мнению буржуазных социологов, должна осуществлять в более мягких формах, добиваясь «добровольного» подчинения масс «целесообразным», «направленным на благо общества» решениям лидеров. Наше время считается либерально-буржуазными идеологами временем не «элиты львов» (термин Макиавелли и Парето), а «элиты лис», управляющих методами махинаций и компромиссов. «Демократическое», «мягкое» лидерство противопоставляется «авторитарному», «грубому», рассматривается (и не без определенных оснований) как более гибкое, оптимальное с точки зрения и ослабления классовых конфликтов, и функционирования отдельных предприятий, учреждений. «Демократическое лидерство», по замыслу его сторонников, не унижает подчиненных, а, напротив, пробуждает в них чувство собственного достоинства, индуцирует их активность, позволяя достичь наибольшей производительности труда.

В буржуазных теориях «демократического лидерства» противоречия лежат в самом их основании: управление в классово антагонистических формациях по самому существу не может быть демократическим, ибо оно направлено против интересов народных масс, на их угнетение и эксплуатацию. Подлинно демократическое лидерство в капиталистическом обществе невозможно, поэтому рассматриваемые концепции имеют демагогический характер.

«Авторитарное лидерство» характеризуется следующим образом: «Все указания даются по-деловому, кратко, или, как при дрессировке животных, совершенно прямо и открыто. Запреты и распоряжения без снисхождения и с угрозой даются и реализуются. Лаконичный и четкий (командный) язык. Неприветливый тон. Похвала или порицание полностью субъективны... Социально-пространственная позиция руководителя — вне группы» (цит. по: 19, 225—226). Авторитарный лидер требует монопольной власти, единолично определяет и формулирует цели группы и способы их достижения; связи между членами группы сведены к минимуму и проходят через него или под его контролем.

Авторитарный лидер пытается повысить активность подчиненных административными методами: его главное оружие — «железная требовательность», угроза на-

казания, чувство страха. Отнюдь не все авторитарные лидеры, пишут буржуазные социологи, грубые, импульсивные люди, но их роднит холодность, властность, стремление сосредоточить в своих руках все рычаги власти. Психологический климат в группе, где практикуется этот стиль лидерства, характеризуется недостатком доброжелательности и взаимного уважения между лидером и последователями, которые превращаются в пассивных исполнителей воли лидера.

«Демократический стиль» лидерства, с их точки зрения, оказывается более предпочтительным. «Все мероприятия при проведении облакаются в форму предложения. Нормальная, не сухая речь, товарищеский тон, похвала и порицание делаются в форме демократических советов с учетом намерений, откликов и реакций... Распоряжения и запреты устанавливаются демократически (выдвигаются или реализуются в форме предложения или дискуссии)... Социально-пространственное расположение — внутри группы» (19, 226). Лидеры этого типа тактичны, уважительны, объективны в общении с членами группы, они инициируют максимальное участие каждого в деятельности группы, не концентрируют ответственность, а стараются распределить ее среди всех членов группы, создают атмосферу сотрудничества.

Некоторые исследователи выделяют тип «невмешивающегося лидера». «Конвенциональный тон. Отсутствие похвалы, порицания, предложений. Запреты или распоряжения не высказываются... По возможности незаметное пребывание в стороне» (19, 226). Лидер избегает конфликтов с людьми и устраняется от разбора конфликтных дел, передоверяет свои функции заместителям и другим людям, не вмешивается в ход работы группы. Сторонники этого стиля лидерства часто ссылаются на слова американского писателя Торо о том, что лучший лидер — тот, кто незаметен. Как правило, большинство авторов ограничиваются выделением авторитарного и демократического типов лидерства.

Б. Басс, описывая стили лидерства в США, отмечает: «На одной стороне мы находим вежливых руководителей, делающих упор на награды за хорошо выполненную работу, на получение подчиненными подлинного удовлетворения от своей работы, уважающих чувство собственного достоинства подчиненных, относящихся к ним как к равным, создавая для подчиненных атмосфе-

ру свободного общения с лидерами, которые легко доступны, воплощают в жизнь предложения подчиненных... На другой стороне — грубые надзиратели, которые часто требуют больше, чем человек может сделать, критикуют подчиненных перед лицом других, третируют их, не считаясь с их чувствами, унижают достоинство или угрожают безопасности подчиненных, действуют без консультаций с ними, отказываясь принимать их предложения или объяснять свои действия» (66, 99). Симпатии автора всецело на стороне «демократического лидерства». Ряд авторов даже считает, что только «демократическое лидерство» и имеет право именоваться лидерством.

В руководстве для менеджеров американской корпорации «Саккони Вакуум Ойл» говорится, что от лидера требуется умение «срабатываться с людьми». Непринужденно, внешне демократично, но твердо, «не давая людям распускаться», направлять их деятельность на достижение целей корпорации. Хорош тот руководитель, утверждают авторы руководства, который умеет заставить работать других. Стиль лидерства — вопрос тактики. Авторитарный лидер, стремясь к эффективной групповой деятельности, использует единоличную власть, контроль за основными коммуникациями в группе, за информацией, необходимой для достижения успеха, склонен к быстрым и решительным действиям. Демократический лидер стремится, чтобы каждый член группы имел возможность влиять на решения, сохранял определенную свободу выбора альтернатив, чтобы «групповая коммуникация, складывающаяся по поводу выработки решения, была выше, чем простое предпочтение лидера» (57, 1971, № 3, 233—253).

Стремления буржуазных социологов рекомендовать предпринимателям и государственным органам внедрять «демократические» методы руководства вместо «авторитарных» связаны с потерей капитализмом былой уверенности в способности управлять массами старыми методами¹. Буржуазные социологи помогают монопо-

¹ Сначала в США, а затем и в западноевропейских странах стали обычными призывы к «демократизации» лидерства. Характерно обращение к руководителям промышленности ФРГ И. Хойслера и других социологов, признающих необходимость замены «доминирующих в настоящее время авторитарных, бюрократических» методов лидерства «демократическим, коллективным стилем», основу

лиям разрабатывать наиболее эффективные методы управления массами; их методики используются для «оптимизации» управления в условиях современного капитализма. Классовая сущность теорий «демократического лидерства», направленных на стабилизацию капитализма, тщательно маскируется, буржуазные социологи выдают свои рецепты за «чисто научные» и «гуманистические». Их подход к лидерству в отрыве от социальной структуры общества свидетельствует об их стремлении представить управление как «нейтральную» функцию, независимую от социальной системы. «Демократическое лидерство» буржуазные теоретики пытаются представить как «надклассовое». На деле же рекомендации буржуазных социологов направлены на стабилизацию капитализма, ослабление социальных конфликтов этого общества. Противоречия капиталистической системы они объясняют отсутствием научной системы управления. Теория «демократического лидерства» провозглашается научной системой, некоей панацеей от язв капитализма и выдается за общую теорию управления социальными процессами.

Далеко не все буржуазные социологи безоговорочно высказываются за «демократический» стиль руководства. Наиболее осторожные предупреждают против абсолютизации одного из стилей лидерства¹. Говоря о влиянии стиля лидерства на эффективность групповой деятельности, буржуазные исследователи приходят к разным выводам.

Р. Стогдилл подытожил данные 23 исследований «авторитарного» и «демократического» лидерства. Мнения буржуазных социологов относительно влияния того или иного стиля лидерства на производительность труда разделились, хотя большинство исследователей утверж-

которого составляет децентрализация управления, коллегиальность, повышение чувства ответственности сотрудников. Демократическое лидерство связывается с изменением традиционной жесткой структуры западногерманского предприятия, с заменой «господства верхов над низами» партнерством сторон.

¹ Исходя из последовательного ситуационизма и призывая оценивать преимущества того или иного стиля в зависимости от ситуации, Ф. Фидлер считает, что в «неблагоприятных условиях, когда отношения лидер — последователь слабы, задача группы бесструктурна... наиболее эффективен властный, контролирующий стиль поведения. В относительно более благоприятной ситуации эффективнее мягкое лидерство, «не приказывающее, а рекомендуемое» (105, 9, 96).

дают, что удовлетворенность членов группы своим трудом выше при «демократическом лидерстве». Отсюда Стогдилл делает неутешительный вывод: ни «авторитарный», ни «демократический» стиль не могут быть прямо рекомендованы как действенное средство повышения производительности труда.

В отношении «невмешивающегося» стиля лидерства мнение этих социологов почти единодушно — оно ведет к низкому качеству выполняемой работы, слабому чувству групповой солидарности (133, 368—371). Обобщая исследования, Стогдилл заключает: «Не подтверждается упрощенная или поляризованная теория лидерства... Способы поведения, эффективные в одной ситуации, не обязательно эффективны в другой. Условная и многовариантная гипотеза кажется более разумной, чем биполярная» (133, 407). Различные типы групп требуют и различных стилей лидерства (112, 236). Как видно, в исследованиях буржуазных социологов отношения эксплуатации, составляющие сущность капиталистического общества, неизменно отступают на задний план, подменяются «естественными» для «цивилизованного человечества» отношениями лидерства. Это принципиально неверная позиция. Можно различать стили лидерства¹, но неправильно их абсолютизировать, отрывать от социальной структуры и, в частности, считать «демократическое лидерство» способом преодоления противоречий, разъедающих капиталистическое общество.

К разработке марксистской типологии лидерства. Выработка научной типологии лидерства продолжает оставаться актуальной задачей марксистской социологии и социальной психологии. Марксистские исследователи Г. Гибш и М. Форверг (см. 19), А. Г. Ковалев (см. 26), А. Г. Сороковой (см. 46) и другие различают «авторитарный», «демократический» и «невмешивающийся» (анархический) типы лидерства. Наиболее полная типология лидерства предложена Б. Д. Парыгиным. Она построена на трех различных основаниях: содержание, стиль, характер деятельности лидера. Б. Д. Парыгин различает лидерство: 1) по содержанию деятельности: лидеров-вдохновителей, предлагающих программу

¹ Деление стилей лидерства на демократический и авторитарный признают и советские психологи, в частности Б. Д. Парыгин, А. Г. Ковалев.

поведения; лидеров-исполнителей, организаторов выполнения уже заданной программы; лидеров, являющихся одновременно и вдохновителями и организаторами. 2) По стилю — авторитарный, демократический, смешанный. 3) По характеру деятельности — универсальный, т. е. постоянно проявляющий качество лидера; ситуативный, проявляющий эти качества лишь в определенной ситуации. Всего Б. Д. Парыгин вычленяет восемь типов лидеров (см. 36).

Говоря о недостатках данной типологии, А. Г. Ковалев отмечает, что понятие «лидер-организатор» (исполнитель) неправомерно, так как организаторская функция присуща всем лидерам; лидер-вдохновитель не только выдвигает идеи, но и организует массы. По его мнению, не удовлетворителен и термин «универсальный» как постоянно проявляющий качества лидера; точнее употреблять этот термин для характеристики лидера с точки зрения его способности и выдвигать идеи и организовывать группу (см. 26, 260—261). Возможны и иные замечания и усовершенствования предложенной типологии.

Заметим, что типы лидерства не определены по отношению к тому или иному классу, отсутствует классификация по «масштабности» лидерства, в результате чего эта типология оказывается повернутой к анализу лидерства в «малых группах». При этом, однако, нужно учитывать, что увеличение оснований для типологии лидерства намного усложняет классификацию, делает ее громоздкой и тем самым снижает ее инструментальную ценность.

Попытаемся наметить основные, на наш взгляд, принципы классификации типов лидеров: 1) Опираясь на принцип историзма как исходный, будем различать типы лидеров в зависимости от того, в какую эпоху они действуют; лидер, как всякая личность, продукт социальной среды, и тип лидерства зависит от характера эпохи. 2) Основанием для классификации может служить и «масштабность» лидерства, уровни решаемых задач: лидеры общенациональные, лидеры определенного класса, лидеры тех или иных социальных групп. 3) В классовых обществах решающим принципом классификации лидеров является принцип классовости: лидеры различаются в зависимости от того, представителями какого класса — прогрессивного или реакционного — они явля-

ются, каково место этого класса в системе общественного производства, общественных отношений, его роль в историческом процессе. 4) Лидеров можно классифицировать по их отношению к существующей социальной структуре: лидер может быть «функциональным» по отношению к этой структуре, стабилизирующим, способствующим ее развитию, или «дисфункциональным», стремящимся ее разрушить; лидер может быть конформистом, принимающим нормы и ценности своих последователей, или нонконформистом, стремящимся их изменить; близко к этому деление лидеров по характеру исторической ситуации на «рутинных» и «кризисных». 5) Можно выделить лидеров, отличающихся выдающимися способностями, и лидеров с весьма заурядными личностными характеристиками; лидеров, выдвинувшихся благодаря своим выдающимся качествам, и лидеров, выдвинувшихся благодаря обстоятельствам (например, рождение в семье монарха). 6) Лидер может быть временным (ситуативным) или постоянным. 7) Различаются лидеры — инициаторы социального движения (вдохновители, «программисты») и лидеры — продолжатели начатого дела (исполнители). 8) Основанием для классификации может быть и стиль лидерства: лидер авторитарный, ориентированный на единоличное принятие решений, демократический, ориентированный на индуцирование активности и инициативы своих последователей, вовлечение их в процесс управления. Проблема выделения среди множества переменных одной важнейшей, определяющей наиболее существенные черты лидерства, представляется нам пока проблематичной.

**Политическое
лидерство.
Бюрократизация
и кризис лидерства
в капиталистическом
обществе**

В наше время проблема политического лидерства вызывает особый интерес. Буржуазные социологи объявляют политическое лидерство в капиталистических странах «неизбежным продуктом индустриализации» (121, 2) и условием «модернизации» развивающихся стран. Буржуазные социологи обычно различают индивидуальное и коллективное политическое лидерство. Причем их исследования страдают существенными методологическими пороками, главный из которых — уход от классового анализа проблемы, который подменяется описанием взаимодействия либо лидера и последователей (в первом случае), либо элиты и массы (во втором).

Каковы, по мнению буржуазных социологов, характерные черты *индивидуального политического лидерства*? Чем отличается лидерство в «малых группах» от лидерства в национальном масштабе? Последнее Селигман называет уникальным. В чем же он видит эту уникальность? Во-первых, по его мнению, это «дистанционное» лидерство. Его особенность в том, что лидер и последователи, как правило, не имеют прямых контактов между собой; их отношения опосредуются массовыми коммуникациями, организациями, людьми, обслуживающими государственную политическую машину и т. д. Во-вторых, это многоролевое лидерство. Политический лидер выполняет различные роли: ориентируется на ожидание своего непосредственного окружения, политической партии, бюрократической исполнительной машины, наконец, широкой публики. Его важнейшая задача — поддерживать эти, подчас противоречивые, роли, в определенном равновесии. В-третьих, это лидер-

ство, которое, будучи индивидуальным, отличается в то же время бóльшим или меньшим корпоративным характером.

Политическое лидерство, утверждает Селигман, приписывается обычно одному человеку (президенту, премьер-министру), но в бюрократизированном обществе оно является продуктом «организованной активности». Государственный лидер в настоящее время стал в большой степени чисто символической фигурой, и его многочисленные роли выполняют другие люди, прежде всего его ближайший штаб, «исполнительная элита» (Дж. Киркпатрик, анализируя американское президентство, вводит понятие «президентская элита», под которым имеет в виду активистов партии президента (108, 8)). В-четвертых, современный государственный лидер действует в рамках определенных предписаний (порой весьма жестких), установленных норм, определяющих масштабы его власти и пути ее осуществления. Бюрократические институты обладают высокой степенью относительной автономии (случаи внезапной смерти или неспособности лидера осуществлять свои обязанности показывают, что учреждение благополучно функционирует и в отсутствие руководителя).

Действительно, бюрократическая машина «работает» независимо от смены тех или иных политических лидеров в буржуазном правительстве. Подобная бюрократическая машина оказывается надежным прикрытием всевластия капитала. Как отмечал В. И. Ленин, капитал, овладев ею, «обосновывает свою власть настолько надежно, настолько верно, что *никакая* смена ни лиц, ни учреждений, ни партий в буржуазно-демократической республике не колеблет этой власти» (2, 33, 14).

В капиталистических странах бюрократизация социальной жизни оказала наибольшее воздействие именно на политическое лидерство, на государственное руководство. Отсюда и серьезные опасения буржуазных социологов, что бюрократические «институциональные процедуры угрожают способности» государственного лидера принимать самостоятельные решения (105, 9, 107). Буржуазные политологи задают вопрос: может ли государственный лидер сохранить свою индивидуальность на фоне тех бюрократических институтов и установлений, которым он вынужден подчиняться и которые направлены на то, чтобы регламентировать его деятель-

ность и в конечном счете обезличить его, превратить в функцию системы? Их ответы, как правило, весьма пессимистичны. Альтернативу безликому бюрократизированному политическому лидеру многие из буржуазных идеологов видят лишь в «сильном» лидере харизматического типа.

По Гэлбрейту, власть в обществе «перешла ныне не к отдельным личностям, а к организациям» (22, 100—101). Лидеры лишь подписывают решения, выработанные «техноструктурой», решения эти подготавливаются коллективами людей, обладающих профессиональными знаниями. Таким образом, указывает он, роль лидера резко ослабевает. Леворадикальный американский теоретик Ч. Рейч пишет: «...если народ не может контролировать корпоративное государство, может быть, оно, по крайней мере, контролируется теми, кто отдает распоряжения, — администраторами и стоящей за ними властвующей элитой? Вступая в апартаменты высшего руководства, мы рассчитываем найти там человека или «команду», действительно осуществляющих власть. Но... то существо, которое в этой комнате выглядит как человек, на самом деле является лишь выражением того, что требует от человека организация. Он не руководит машиной, он лишь обслуживает ее. Машина становится столь могущественной, что ни один администратор, вплоть до президента США, не может свернуть ее с пути» (123, 9).

Многочисленные социологические свидетельства буржуазных исследователей о растущей безличности политических лидеров отражают реальные процессы бюрократизации политической жизни капиталистических стран. Сам характер принятия решений в громоздком бюрократическом аппарате, каким является современное буржуазное государство, ограничивает возможность изменения курса государственной политики тем или иным политическим лидером. В последние десятилетия мы были свидетелями нескольких смен хозяев Белого дома, иногда весьма драматических; но можно ли сказать, что при этом радикально менялась политика? Э. Линкольн в книге «Кеннеди и Джонсон» утверждает, что различия между Кеннеди и Джонсоном были «гораздо фундаментальнее, чем между Монтеки и Капулетти. Те два семейства жили, в конце концов, в одной и той же Вероне. Кеннеди и Джонсон жили в разных

мирах» (113, 2). Однако будет правильнее сказать, что они жили в одном мире государственно-монополистического капитализма, и, когда «блестящую профессорскую команду» Дж. Кеннеди сменила «техасская мафия» Джонсона, изменился скорее стиль лидерства. Монополистическая буржуазия цепко держит власть в своих руках; личность политического руководителя оказывает влияние на политический курс лишь в лимитированных пределах, пока и поскольку ее деятельность не противоречит интересам господствующего класса.

Рассматривая политическое лидерство, буржуазные авторы либо игнорируют его специфику, абстрагируются от его особенностей, экстраполируют на него наблюдения, добытые при исследовании «малых групп», а если и признают особенности политического лидерства, то не учитывают главные, решающие признаки, характеризующие сущность политического лидерства, его классовый характер.

Содержание деятельности политического лидера определяется прежде всего его принадлежностью к определенному классу. Именно открытие марксизмом зависимости между исторически определенной ступенью в развитии общества и классовой структурой общества дало ключ к пониманию законов социальной жизни, позволило объяснить разнообразные, зачастую противоречивые стремления и интересы отдельных людей через интересы классов. Деятельность политического лидера также определяется законами классовой борьбы. Только исходя из этого, можно понять роль политического лидера, так как в основе его целей и стремлений лежат определенные классовые интересы. Марксизм полностью опроверг антинаучные измышления идеалистов о том, что выдающийся лидер может по своему произволу творить историю. Вместе с тем марксизм научно объяснил значение деятельности политических лидеров, определил пределы их влияния на ход социальных процессов.

Политические лидеры, вожди выдвигаются определенными классами; их роль в общественном развитии зависит от положения и роли выдвинувшего их класса. «Ни один класс в истории не достигал господства, — писал В. И. Ленин, — если он не выдвигал своих политических вождей, своих передовых представителей, способных организовать движение и руководить им» (2, 4, 375). В современном обществе политической борьбой

класса руководит его наиболее активная, организованная часть — партия; самым цельным, полным и оформленным выражением политической борьбы классов, отмечал В. И. Ленин, является борьба партий. Руководят политической борьбой класса, как правило, лидеры партий, опирающиеся в своей деятельности на партию. Раскрывая соотношение классов, партий, вождей, В. И. Ленин писал: «Всем известно, что массы делятся на классы; — что противопоставлять массы и классы можно, лишь противопоставляя громадное большинство вообще, не расчлененное по положению в общественном строе производства, категориям, занимающим особое положение в общественном строе производства; — что классами руководят обычно и в большинстве случаев... политические партии; — что политические партии в виде общего правила управляются более или менее устойчивыми группами наиболее авторитетных, влиятельных, опытных, выбираемых на самые ответственные должности лиц, называемых вождями» (2, 41, 24).

Именно связь буржуазного лидера со своим классом и пытаются скрыть апологеты капитализма. Это и понятно: буржуазный лидер не может признать, что он защищает интересы монополистической буржуазии, ибо тем самым он разоблачит себя; он хочет играть роль представителя народа.

Каждый класс выдвигает и формирует определенный тип политического лидера, который отражает социальную природу этого класса. Если нарождавшаяся прогрессивная американская буржуазия дала миру В. Франклина, Дж. Вашингтона, Т. Джефферсона, то загнивающая империалистическая буржуазия выдвинула таких реакционных политиков, как Л. Джонсон, Р. Никсон, Б. Голдуотер и т. п. Говоря о таких, несомненно, крупных лидерах буржуазии последних десятилетий, как Ф. Д. Рузвельт, У. Черчилль, Дж. Кеннеди, нужно иметь в виду, что все их действия были обусловлены интересами того класса, который они представляли. Незаурядные способности и энергия У. Черчилля общеизвестны. Однако его главные замыслы потерпели поражение. Как он пишет в своих мемуарах, его целью было подавить социалистическую революцию в России (он был, как известно, одним из инициаторов интервенции 14 государств против первого социалистического государства); в годы второй мировой войны он считал

своей важной задачей не допустить Советскую Армию в страны Центральной и Юго-Восточной Европы; наконец, он мечтал «не быть последним премьером Британской империи». И что же — не только его замыслы не осуществились, ход событий оказался прямо противоположным тому, о чем он мечтал. Это произошло не потому, что Черчилль был недостаточно талантлив, и не потому, что он неправильно сформулировал цели своего класса или что-то недоучел, а потому, что эти цели вступили в противоречие с объективными потребностями общественного развития.

Общий ход и направление исторического процесса не зависят от отдельных выдающихся личностей; они могут влиять на исторические события, но они не могут ни отменить, ни изменить общественные закономерности. Выдающиеся лидеры появляются в результате и в ответ на потребности общественного развития, и их деятельность тем успешнее, чем правильнее они сознают эти потребности; само воздействие личности на социальный процесс осуществляется в пределах действий его закономерностей. Индивидуальные качества лица, стоящего во главе определенного социального движения, черты его характера могут обеспечить больший или меньший его успех, наложить на него определенный отпечаток.

Выдающиеся лидеры, выдвинутые передовыми классами, полнее осознают противоречия общественного развития и способствуют их разрешению, организуя массы, классы, интересы которых они выражают, на борьбу за их реализацию. Роль лидеров особенно велика в переломные моменты истории, когда от них требуется быстрое принятие решений, способность правильно понять конкретные задачи. Народные массы, особенно в периоды социальных преобразований, выдвигают из своей среды талантливых организаторов. «История давно уже показывала, — говорил В. И. Ленин, — что великие революции... разворачивают такие таланты, которые раньше казались невозможными» (2, 38, 78).

В споре, который ведут между собой буржуазные политологи по проблеме роли политического лидера в истории, сталкиваются порой крайние точки зрения — от гипертрофирования роли политического лидера до полного его отрицания. Но этот спор оказывается абстрактным и малоплодотворным прежде всего потому, что роль политического лидера всегда исторически обус-

ловлена. Его роль может быть объективно оценена только в связи с анализом реальных потребностей социального развития, действий масс, классов, социальных групп.

Субъективисты возвышают выдающегося политического лидера до уровня творца истории. Личность заслоняет от них более глубокие причины социального развития — историческую эпоху, породившую ее, интересы класса, которые она выражает. Г. В. Плеханов писал: «Великий человек велик... тем, что у него есть особенности, делающие его наиболее способным для служения великим общественным нуждам своего времени» (38, 2, 333). Личные качества политического лидера — один из аспектов политологического и особенно социально-психологического анализа, но отнесение их к конечным причинам исторического развития, несомненно, ошибочно.

Исследователь политического лидерства должен изучать не биологические особенности того или иного политического вождя, а его социальные, классовые характеристики. Субъект истории не безликая масса; история складывается из действий масс, классов, социальных групп, отдельных личностей, вклад которых в историческое действие неодинаков. Политические лидеры, выражая интересы и настроения больших групп людей, могут оказывать значительное воздействие на ход событий. Причем чем полнее лидер выражает интересы своего класса, социальной группы, тем в большей мере он проявляет свои личностные черты, делающие его субъектом социального процесса. В богатстве его многообразных социальных связей главными, определяющими являются его связи с классом, интересы которого он представляет.

Но принадлежность личности к данному классу не определяет с фатальной неизбежностью ее поведения. Необходимо учитывать относительную самостоятельность лидера, его активность, некоторую субъективность его решений. Порой в одних и тех же социальных условиях, из среды одного и того же класса (порой из одной и той же семьи) формируются различные по своим социально-политическим взглядам политические лидеры. Это могут быть и конформисты, которые «плывут по течению», и те, кто идет «против течения», преодолевая инерцию и сопротивление большинства.

Групповое лидерство. Элитарные теории. В теориях индивидуального лидерства субъектом социального процесса обычно провозглашается отдельный лидер, в теориях группового лидерства — весь господствующий класс или чаще верхушка этого класса. Теории эти весьма близки друг другу, они тесно переплетаются, зачастую пропагандируются одними и теми же теоретиками. Американский социолог Г. Меджид считает, что лидерство — «демократическая формулировка» того же понятия, что и элита (58, 1955, № 2, 35). Действительно, элита обычно рассматривается в буржуазной социологии как каста лидеров. Так, Г. Лассуэлл пишет: «Термин «элита» употребляется в описательной политической науке для того, чтобы очертить социальный слой, из которого вербуются лидеры» (101).

Основателями элитизма считаются итальянские социологи В. Парето и Г. Моска. Парето стремился представить исторический процесс в виде циркуляции элит. Он различал два типа элит: «львы», для которых характерны использование грубой силы и крайний консерватизм, и «лисы», специалисты по обману и спекуляции. Постоянная смена элит — результат того, что каждая из элит обладает преимуществами, которые, однако, с течением времени перестают удовлетворять задачам лидерства. Поэтому сохранение социального равновесия, по мнению Парето, требует постоянной замены одной элиты другой. Деление общества на элиту и массу объявляется им необходимым условием существования цивилизации. Таким образом, характерная черта политической жизни эксплуататорских формаций объявляется атрибутом всякого общества. Здесь снова выступает антиисторизм буржуазных социологов, его антинаучный, реакционный характер.

В элите, утверждал Моска, сосредоточена политическая жизнь общества. Важнейшей задачей политической науки он считал анализ роста, состава и организации элиты. Сторонники таких взглядов коренным образом извращают взаимодействие экономики и политики. Они разделяют взгляд, характерный для домарксовских социологов, которые за политической борьбой партий, лидеров не видели борьбу классов и лежащие в ее основе их экономические интересы. Их классовая ограниченность приводит к тому, что отношения управления и лидерства во всех обществах неизбежно принима-

ют у них форму отношений господства и подчинения, форму насилия.

Элитизм откровенно враждебен демократии. В основе теорий элиты лежит тезис об извечном неравенстве людей, тогда как даже буржуазная демократия признает их равенство (пусть формальное) перед законом. Основа элитизма — полноправие правящего меньшинства. Элитисты оспаривают понимание демократии как «правительства народа и для народа», говоря, что такое правительство неосуществимо на практике, ибо народ некомпетентен в политике, что массы в лучшем случае инертны, а в худшем — в состоянии «буйства» подрывают «устой общества». Моска заявлял, что, с одной стороны, демократия не более чем миф, с другой — этот миф порождает худший вид политической организации: «диктатуру победивших на выборах». Однако уже в начале 30—40-х годов появляется концепция «демократического элитизма», авторы которой стремятся совместить элитизм с признанием буржуазно-демократических институтов.

Ревизию постулатов элитизма произвели Дж. Шумпетер, К. Маннгейм, Г. Лассуэлл. Шумпетер выступил против отождествления демократии с народоправием. Вместо формулы «правление народа» он предложил другую: «правительство, одобряемое народом». Само демократическое правление получает в этом случае элитарную структуру. Правящая элита, по его мнению, существует в любом обществе, в том числе и демократическом. Демократическое правление допускает конкуренцию среди элит за власть. Так выхолащивается сама сущность демократии; демократической именуется политическая структура, в которой народ по сути дела отстранен от управления обществом.

В «рыночной» концепции демократии Шумпетера различные элиты выносят «на продажу» свои программы, а массы «покупателей» во время выборов принимают или отвергают их. Демократия определяется им как политическая система, в которой массы, выбирая между конкурирующими элитами, в определенной мере влияют на политику. По Лассуэллу, демократия отличается от олигархии не отсутствием элиты (якобы необходимой для любого общества), а «закрытым» или «открытым», «представительным» или «непредставительным» характером элиты. Он утверждает, что элита со-

временного западного общества отличается от элиты прошлого тем, что ее члены обладают знанием и умением и поэтому более отвечают потребностям лидерства, чем в свое время рабовладельческая или феодальная аристократия. При этом искажается само понятие демократии, отбрасываются как «демагогические» разговоры о равенстве, молчаливо признается, что народные массы не способны к политической деятельности. «Демократической» называется такая политическая система, в которой лишь элита активно участвует в политической жизни. Причем элита капиталистического общества объявляется Лассуэллом лучшей из элит по сравнению с элитами феодального или рабовладельческого общества, так как она якобы открыта для всех способных людей.

Нельзя не видеть, что «демократический элитизм» существенно отличается от демократических концепций времен нарождавшейся буржуазии. Если раннебуржуазные идеологи рассматривали народ как опору демократии, то современные находят эту опору в «демократической элите», а в народных массах видят угрозу демократии. Сторонники «демократического элитизма» не верят в творческие силы масс, страшатся революционного народа. «Мы должны бояться, что демократия, как в мифе о Сатурне, уничтожит собственных лидеров» и погибнет, предостерегает американский политолог Дж. Сартори.

Элитисты, сохраняя видимость демократии, предлагают массам своего рода «утешение», заявляя, что хотя те и не способны к лидерству, но могут, во-первых, выбирать правящую элиту, а во-вторых, «лучшие» из них имеют возможности пробиться в элиту. Но ведь в буржуазном обществе элита — это определенные слои монополистической буржуазии и не массы решают, из кого она состоит. Народным массам в лучшем случае представляется возможность высказать свое мнение о том, какая из партий капитала будет пребывать у власти очередной срок. Столь же лицемерно и утверждение о возможности «человека массы» пробиться в элиту, которая, даже по признанию самих буржуазных социологов, превратилась в замкнутую касту. По данным Превитта и Стоуна, 90% американской политической элиты рекрутируется из наиболее богатых слоев населения, а выходцы из трудящегося большинства состав-

ляют лишь 1% (122, 235). Как писал Ф. Ландберг, американская элита достигла периода стабильности, и ее представители «рождаются в мантиях» подобно представителям феодальных династий. Крупнейшие богачи, «знать США образуют замкнутые группы, отгороженные от остального мира стенами своих имений, фешенебельных клубов, закрытых для низов», отмечает У. Домхоф (80).

В последние два десятилетия в буржуазной социологии появляются работы, критикующие концепции правящей элиты. Это объясняется тем, что анализ политической структуры США, проделанный Р. Миллсом и другими, разоблачает лицемерный характер буржуазной демократии. В этих исследованиях демократия предстает как фактическое господство элиты, финансовой олигархии. Поэтому некоторые буржуазные социологи пришли к выводу, что удобнее говорить не о единой властвующей элите, а о «распылении власти» и, таким образом, маскировать господство финансовой олигархии. Они требуют отказаться от понятия единой элиты, пригодной, по их словам, для сравнительно низко организованных обществ, и признать множественность элит. Теория элиты зашла в тупик, пишут буржуазные идеологи, число элит возрастает, и само это понятие «становится саморазрушающимся». Их заявления о саморазрушении понятия единой элиты не случайны: в современном обществе они насчитывают множество элит и рассматривают политический процесс как взаимодействие противоборствующих элит. Причем, утверждают они, интересы каждой социальной группы выражает элита. Понятие элиты настолько измельчается, что по существу этот вариант элитарной теории совпадает с концепцией политического плюрализма.

Как известно, сторонники политического плюрализма рисуют социально-политический процесс как конкуренцию, сделку и компромисс между множеством «заинтересованных групп», которые соперничают в борьбе за лидерство. В модели «плюралистической демократии» ни один класс не обладает монополией на лидерство; организации, выражающие интересы того или иного класса, выступают как «группы давления» на государственный механизм, который рассматривается как «бесклассовый». Индивид не участвует в политическом лидерстве, но предполагается, что он может вступить в

организацию, способную оказать воздействие на это лидерство (93, 34).

Вопрос о классовой борьбе, классовой сущности государства буржуазными идеологами тщательно обходится. Сторонники плюралистических концепций власти утверждают, что демократические свободы обеспечиваются не борьбой народных масс, а разногласиями и равновесием элит. Функции «ограничения», «сдерживания» друг друга выполняют политическая, экономическая, бюрократическая, военная элиты; каждая из них представляет собой относительно замкнутую группу, строго охраняющую от аутсайдеров свои прерогативы и привилегии. Этот баланс элит объявляется ими единственно возможным ныне типом демократии. Разделяя элиты по функциональному признаку, буржуазные социологи скрывают их классовую сущность. Они говорят не об эксплуататорском классе, а о раздробленных, изолированных и конкурирующих группировках. При этом «забывается», что все они выполняют одну главную функцию — обеспечение беспрепятственной эксплуатации народных масс монополистической буржуазией.

Несоответствие плюралистической модели реальной политической жизни США и других капиталистических стран вызывает ее критику со стороны ряда буржуазных социологов. Плюралисты утверждают, что индивид может воздействовать на политику через участие в организациях. Но как показали эмпирические исследования самих буржуазных социологов, в США всего 1% опрошенных надеется воздействовать на политическое лидерство через партию и лишь 4% — через любые другие организации, включая профсоюзы. Короче говоря, лишь ничтожное меньшинство «мыслит в терминах плюрализма» (93, 36). Большинство американцев не верят в постулаты плюрализма и ориентируются на индивидуальные действия. И это естественно, ибо в условиях государственно-монополистического капитализма эти организации бюрократизируются и усиливают отчуждение индивида. Только участие в революционных, классовых организациях, прежде всего в марксистской партии, дает возможность трудящимся влиять на политику капиталистического государства.

Утверждая, что в капиталистическом мире правит элита, современные элитисты видят свою задачу не в том, чтобы доказывать это, а в том, чтобы искать пути

«улучшения» элиты. Хотя Т. Дай и Г. Цайглер и считают, что в американских правящих кругах существуют различные группы со своими специфическими интересами, но при этом, замечают они, различия между этими группами касаются второстепенных вопросов, тогда как в основных, наиболее важных для поддержания существующей социально-политической системы пунктах интересы элитных групп совпадают, между ними царит согласие, «концензус».

Властвующая элита, или элитный плюрализм,— центральный вопрос буржуазной социологии в полемике о структуре власти в капиталистических странах. Дай и Цайглер, подытожив эту полемику, дают следующие модели политических структур (81, 11—12). Согласно теории элитного плюрализма, в «современном индустриальном обществе» различия между элитой и массой стираются, обладание искусством управления, знание демократических процедур открывают массам доступ к политическому лидерству (богатство и экономическая власть лишь возможные пути к политическому лидерству). Сторонники элитного плюрализма утверждают, что имеется множество элит, осуществляющих лидерство в той или иной конкретной области; существует конкуренция элит, а политика состоит в том, чтобы достичь компромисса между конкурирующими группами; массы оказывают давление на элиты, используя механизм выборов.

Модель структуры власти, предлагаемая неозелитистами, имеет иной вид: различия между элитой и массой выражены здесь явно. Элита контролирует экономические ресурсы общества, основную часть ее образуют магнаты промышленного и финансового капитала; правящая элита осуществляет реальное лидерство всеми сферами жизни, включая экономику, военные отрасли, внешнюю и внутреннюю политику. Несмотря на временные разногласия, члены элиты едины в вопросе о сохранении общественной системы; элита не подвержена влиянию масс или подвержена ему в малой степени.

Несмотря на некоторые разногласия в трактовке политической власти, сторонники той и другой концепции боятся роста активности трудящихся и расходятся только в путях ее сдерживания. Прежде всего они борются против марксистской теории классовой борьбы. Они утверждают, что основные конфликты в обществе развер-

тываются не между классами, а между элитами: меньшинством, удерживающим власть, и другим меньшинством, идущим к власти. Их концепция направлена против революционных движений: «главное в истории не революции, а скорее повседневное выполнение элитами серьезных задач и незаметные, но важные изменения в составе правящих групп» (122, 23).

Характерной чертой названных моделей распределения власти является третирование народных масс как пассивной, ведомой силы, неспособной к лидерству. «Демократия,—пишут Дай и Цайглер,—это власть народа, но ответственность за выживание демократии лежит на плечах элит. Это ирония демократии: элиты должны править мудро, чтобы «власть народа» выжила. Если бы жизнеспособность американской системы зависела от активности, информированности и просвещенности граждан, то демократия в Америке исчезла бы уже давно, ибо массы апатичны и дезинформированы политически, они удивительно мало привержены демократическим ценностям... Но, к счастью, для этих ценностей и для американской демократии массы не ведут, они лишь следуют за элитой» (81, 4). Итак, «демократия», боящаяся народа. Такова «ирония» буржуазной демократии.

Буржуазные социологи пытаются совместить элитизм не только с демократией, но и с идеей социальной справедливости. М. Янг и Д. Белл создали теорию «элиты заслуг», или «меритократии». Элита, утверждают они, необходима для любого общества. Но современная элита Запада — это «усовершенствованная элита», элита компетентности, которая объединяет наиболее достойных людей, и подчиняться ее лидерству не зазорно. Предложенная ими типология элит выглядит следующим образом: «элита крови» (в доиндустриальных структурах), «элита богатства» (в «индустриальном обществе»), «элита знаний» (в «постиндустриальном обществе»). Белл повторяет технократические теории о том, что в условиях научно-технической революции буржуазия оттесняется на второй план, решающую роль играют эксперты, ученые, и поэтому революция не нужна, ибо «постиндустриальный строй» — это строй «современно понимаемой справедливости»: он поощряет тех, чей вклад в социальный процесс наибольший, т. е. лидеров знаний, людей, «признанных лучшими в своей

сфере» и законно пользующихся почетом и престижем (69, 454).

В условиях капитализма богатство, статус, власть проистекают из одного источника — из отношений капиталистической собственности и измеряются одной мерой — способностью защищать эти отношения. Идея меритократии не только утопична, но и реакционна. Она призвана скрыть глубокий конфликт между наемным трудом и капиталом, а также между монополиями и творческой интеллигенцией, протестующей против системы идеологического манипулирования.

Бюрократизация лидерства. Лидер или «человек организации»? Господство монополистических бюрократических организаций не может не оказать существенного воздействия на характер лидерства в капиталистическом обществе. В бюрократической системе, пишет Ю. Дженнингс, роль лидера идентифицируется с положением, которое он занимает в иерархии. «В обществе, становящемся бюрократическим, как наше общество, великий человек подчинен квалифицированному человеку. Исполнитель сбросил с трона лидера» (107, 28). Одни буржуазные социологи опасливо относятся к бюрократическим гигантам, завладевшим жизнью капиталистических стран, другие говорят о них как о неизбежном зле, третьи восхваляют их как форму управления, адекватную «современному обществу», четвертые критикуют их с позиций романтизированного раннего капитализма. Не случайно Дженнингс жалуется, что в условиях, когда бюрократические институты поработили человека, определяя его сознание, «даже само индивидуальное лидерство стало рассматриваться как романтический пережиток прошлого» (107, 29), оно заменено лидерством, осуществляемым штабом бюрократической организации.

Классическим буржуазным исследованием влияния бюрократических учреждений на личность современного американца является книга У. Уайта «Человек организации». Уайт пишет, что современная бюрократическая организация не терпит незаурядных людей, нонконформистов, гениальных лидеров; в бюрократизированном обществе «хорошо сыгранная команда» ценится выше блестящих умом людей (136, 225). Уайт проводит различие между лидером и администратором: администратор управляется организацией, выполняет функции,

предписанные ею; лидер определяет направление и характер организации. Но именно администратор-конформист, человек организации, безлико осуществляющий установленные функции, и становится обычно во главе этой организации. И Уайт уныло констатирует: «Бюрократ как герой — новое явление для Америки» (136, 83).

Стремление лидера уйти от ответственности, безоговорочное принятие им принципов и целей бюрократической организации, описываемые Уайтом, отражают существенные тенденции развития современного капитализма, прежде всего его бюрократизацию. Как отмечает Гэлбрейт, «связав себя с группой, ее участник находит привлекательными для себя ее цели или подчиняется им. Эти цели заменяют ему собственные цели. Он видит преимущества — доступ к источникам власти и влияния, — связанные с заменой собственных целей на более скромное положение в крупной организации» (22, 187). Организация, по мнению Гэлбрейта, позволяет ее лидеру расширить сферу влияния, «более высокое положение в иерархии способствует укреплению иллюзии власти» (22, 201). Типичным современным буржуазным лидером и оказывается человек организации (а по образцу монополистической корпорации строится и государственное учреждение). Лидер становится частью бюрократического аппарата, его воля, наклонности приносятся в жертву тому, что Уайт называет «групповым интересом» и что на деле является интересом монополистов, владельцев организации.

Бюрократизация — неизбежный продукт государственно-монополистического капитализма. Это признают и многие буржуазные социологи. Э. Фромм называет американское общество «всеобъемлющим бюрократизованным индустриализмом», где «человек умер», а живы организации и машины, поработившие людей. Большинство буржуазных социологов объявляют бюрократизм фатальным следствием технического прогресса. Ими принимается веберовская теория бюрократии как идеального типа управления, когда рациональность и обезличенность достигают максимальной степени. Бюрократия в веберовской концепции — наиболее эффективный способ управления высокодифференцированным обществом, из которого изгоняются личностные, эмоциональные отношения.

Бюрократия означает централизацию лидерства.

расчленение его на элементарные операции и закрепление их в правилах, безличность отношений управления, иерархичность, подчинение бюрократическому лидеру. (А распространенное понимание бюрократии как затягивание дел, рутинерства и т. п. рассматривается как вульгарное.)

Так понимаемое бюрократическое лидерство «эффективно» лишь с позиций манипулятивного управления, оторванного от народных масс и противопоставленного им. Именно бюрократия создает видимость «компетентности» лидерства, беспристрастности, даже «таинственности», а институтизированные процедуры — впечатлительные фатальности, неотвратимости.

Однако положение об эффективности бюрократического лидерства неверно и по отношению к структуре самого управления: формализм, тщательно соблюдаемая субординация, ритуал, косность, ориентация на ожидание «руководящих указаний» со стороны не самых компетентных, но самых высокопоставленных лиц, подавление инициативы снизу далеко не рационально даже с точки зрения сторонников буржуазной теории менеджмента. Становится все более ясным, что бюрократические формы приходят в противоречие с содержательными функциями управления, требующими гибкой структуры управленческих органов. Еще Вебер отмечал дуализм бюрократии: с одной стороны, она требует компетентного лидерства, с другой — лидерство в бюрократических организациях основывается на иррациональных предпосылках: подчинение рассматривается в известной мере как самоцель, вышестоящему подчиняются не в силу его особых знаний, а потому, что он занимает определенный пост.

Глубокое противоречие между лидерством, основанным на компетентности, и лидерством, основанным на пребывании в должности, отмечают и современные буржуазные авторы. Лидер в бюрократической системе, утверждают они, — это отнюдь не выдающаяся личность, это конформист, приспособленец, только более ловкий. Например, Дженнингс бюрократизированное лидерство считает фатальным следствием научно-технического прогресса, поэтому он рекомендует лидерам «жить в гармонии с прессом организации», не будучи абсорбированным ею (107, 233). Он признает, что в условиях «тотальной бюрократизации» выбор решений лидером рез-

ко ограничен, он все меньше имеет возможностей проявить свое «я» и жалуется на то, что создалась «имперсональная система лидерства», что тип людей, процветающих в современном обществе,— это «сверхорганизованные» люди.

Именно с бюрократизацией многие буржуазные исследователи связывают «упадок лидерства» в капиталистическом обществе, «измельчание лидеров», падение их престижа. Они констатируют, что «мало кто из наших лидеров служит великим целям. Все слишком часто выбирают цели, в которых получает выражение культурный стереотип лидерства» (107, 145); в результате «лидер убивает себя как личность», идя по пути группы и погружаясь в «анонимный социальный процесс».

Подобная индивидуалистическая критика процесса бюрократизации лидерства, избегающая ставить вопрос о классовой природе этого явления, имеет консервативно-романтический оттенок и бьет мимо цели. Теоретики лидерства в условиях современного капитализма ставят задачу подчинить людей бюрократическим организациям, превратить их в адептов капитализма, принимающих заданные организацией цели и ценности, выполняющих ее предписания. Иначе говоря, лидерство все более превращается в манипуляторство, порой закамуфлированное, но неизменно наталкивающееся на скрытое или явное сопротивление масс.

Кризис лидерства в капиталистическом мире и американское президентство. Проблема кризиса лидерства в капиталистическом мире, и в Соединенных Штатах в частности, давно уже вышла за рамки специальных политологических исследований. Американская пресса неоднократно отмечала (особенно в связи с «уотергейтским делом»), что никогда еще лидерство не падало так низко в глазах масс, не было столь непопулярным (62, Febг., 16, 1975). Обратимся к статистике. Согласно данным опроса, проведенного группой кембриджских социологов, в США в 1972 г. 38% избирателей считали, что их лидеры говорят им неправду. В 1974 г. эта цифра возросла до 55%, а в конце 1975 г. составила уже 68% (см. 8, 7. VIII, 1976).

Престиж политического лидерства невысок и в глазах американской политической элиты. В 1975 г. журнал «Ю. С. Ньюс энд Уорлд Репорт» провел опрос бо-

лее 1000 видных политических деятелей, которым задавался вопрос: как Вы характеризуете современное лидерство по сравнению с периодом после второй мировой войны? Ответы:

- Сейчас намного лучше — 4,1 %.
- » несколько лучше — 12,0 %.
- » почти одинаково — 22,8 %.
- Сейчас намного хуже — 20,3 %.
- » несколько хуже — 40,1 %.

Не высказали мнения — 0,7 % (63, 1975, № 16, 33).

Еще в 1970 г., в разгар вьетнамской войны, журнал «Ньюсуик» писал: «Редко бывало, чтобы граждане страны были так разделены, их доверие к своим лидерам настолько подорвано» (цит. по: 6, 27, VIII, 1970). Громкие политические скандалы, разразившиеся в капиталистическом мире, приоткрыли завесу, скрывавшую от широкой публики сущность политического лидерства. Разоблачение скандальных операций американских корпораций «Локхид», «ИТТ», «Боинг» (апогеем которых был арест бывшего японского премьер-министра Танаки, компрометация высокопоставленных западноевропейских политических деятелей) показало, что подкуп лидеров широко распространен в капиталистическом мире. Собственно, коррупция не новое явление среди буржуазных лидеров. Новым являются лишь масштабы этой коррупции. Тема кризиса и нестабильности лидерства не сходит со страниц западной прессы со времени убийства братьев Кеннеди и уотергейтского позора, краха интервенции США во Вьетнаме, скандальных разоблачений ЦРУ с планами убийств иностранных политических лидеров и ФБР с его полицейской слежкой за гражданами своей страны.

Известно, что в 70-х годах слово «кризис» стало дежурным, постоянно присутствующим на страницах буржуазной печати. Кризис экономический, валютный, энергетический, экологический, духовный... К этому добавился и кризис лидерства. Один кризис наслаивается на другой, отмечает американский историк А. Шерман. Он пишет: «Все обесценено. Не только доллар. Обесценены качества человека, способного быть лидером, обесценена личность» (129, 395).

Эти кризисные явления глубоко взаимосвязаны, все они проявления общего кризиса капитализма, свидетельство внутренней обреченности отживающего строя. Но

апологеты капитализма, разумеется, не могут с этим согласиться; их цель — объяснить эти кризисные процессы какими-то частными, привходящими моментами, не затрагивающими сущности самой капиталистической системы. Поэтому и рецепты преодоления кризиса лидерства не могут не быть паллиативными. Задача апологетов капитализма — спасти защищаемую ими систему, канализировать недовольство масс в направлении, безопасном для системы.

Один из способов этого — свалить всю ответственность на отдельных неумелых лидеров (и тем самым принести их в жертву во имя спасения системы). Пожертвовав непопулярной партией или скомпрометировавшим себя лидером — Никсоном, Агню, Танакой или Румором, — буржуазные политики хотели бы отвлечь внимание масс от подлинных причин их «ошибок», «злоупотреблений». Капитал готов идти на любые жертвы, чтобы отвести удар от себя.

Во время предвыборных кампаний политические группировки соревнуются в умении дискредитировать друг друга. Все неудачи сваливаются на отдельных лидеров, капитал остается в тени. Налицо стремление свести пороки капитализма к субъективным ошибкам лидеров, чтобы сохранить возможность разрешения очередного кризиса путем передачи власти из рук одного лидера в руки другого.

Видя «спасение цивилизации» (разумеется, буржуазной) в «возрождении лидерства» (70, IX) и не находя «великих созидательных лидеров» в современном капиталистическом мире, буржуазные социологи называют кризис лидерства ключевой проблемой западного общества. Чаще всего они указывают на две причины «ослабления лидерства». Первая, по их мнению, заключается в том, что общественное мнение сковывает «свободу» буржуазных лидеров, снижает эффективность их деятельности. У Липпман назвал «несчастьем» положение, при котором лидеры вынуждены оглядываться на «неквалифицированную массу»¹, когда масса «тиранически

¹ Интересно, что Дж. Кеннеди в 1956 г., тогда еще сенатор, в книге «Очерки политического мужества» полемизировал с Липпманом, который утверждал, что в США преуспевают политические лидеры, лишь по видимости сильные духом, а на деле добивающиеся успеха в том случае, если они «задабривают, умиротворяют, подкупают», делая все для получения поддержки большинства. По Кенне-

господствует над лидером» (114). Выход усматривается «в свободе рук» для буржуазных лидеров.

Вторая причина — в бюрократизации лидерства, которая в наибольшей степени коснулась именно политического лидерства. Бюрократическая организация не терпит незаурядных личностей, она порождает тенденцию «бегства от ответственности личного лидерства» (107, 219), которая привела к тому, что наш век стал «веком без героических лидеров», считают Шлезингер и Дженнингс. Последний встревожен ростом «молчаливой, но активной враждебности к лидерству» (107, 17).

Но правильно ли говорить о лидерстве вообще? Не точнее ли сказать о лидерстве в условиях государственно-монополистического капитализма, которое воплощает гнетущую власть монополий над личностью?

Называя бюрократию главной причиной падения популярности лидерства, французские журналисты П. и Р. Госсе в книге «Никсон, нелюбимый», писали: «Никсону мешает американская бюрократия, затрудняющая его лидерство... Как он сам говорил, «у нас есть три партии — республиканцы, демократы и бюрократы»» (91, 212). Проблема бюрократизации лидерства в капиталистическом обществе стоит весьма остро. Можно согласиться с Ан. Громыко, который пишет: «... американский президент, приступая к своим обязанностям, сразу же подпадает под непосредственное влияние буржуазного государственного аппарата. Ему приходится, если он хочет быть в курсе внутренних и внешних событий, почти ежедневно изучать десятки докладных, подготовленных в недрах различных министерств и ведомств... Его «информируют» и «просвещают», ему «подсказывают»... Отсюда — «скованность его взглядов»» (21, 276).

Особое внимание в буржуазной политологической литературе, прежде всего американской, уделяется президентству США как лидерству¹, особенно в последние

ди, дело политического лидера — руководить общественным мнением, направлять ведомых и, если лидер убежден в своей правоте, подчас игнорировать мнение большинства. Он взывал к «политическому мужеству» лидера.

¹ Еще В. Вильсон в книге «Лидеры человечества» (1890 г.) обосновывал рост внутреннего и международного престижа президента США как лидера великой державы. Он писал, что стоит президенту США «вызвать однажды восхищение и доверие страны, и никакая другая сила не сможет оказать ему сопротивление» (139, 68).

годы, которые, по словам вице-президента США У. Мондейла, знаменовались кризисом президентства как института «морального лидерства» (116, 33). Ю. Дженнингс пишет: «Позиция президента еще никогда не была так ответственна, но она серьезно снижается кабинетной позицией, заседаниями, группами советников, которые помогают президенту выработать решение... Институты и бюрократия имперсонифицируют взгляды президента» (107, 17). Одна американская газета писала в начале 60-х годов, что история современного американского президентства показала, что президентом может быть кто угодно (имея в виду бесцветную личность Трумэна)¹ и вообще никто (имея в виду Эйзенхауэра, который предпочитал игру в гольф государственным делам, переверяя их другим)². А. Э. Корнуэлл утверждает, что «институт президента функционирует самостоятельно в любом случае, и тогда, когда верховный администратор находится на месте и проявляет активность, и тогда, когда он бездействует» (цит. по: 25, 313).

Усиление исполнительной власти, рост вмешательства государства и его полицейского аппарата во все сферы общественной и даже личной жизни — устойчивая тенденция политической жизни капиталистических стран последних десятилетий. Вот уже несколько лет американские политологи обсуждают проблему усиления власти президента и последствия этого. Хотя особой остроты дискуссия достигла в годы правления Никсона, тенденция эта сложилась значительно раньше. Известно, что Дж. Кеннеди был сторонником усиления президентской власти, которая, по его мнению, была ослаблена в период президентства Трумэна и Эйзенхауэра. По Дж. Кеннеди, президент призван быть «верховным администратором в полном смысле этого слова. Он должен быть готов к отправлению власти, как предусматриваемой конституцией, так и некоторых функций, ею не предусмотренных» (цит. по: 83, 66). Больше того: «Если Вашингтон является столицей свободного мира, — считал он, — президент США должен быть его лидером» (цит.

¹ Сам Трумэн признавал: «В Соединенных Штатах есть, вероятно, миллион человек, которые выполнили бы обязанности президента лучше меня» (цит. по: 126, 125).

² Эйзенхауэр был склонен передавать президентские полномочия членам кабинета и требовал, чтобы его «не беспокоили по пустякам» (см. 25, 306).

по: 83, 69). Дж. Кеннеди неоднократно подчеркивал, что важнейшие решения в области внутренней и внешней политики он принимает лично.

Л. Джонсон также стремился усилить власть президента, хотя его непопулярное президентство способствовало подрыву доверия к вашингтонской администрации. Известна роль Джонсона в развязывании США войны во Вьетнаме (по конституции США объявление войны — прерогатива Конгресса, который ее формально не объявлял). В условиях войны, требовавшей большой секретности и быстрых решений, усиливалась исполнительная власть в ущерб законодательной. Это еще более характерно для президентства Никсона, который сузил круг лиц, принимавших важнейшие решения, и опирался на группу своих ближайших помощников. «Концентрация принятия решений в Белом доме знаменует собой самый значительный рост президентской власти за послевоенный период» (95, 183).

Осенью 1974 г. в Лос-Анджелесе состоялась конференция на тему. «Кризис американского президентства». Острая дискуссия развернулась вокруг доклада У. Мондейла, который требовал поднять престиж законодательных органов и предоставить им бóльшую возможность конкурировать с могущественным лидерством президента, ограничить неправомерное использование президентом ФБР и ЦРУ, которое представляет опасность для конституционных свобод; в то же время он признал необходимость «сильной президентской власти» (116, 33).

Кампания против усиления единолично президентского лидерства особенно широко развернулась после «уотергейтского дела». Появились даже предложения об изменении конституционных основ президентства (84). Шлезингер в книге «Имперское президентство» пишет, что Никсон стремился ослабить влияние Конгресса, передать его полномочия президенту (см. 131, 246). Признавая, что традиционная система разделения власти не работает, если какая-либо из ее частей превалирует (законодательная, исполнительная или судебная), он утверждает, что в настоящее время приоритет исполнительной власти превратил лидерство президента в «превосходство президента» (131, 8). Шлезингер оговаривается, что он не против сильного президента, он лишь констатирует, что «президентство вышло из-под контроля. . . надо найти нечто среднее между превращением президента в мо-

нарха или марионетку. Нужна сильная президентская власть, но в рамках конституции» (131, 10).

Он соглашается с мнением о том, что «президент должен быть лишь исполнителем решений, которые принимает Конгресс» (131, 401), выступая против приоритета президентского лидерства. Вывод Шлезингера не выходит за пределы традиционного либерализма: «чтобы сильное президентство оставалось конституционным, необходима не только система политических противовесов, но и бдительность нации, иначе американскому народу будет навязано имперское президентство» (131, 418).

Можно согласиться с Л. Сафиром, писавшим в журнале «Ринашита», органе Итальянской компартии, что со времени убийства Кеннеди выявился глубокий кризис президентской власти. Кеннеди, Джонсон и особенно Никсон «стремились к личному лидерству, в их лидерстве просматриваются авторитарные тенденции». Сафир пишет, что почти два века американцы верили, что сам президентский пост благодаря его суровому величию возвышает, даже преображает того, кто его занимает. Президент США одновременно премьер-министр, монарх и папа, т. е. политический глава, воплощающий законность и высший моральный авторитет... Ныне этот миф развеялся.

Буржуазные социологи почти единодушно констатируют кризис лидерства в капиталистическом обществе. Они связывают его с бюрократизацией, с растущей безликостью, анонимностью лидерства, с бездушным манипуляторством, с неспособностью буржуазных «духовных лидеров» выработать идеи, которые были бы привлекательными для масс. Однако они не желают признать, что кризис лидерства в капиталистическом обществе есть одно из проявлений общего кризиса капитализма. Реакционный, умирающий класс не может поставить на научную основу руководство обществом, он лишь приспособливается к обстановке, всеми средствами пытается удержать свои привилегии. Кризис буржуазного лидерства—следствие краха антинародной системы, основанной на эксплуатации человека человеком. Глубина этого кризиса отчетливо видна при сравнении этой системы с социализмом—строим подлинного народовластия.

Заключение

В условиях социализма принципиально изменилось содержание управления обществом. Нормой отношений здесь стали товарищеское сотрудничество и взаимопомощь свободных от эксплуатации людей, социальный антагонизм между руководителем и подчиненными сменился взаимным уважением, взаимопониманием.

Именно в условиях социализма проявились организационные таланты сотен тысяч людей из народа, которые подавлял, калечил капитализм. «Организаторских талантов в «народе», т. е. среди рабочих и не эксплуатирующих чужого труда крестьян, масса; их тысячами давил, губил, выбрасывал вон капитал», — писал В. И. Ленин (2, 36, 193). Он считал «гнусным предрассудком» взгляды идеологов эксплуататорских классов на государственное управление как на таинство, доступное лишь немногим. В. И. Ленин учил: «Как можно осторожнее и терпеливее испытывать и распознавать настоящих организаторов... выдвигать на ответственные посты» (2, 36, 193, 194).

Коммунистическая партия видит свою важнейшую задачу в том, чтобы воспитывать настоящих руководителей, выявлять в массах организаторские таланты, ставить их на службу народу. В. И. Ленин писал о необходимости широкого сочетания при социализме демократизма снизу с авторитетом и ответственностью руководителя за конкретную работу, о важности соединения демократизма трудящихся масс «с *беспрекословным повиновением* — воле одного лица, советского руководителя, во время труда» (2, 36, 203). Он раскрыл особенности руководства в зависимости от уровня развития коллектива: подчинение воли тысяч воле одного «может, при идеальной сознательности и дисциплинированности участников общей работы, напоминать больше мягкое руководство дирижера. Оно может принимать резкие формы диктаторства, — если нет идеальной дисциплинированности и сознательности» (2, 36, 200).

Для социализма характерен подлинно демократический, коллективистский тип лидерства, ибо он отражает специфику социального строя, основанного на общест-

венной собственности на средства производства, где народные массы являются хозяевами своей жизни. Деятельность руководителя в социалистическом обществе контролируется партийными, общественными организациями, коллективами. Лидер призван способствовать проявлению инициативы масс, активному участию членов коллектива в решении любых проблем. Задача лидера — создание необходимых объективных и субъективных условий для оптимального развития коллектива, его воспитания, для формирования коммунистического отношения к труду. Однако в зависимости от особенностей коллектива и стоящих перед ним задач, уровня его развития, особенностей личности руководителя стили лидерства могут различаться. Встречаются и пережитки чуждых социализму стилей руководства: голое администрирование, грубый окрик, угроза. Общественные организации и коллективы трудящихся выступают против подобных стилей руководства.

В условиях социализма члены коллектива активно участвуют в обсуждении и принятии решений, лидер выполняет коллективную волю. Известно, что коллективные решения проводятся в жизнь с большей настойчивостью, чем те, которые единолично принимаются лидером.

Умелый лидер не тот, который говорит: «Я требую», а тот, который помогает или подсказывает самим членам коллектива оптимальные решения и борется за их претворение в жизнь. Эффективность лидерства измеряется не количеством прямых распоряжений (скорее тут зависимость обратно пропорциональная), а умением создать такой климат, при котором подчиненные принимают правильное решение как бы без прямого участия лидера.

Лидер не должен подвергать подчиненных мелочной опеке, он работает со свободными, творческими людьми; поэтому он не должен стремиться слишком детализировать свои указания, чтобы не лишать исполнителей инициативы, находчивости. Порой бытует мнение, что «сильный лидер» может решить все проблемы. Что же, с приходом такого лидера с жестким требовательным характером на определенном этапе может возрасти эффективность деятельности, но не будет достигнуто главное — не повысится активность людей. А основная задача лидера — индуцировать активность, устранять

пассивность, вовлекать всех членов группы в управление ею. Не следует уповать на то, что «сильный лидер» избавит коллектив от трудностей, конфликтов; надо возлагать надежды не на лидера, а на научную систему управления, которой бы руководствовался лидер в своей деятельности. Именно на это ориентируют нас ленинские принципы организации управления социалистическим обществом.

Можно отметить, что ряд психологических проблем лидерства, которые исследуют советские и буржуазные социологи, по тематике совпадают (исследование стилей лидерства, формального и неформального лидерства, отдаленного и «близкого», социометрические измерения лидерства и т. д.). Но и по своим установкам и по выводам они оказываются принципиально различными. Это и неудивительно. Одно дело — лидерство в условиях частнособственнических отношений, отношений угнетения и эксплуатации, и другое — лидерство в условиях социализма. Задачи лидерства в капиталистическом обществе в целом инструментальны: использовать группу (имеется в виду производственная группа) для обеспечения максимальных прибылей, повысить производительность труда в интересах капиталиста. И буржуазные теории лидерства оказывают помощь капиталу в эксплуатации трудящихся. Управление и лидерство в эксплуататорском обществе помимо функции согласования, координации навязывают волю господствующего класса посредством систематического насилия и идеологической обработки трудящихся масс.

В условиях социализма задачи и функции лидера в производственном коллективе принципиально иные. Ими являются сплочение, воспитание членов коллектива, стремление помочь им найти себя, выявить и реализовать свои творческие потенции. Функции руководителя производственного коллектива при социализме не могут ограничиться только обеспечением повышения производительности труда и налаживанием контактов между людьми (это в сущности может обеспечить и менеджер на капиталистическом предприятии), его задачи несравненно сложнее — воздействовать не только на производственный процесс, но и на духовную жизнь людей, повышать их идейность, способствовать превращению их в субъекта социального процесса.

Борьба за построение социализма и коммунизма

требует от рабочего класса и его партии четкой организованности, единства действий, героизма. Никогда в истории ни один класс не ставил таких великих созидательных задач, как пролетариат. Вожди рабочего класса являются руководителями трудящихся масс, выразителями их интересов. В прошлом ограниченность вождей эксплуатируемых масс была связана с незнанием ими законов общественного развития; только вожди пролетариата смогли возвыситься до понимания этих законов, сумели научно обосновать цели трудящихся масс, пути и средства их достижения. Только организованный авангард пролетариата — его партия смогла возглавить и объединить народные массы, организовать их на борьбу за коренное переустройство социальных отношений. Как отмечал В. И. Ленин, «в этой организации миллионов трудящихся и заключаются наилучшие условия революции, самый глубокий источник ее побед. Эта черта пролетарской революции и выдвинула в ходе борьбы таких вождей, которые всего больше воплотили эту невиданную раньше в революции особенность — организацию масс» (2, 38, 74—75).

С выходом на историческую арену рабочего класса — самого передового, последовательно революционного класса — им были выдвинуты величайшие вожди и мыслители человечества — К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин. Они явились творцами научного мировоззрения рабочего класса, вождями мирового рабочего движения. Их отличало умение предвидеть ход социального развития, постоянно обращаться к опыту масс. Эта неразрывная связь с массами определила успех их деятельности. Создав стройное учение о партии, они раскрыли новую закономерность общественного развития — руководство массами не отдельными лидерами, как бы ни были они гениальны, а сплоченным коллективом передовых людей класса, боевого союза единомышленников — коммунистов.

Лидеры эксплуататорских классов стоят над массами, проводят политику, противоречащую их коренным интересам. Вожди рабочего класса, напротив, выражают коренные интересы трудящихся масс. Основоположники марксизма-ленинизма глубоко верили в разум и творческие силы народа. В. И. Ленин учил, что только тот победит и удержит власть, кто верит в народ, кто окупнется в родник живого народного творчества. Марк-

сизм непримиримо враждебен обожествлению вождей, попыткам представить их непогрешимыми. «Вожди рабочих не ангелы, не святые, не герои, а люди, как все. Они делают ошибки. Партия поправляет их» (2, 21, 409). Высказывая свое отношение к попыткам идеализации личности руководителей массовых движений, Маркс и Энгельс писали: «Было бы весьма желательно, чтобы люди, стоявшие во главе партии движения,— будь то перед революцией, в тайных обществах или в печати, будь то в период революции, в качестве официальных лиц,— были, наконец, изображены суровыми рембрандтовскими красками во всей своей жизненной правде. Во всех существующих описаниях эти лица никогда не изображаются в их реальном, а лишь в официальном виде, с котурнами на ногах и с ореолом вокруг головы. В этих восторженно преображенных рафаэлевских портретах пропадает вся правдивость изображения» (1, 7, 280).

Классики марксизма-ленинизма решительно выступали против культа личности политического вождя, независимо от заслуг последнего. К. Маркс, подчеркивая неприязнь к культу вождей, писал, что при вступлении его и Ф. Энгельса в общество коммунистов было обусловлено, чтобы из устава было выброшено все, что содействует суеверному преклонению перед авторитетами.

Марксизм выступает как против преувеличения роли политического руководителя в историческом процессе, так и против анархистского отрицания роли вождей. Принижение роли политических руководителей В. И. Ленин классифицировал как проявление детской болезни «левизны». Трудящиеся массы во главе с рабочим классом и его революционным авангардом способны выполнить всемирно-исторические задачи революционного переустройства общества, лишь выдвигая закаленных, проверенных в делах, тесно связанных с массами политических лидеров.

Принцип коллективности руководства, широкое развитие социалистического демократизма отнюдь не отрицает роли и ответственности руководителя за порученное ему дело. В. И. Ленин писал: «Масса должна иметь право выбирать себе ответственных руководителей. Масса должна иметь право сменять их, масса должна иметь право знать и проверять каждый самый малый шаг их деятельности. Масса должна иметь право

выдвигать всех без изъятия рабочих членов массы на распорядительные функции. Но это несколько не означает, чтобы процесс коллективного труда мог оставаться без определенного руководства, без точного установления ответственности руководителя, без строжайшего порядка, создаваемого единством воли руководителя» (2, 36, 157).

Решительно выступая против культа личности, Коммунистическая партия в то же время считает необходимым поддерживать и укреплять авторитет руководителей в коммунистическом движении. Недопустимо смешивать с культом личности заслуженный авторитет руководителей, борющихся за коренные интересы трудящихся. В. И. Ленин указывал: «Марксисты не могут стоять на обычной точке зрения интеллигента-радикала с его якобы революционной отвлеченностью: «никаких авторитетов».

Нет. Рабочему классу, ведущему во всем мире трудную и упорную борьбу за полное освобождение, нужны авторитеты» (2, 14, 226).

Социалистические производственные отношения требуют строжайшей личной ответственности в руководстве народным хозяйством; управление сложными производственными процессами требует в качестве руководителей людей авторитетных, обладающих специальными знаниями и координирующих, направляющих деятельность производственных коллективов на решение стоящих перед ними задач. Как писал Ленин, интерес социализма «требует *беспрекословного повиновения масс единой воле* руководителей трудового процесса» (2, 36, 200). Именно опыт, знания, способности, личный авторитет отдельных тружеников дают возможность обществу поручить им функции руководства. Демократический централизм — главный принцип социалистического управления — позволяет оптимально сочетать единоначалие с активным участием трудящихся в управлении производством.

Коммунистическая партия уделяет огромное внимание воспитанию руководителей. «Наше общество кровно заинтересовано в том, — отмечает Л. И. Брежнев, — чтобы на управленческих должностях — идет ли речь о советских или хозяйственных органах, об учреждениях культуры, общественных организациях — находились преданные делу социализма, компетентные и способные

люди, хорошие организаторы, обладающие чувством нового, простотой и доступностью, умеющие вести за собой коллектив и в то же время учиться у него» (5, 74). Таковы высокие требования к руководителю в социалистическом обществе.

В современных условиях особенно важен комплексный, системный подход к проблеме руководства в единстве его социально-политических, экономических, идеологических аспектов. Большое внимание было уделено проблемам руководства на XXV съезде КПСС. В Отчетном докладе ЦК КПСС дана развернутая характеристика современного руководителя, подчеркнута необходимость научного подхода к проблемам управления.

«Современный руководитель должен органически соединять в себе партийность с глубокой компетентностью, дисциплинированность с инициативой и творческим подходом к делу. Вместе с тем на любом участке руководитель обязан учитывать и социально-политические, воспитательные аспекты, быть чутким к людям, к их нуждам и запросам, служить примером в работе и в быту... Нельзя оставлять на руководящей работе людей, которые проявляют безответственность, живут старым багажом, полагая, что должность сама по себе обеспечивает им авторитет и уважение» (4, 70 — 71).

Социализм радикально демократизирует институт руководства. Прежде всего он в огромной мере расширил число людей, являющихся, несомненно, историческими деятелями, выдающимися руководителями. Это связано с тем, что при социализме коренным образом изменилось положение людей труда, который стал делом чести и славы, доблести и геройства. Исторические личности, выдающиеся лидеры отныне не только политические деятели, деятели культуры или науки, это и новаторы производства, изобретатели, рационализаторы, победители социалистического соревнования. Вся страна в 30-е годы знала таких зачинателей движений, как шахтер А. Стаханов, машинист М. Кривонос, трактористка П. Ангелина, а ныне — сельский механизатор Н. Гиталов, строитель Н. Злобин; это — подлинные герои нашего времени.

Важным показателем демократичности лидерства является возможность трудящегося человека стать государственным руководителем. В классово антагонистическом обществе государственные лидеры — это вы-

ходцы из привилегированных господствующих классов или те немногочисленные выходцы из «низов», которые интегрируются «верхами» и выражают их интересы. Система различных привилегий, неравенство в получении образования и т. д. служат здесь надежным барьером, преграждающим путь представителям рабочего класса, крестьянства к государственному руководству. Социализм сметает эти барьеры. Подлинный демократизм социалистической общественной системы и выражается, в частности, в том, что у руководства делами страны стоят наиболее талантливые, передовые представители народа.

Выборочные социологические исследования показывают, что в СССР свыше половины директоров заводов и руководителей промышленных министерств начинали свой трудовой путь с рабочих профессий. Вот перечень профессий членов Правительства СССР, которые руководят различными отраслями народного хозяйства страны (данные А. Левикова, см. 8,5.XII.1975): рабочий маслозавода, наладчик автоматов, ученик слесаря, надсмотрщик телеграфа, помощник машиниста паровоза, летчик, слесарь, инженер, электромонтер, столяр, сменный химик, механик, плотник, старший инженер, подручный мастера, машинист хлопкозавода, чертежник, выборщик породы, чернорабочий (любопытно, что чернорабочим начинал свою деятельность руководитель одной из ведущих в условиях НТР отраслей промышленности — министр электронной промышленности СССР А. И. Шокин).

Интересно сравнить эти данные с данными опроса 576 управляющих высшего ранга в западноевропейских странах. Среди них выходцев из «высших кругов» — 85,5% (Франция), 72,5 (ФРГ), 82,3 (Италия); выходцев из «средних кругов» — 11,8 (Франция), 16,5 (ФРГ), 14,6 (Италия); из «народных» кругов — 2,7 (Франция), 11,0 (ФРГ), 3,1 (Италия). Это сравнение безусловно в пользу социализма.

Было бы ошибочным фетишизировать лидерство в условиях социализма, рассматривать его образец или идеал на все времена. Лидерство, как мы стремились показать, — феномен исторический, развивающийся. Он возникает в определенных исторических условиях и не может оставаться неизменным. Сохранится ли формальное лидерство в будущем? Об этом можно говорить

лишь с определенной долей вероятности. Нам представляется, что феномен формального лидерства со временем также отомрет, позиции лидерства не будут жестко связаны с определенными личностями. Авторитет, мы полагаем, будет существовать и при коммунизме, однако его характер и границы изменятся. «...Социальная организация будущего будет допускать авторитет лишь в тех границах, которые с неизбежностью предписываются условиями производства», — отмечал Ф. Энгельс (1, 18, 304—305).

В. И. Ленин писал, что при коммунизме функции руководства, роль руководителя, даже облик его изменятся. Лучший тип руководителя тот, в котором поменьше «руководящего» в смысле обилия указаний, директив, навязывания своей воли. Успех руководителя, по Ленину, определяется «не силой власти, а силой авторитета, силой энергии, большей опытности, большей разносторонности, большей талантливости» (2, 7, 14). Лучший руководитель — тот, кто руководит тактично, не навязывает свою волю, а убеждает, подсказывает подчиненным правильное решение, максимально втягивая их в управление. Именно такой стиль лидерства характерен для периода строительства коммунизма; он подготавливает время, когда институт формального лидерства окажется излишним.

Можно предположить, что функции руководства будут сведены к оперативному управлению (типа диспетчерского) по выполнению решений, принимаемых коллективом, управлению, практически доступному большинству людей, которые и будут заниматься им по очереди. Функции управления, отмечал В. И. Ленин, «станут вполне доступны всем грамотным людям... эти функции вполне можно будет выполнять за обычную «заработную плату рабочего»... можно (и должно) отнять у этих функций всякую тень чего-либо привилегированного, «начальственного»» (2, 33, 44). Важно создать отлаженный механизм переработки информации и принятия решений, чтобы управлять им мог практически каждый, кто получил специальное образование и навыки (а соответствующее образование будут получать все).

Отметим, что характер современного производства не снимает еще отрицательные последствия разделения труда для личности, включенной в социальный процесс

главным образом через выполнение своих производственных функций; эта односторонность должна компенсироваться другими функциями, другими формами социальной деятельности, и прежде всего — участием в управлении производством и другими сторонами общественной жизни. Человек не есть только агент производства, он субъект всех социальных отношений, носитель функции управления. Мы не считаем, что человек будущего будет специалистом во всех областях человеческой деятельности, но есть функции, неотчуждаемые от всесторонне развитой личности; это прежде всего участие в управлении социальной жизнью, которое означает максимальную включенность личности в социальный процесс. В.И. Ленин писал, что в будущем «все будут управлять по очереди и быстро привыкнут к тому, чтобы никто не управлял» (2, 33, 116). Тут, разумеется, речь идет не об обществе без управления, а о самоуправляющемся обществе, в котором будет отсутствовать тип управления, связанный с наличием особой группы людей, профессией которых является управление другими людьми и процессами.

Реализация этого требования связана с увеличением свободного времени, которое, как писал Маркс, и будет истинным мерилом богатства общества. Современная научно-техническая революция создаст возможности такого сокращения рабочего времени, которое обеспечит непосредственное участие трудящихся в социальном управлении, начиная с управления предприятием и кончая обществом в целом; масса исполнителей, функционирующая по внешнему принуждению, перестанет существовать; каждый труженик будет деятелем, участвующим в управлении, активно воздействующим на социальный процесс, формирующим себя как всесторонне развитую личность.

Таким образом, в коммунистическом обществе управление будет характеризоваться следующими чертами: 1) оно не должно институтизироваться, превращаться в формальное лидерство, порождать иерархизацию; 2) оно не должно закрепляться за одним человеком и противопоставляться другим людям как исполнителям, быть легко переходящим от одного члена коллектива к другому; 3) должно быть максимально распределенным по возможности равномерно между всеми членами группы (общества); 4) не должно давать руководи-

телю материальных преимуществ; 5) давать по возможности меньше престижных преимуществ (или не давать их вовсе). Эти требования могут быть реализованы только в обществе социально однородном, полностью преодолевшем социальные различия.

Важно подчеркнуть, что в коммунистическом обществе произойдет не ослабление руководства, а его оптимизация. Поэтому так актуальна сегодня задача совершенствования системы подготовки руководящих кадров во всех сферах социальной жизни. Идейная закалка, преданность социализму, профессиональные знания, а также специальные знания по управлению — вот драгоценные качества, которые партия воспитывает у сотен тысяч руководителей всех звеньев социалистического общества.

К. Маркс и Ф. Энгельс писали в «Немецкой идеологии», что в классово антагонистическом обществе разделение труда приводит к исключительной концентрации таланта в отдельных индивидах и подавлению его в массах. Напротив, в коммунистическом обществе создаются условия для всестороннего развития талантов, способностей всех членов общества, причем без приковывания их к одному виду деятельности. «В коммунистическом обществе не существует живописцев, существуют лишь люди, которые занимаются и живописью как одним из видов своей деятельности» (1, 3, 393). Несколько перефразируя эти слова, скажем, что в коммунистическом обществе не будет профессиональных управляющих общественной жизнью, будут только люди, занимающиеся управлением как одним из видов деятельности. Каждый человек коммунистического общества — общества всесторонне образованных, гармонически развитых людей — будет часть своего времени уделять вопросам руководства социальной жизнью. И это будет не его второй профессией, а его долгом, его общественной обязанностью и вместе с тем одной из его потребностей, одним из необходимых средств самоутверждения личности.

Цитируемая литература

- ¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.
- ² Ленин В. И. Полн. собр. соч.
- ³ XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. М., 1971.
- ⁴ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976.
- ⁵ Брежнев Л. И. Лениным курсом. Речи и статьи, т. 5. М., 1976.
- ⁶ «Правда».
- ⁷ «Известия».
- ⁸ «Литературная газета».
- ⁹ «Вопросы философии».
- ¹⁰ Афанасьев В. Г. Научное управление обществом. М., 1968.
- ¹¹ Афанасьев В. Г. и др. Труд руководителя. М., 1976.
- ¹² Ашин Г. К. Реакционная сущность идеалистических теорий о роли народных масс и личности в истории. М., 1957.
- ¹³ Ашин Г. К. Доктрина «массового общества». М., 1971.
- ¹⁴ Бурлацкий Ф. М., Галкин А. А. Социология. Политика. Международные отношения. М., 1974.
- ¹⁵ Бурлацкий Ф. М. Мао Цзэ-дун: «Наш коронный номер — это война, диктатура». М., 1976.
- ¹⁶ Гвишиани Д. М. Организация и управление. М., 1972.
- ¹⁷ Гегель. Соч., т. VIII. М.—Л., 1935.
- ¹⁸ Гельвеций К. А. О человеке, его умственных способностях и его воспитании. М., 1933.
- ¹⁹ Гибиш Г., Форверг М. Введение в марксистскую социальную психологию. М., 1972.
- ²⁰ Гольбах П. Система природы или о законах мира физического и мира духовного. М., 1940.
- ²¹ Громыко А. А. 1036 дней президента Кеннеди. М., 1971.
- ²² Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М., 1969.
- ²³ Дейнеко О. А. Методологические проблемы науки управления производством. М., 1970.
- ²⁴ Жеребова Н. С. Исследования лидерства в «малых группах» буржуазными социологами США. — «Философские науки», 1968, № 5.
- ²⁵ Иванян Э. А. Белый дом: президенты и политика. М., 1976.
- ²⁶ Ковалев А. Г. Коллектив и социально-психологические проблемы руководства. М., 1975.
- ²⁷ Лебон Г. Психология народов и масс. СПб., 1896.
- ²⁸ Макиавелли Н. Государь и рассуждения на первые три книги Тита Ливия. СПб., 1869.
- ²⁹ Макиавелли Н. Соч., т. I. М.—Л., 1934.
- ³⁰ Миллс Р. Властвующая элита. М., 1959.
- ³¹ Михайловский Н. К. Соч. СПб., 1885.
- ³² Морено Дж. Л. Социометрия. Экспериментальный метод и наука об обществе. М., 1958.
- ³³ Михеев В. Социально-психологические аспекты управления. М., 1975.
- ³⁴ Ницше Ф. Полн. собр. соч., т. IX. М., 1910.

- ³⁵ Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. М., 1900.
- ³⁶ Парыгин Б. Д. Основы социально-психологической теории. М., 1971.
- ³⁷ Платон. Соч., т. 3, ч. 1. М., 1971, ч. 2. М., 1972.
- ³⁸ Плеханов Г. В. Избр. филос. произвед. М., 1956.
- ³⁹ Попов Г. Х. Проблемы теории управления. М., 1970.
- ⁴⁰ Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. М., 1966.
- ⁴¹ Руководитель коллектива (опыт социально-психологического исследования). М., 1974.
- ⁴² Руководство и лидерство. Л., 1973.
- ⁴³ Салтыков-Щедрин М. Е. История одного города. М., 1948.
- ⁴⁴ Симония И. А. Страны Востока: пути развития. М., 1975.
- ⁴⁵ Скворцов Л. В. Об особенностях кризиса современной буржуазной идеологии. М., 1970.
- ⁴⁶ Сороковой А. Г. Социально-психологические основы руководства. М., 1971.
- ⁴⁷ Социология сегодня. Проблемы и перспективы. М., 1965.
- ⁴⁸ Стуль Я. Е. Руководитель и коллектив. Челябинск, 1976.
- ⁴⁹ Тард Г. Законы подражания. Спб., 1892.
- ⁵⁰ Тард Г. Социальная логика. Спб., 1901.
- ⁵¹ Уэллс Г. Павлов и Фрейд. М., 1959.
- ⁵² Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого Я. М., 1925.
- ⁵³ Фрейд З. Характер и анальная эротика. — Психологическое учение о характере. М.—Пг., 1923.
- ⁵⁴ Шенель В. Руководитель и подчиненный. М., 1972.
- ⁵⁵ Шибутани Т. Социальная психология. М., 1969.
- ⁵⁶ The British Journal of Sociology.
- ⁵⁷ The Journal of Communication.
- ⁵⁸ The Journal of Philosophy.
- ⁵⁹ The Journal of Personality.
- ⁶⁰ The Journal of Social Psychology.
- ⁶¹ Science and Society.
- ⁶² The New York Times.
- ⁶³ US News and World Report.
- ⁶⁴ Zeitschrift für Sozialpsychologie.
- ^{64a} Dissent.
- ⁶⁵ Adrian Ch. and Press Ch. The American Political Process. New York, 1965.
- ⁶⁶ Bass B. Leadership, Psychology and Organizational Behavior. New York, 1960.
- ⁶⁷ Baschwitz K. Du und die Masse. Leiden, 1951.
- ⁶⁸ Barber J. The Presidential Character. Prentice—Hall, 1972.
- ⁶⁹ Bell D. The Coming of Post—Industrial Society. A Venture on Social Forecasting. New York, 1973.
- ⁷⁰ Bellows R. Creative Leadership. Prentice—Hall, 1959.
- ⁷¹ Bernard L. An. Introduction to Sociology. New York, 1942.
- ⁷² Bogardus E. Leaders and Leadership, 1934 (2-nd ed. 1975).
- ⁷³ Carlyle T. On Heroes and Hero-worship, 1941.
- ⁷⁴ Chauchard P. Sociétés animales, société humaine. Paris, 1956.
- ⁷⁵ Chinoy E. Society. An Introduction to Sociology. New York, 1961.
- ⁷⁶ Corbett T. People or Masses. Washington, 1950.
- ⁷⁷ De Gaulle Ch. Le fils de l'épée. Paris, 1959.
- ⁷⁸ Dewey J. Public and its Problems. Chicago, 1945.

- ⁷⁹ *Dill W., Hilton T., Reiman W.* New Managers Patterns Behavior and Development. Prentice—Hall, 1963.
- ⁸⁰ *Domhoff W.* The Bohemian Grove and Other Retreats. New York—London, 1974.
- ⁸¹ *Dye T., Zeigler H.* The Irony of Democracy. An Uncommon Introduction to American Politics. Belmont, 1972.
- ⁸² *Emerson R. W.* Representative Men. Leipzig, 1907.
- ⁸³ *Fairlie H.* The Kennedy Promise. The Politics of Expectation. New York, 1973.
- ⁸⁴ *Finer N.* The Presidency: Crisis and Regeneration. Chicago, 1974.
- ⁸⁵ *Flewelling R.* The Survival of Western Culture. New York, 1943.
- ⁸⁶ *Flewelling R.* Creative Personality. New York, 1976.
- ⁸⁷ *Freud S.* Die Zukunft einer Illusion. Leipzig, 1928.
- ⁸⁸ *Freud S.* Moses and Monotheism. New York, 1939.
- ⁸⁹ *Fromm E.* The Anatomy of Human Destructiveness. New York, San-Francisco, 1973.
- ⁹⁰ *Gilbert G.* The Psychology of Dictatorship. New York, 1950.
- ⁹¹ *Gosset P. et R.* Richard Nixon, le mal amié. Paris, 1972.
- ⁹² *Hageman W.* Vom Mythos der Masse. Heidelberg, 1951.
- ⁹³ *Hamilton R.* Class and Politics in the United States. New York—London, 1972.
- ⁹⁴ *Hand-Wörterbuch der Sociologie.* Stuttgart, 1969.
- ⁹⁵ *Hart J.* Executive Reorganization in the USA and the Growth of Presidential Power. — "Public Administration". London, 1974, v. 52.
- ⁹⁶ *Heimann T.* Professional Management. Boston, 1962.
- ⁹⁷ *Heyes M.* Various Group Mind Theories. Washington, 1942.
- ⁹⁸ *Hook S.* The Hero in History. New York, 1943 (2-nd ed. 1955).
- ⁹⁹ *Horowitz I.* (ed.). The New Sociology. New York, 1964.
- ¹⁰⁰ *Hirschfeld D.* The People, Growth and Survival. Chicago, 1973.
- ¹⁰¹ Hoover Institute Studies. Series "B". Elites, 1952, N 1.
- ¹⁰² *Horney K.* Neurosis and Human Growth. New York, 1950.
- ¹⁰³ *Huant E.* Du biologique au social. Paris, 1957.
- ¹⁰⁴ *Huddleston S.* L'esprit des Foules. — "Synthesés", 1953, N 86.
- ¹⁰⁵ International Encyclopedia of the Social Sciences, 1968.
- ¹⁰⁶ *James W.* The Will to Believe. New York—London, 1893.
- ¹⁰⁷ *Jennings E.* An Anatomy of Leadership. New York, 1960.
- ¹⁰⁸ *Kirkpatrick J.* The New Presidential Elite. New York, 1976.
- ¹⁰⁹ *Lacouture J.* The Demigods. Charismatic Leadership in the Third World. New York, 1970.
- ¹¹⁰ *Lasswell H.* Power and Personality. New York, 1948.
- ¹¹¹ *Lasswell H.* Psychopathology of Politics. New York, 1960.
- ¹¹² Leadership. Selected Readings. Ed. by C. Gibb. Middlesex, 1970.
- ¹¹³ *Lincoln E.* Kennedy and Johnson. New York, 1968.
- ¹¹⁴ *Lippman W.* Essays in the Public Philosophy. Boston, 1955.
- ¹¹⁵ *Mills Ch. W.* The Sociological Imagination. New York, 1959.
- ¹¹⁶ *Mondale W.* Restoring the Balance. — "Center Magazine", 1974, v. 7.
- ¹¹⁷ *Mosca G.* Ruling Class. New York, 1939.
- ¹¹⁸ *Niebuhr R.* The Irony of American History. New York, 1952.
- ¹¹⁹ *Parsons T.* The Social System. Glencoe, 1951.
- ¹²⁰ *Pareto V.* Les systèmes socialistes. Paris, 1902.

- ¹²¹ Political Leadership in Industrial Societies, ed. by *L. Edinger*. New York, 1976.
- ¹²² *Prewitt K., Stone A.* The Ruling Elites. New York — London, 1973.
- ¹²³ *Reich Ch.* The Greening of America. New York, 1970.
- ¹²⁴ *Riesman D.* The Lonely Crowd. New Haven and London, 1967.
- ¹²⁵ *Riley J. (ed.).* The Corporation and its Public. New York, 1963.
- ¹²⁶ *Rossiter C.* The American Presidency. London, 1957.
- ¹²⁷ *Secord P., Backman C.* Social Psychology. New York, 1964.
- ¹²⁸ *Sherif M., Sherif C.* Groups in Harmony and Tension. New York, 1952.
- ¹²⁹ *Scherman A.* The Rape of Ape. The Official History of the Sex Revolution 1945—1973. Chicago, 1973.
- ¹³⁰ *Shils E.* Charisma, Order and Status. Amer. Sociological Review, v. 30, N 2, April 1965.
- ¹³¹ *Schlesinger A. jr.* The Imperial Presidency. Boston, 1973.
- ¹³² *Schlesinger A. jr.* On Heroic Leadership. — «Encounter», 1960, v. 15, N 6.
- ¹³³ *Stogdill R.* Handbook of Leadership. A Survey of Theory and Research. New York—London, 1974.
- ¹³⁴ *Weber M.* The Theory of Social and Economic Organization. New York, 1947.
- ¹³⁵ *Weber M.* Sociologie. Stuttgart, 1956.
- ¹³⁶ *White W. jr.* The Organisation Man. New York, 1956.
- ¹³⁷ *Williams R.* Free and Unequal, 1953.
- ¹³⁸ *Willner R. and D.* The Rise and Role of Charismatic Leaders. Annals of the Academy of Political and Social Science, v. 358. March 1965.
- ¹³⁹ *Willson W.* Constitutional Government in the United States. New York, 1917.
- ¹⁴⁰ *Zajonc R.* Social Psychology. An Experimental Approach. Belmont, 1966.

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Корни и традиции идеалистических теорий лидерства.	9
Глава 2. Эмпирические исследования лидерства в буржуазной социологии	40
Глава 3. Способы обоснования лидерства и его типология в буржуазной социологии	64
Глава 4. Политическое лидерство. Бюрократизация и кризис лидерства в капиталистическом обществе	97
Заключение	121
Цитируемая литература	132

ИБ № 734

Ашин Геннадий Константинович

**КРИТИКА СОВРЕМЕННЫХ
БУРЖУАЗНЫХ КОНЦЕПЦИЙ
ЛИДЕРСТВА**

Заведующий редакцией *В. Е. Викторова*
Редактор *В. А. Ширяева*
Младший редактор *Л. И. Лынная*
Оформление художника *Е. Б. Адамова*
Художественный редактор *Т. В. Иваншина*
Технический редактор *Е. А. Данилова*
Корректор *О. Н. Василенко*

Сдано в набор 16.01.78. Подписано в печать 29.05.78. А05096.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская, № 2. Литерат. гарн. Высокая печать.
Усл. печатных листов 7,14. Учетно-издательских листов 7,72. Тираж 18000 экз.
Заказ № 119. Цена 25 к.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Московская типография № 32 Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, К-51, Цветной бульвар, д. 26.